

Виктор Аскоченский

Асмодей нашего времени

Виктор Ипатьевич Аскоченский

Асмодей нашего времени

«Эхъ, молодость, молодость! Широко ты, словно полая вода, разливаешься по необнимаемымъ очами долинамъ открывающейся предъ тобой жизни; вольно шумятъ шаловливыя волны твои, убегая отъ берега, где стоитъ пріютъ, взлелеявшій тебя, развернувшій лихія твои силы, пустившій тебя ширять по поднебесью сизымъ орломъ. И что за крепость въ твоихъ гибкихъ членахъ! Что за раздолье въ твоихъ замысловатыхъ затеяхъ!..»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

Содержание

Виктор Ипатьевич Аскоченский Асмодей нашего времени	0004
Глава первая	0005
Глава вторая	0023
#4	0038
Глава третья	0043
#6	0073
Глава четвертая	0091
#8	0109
Глава пятая	0111
#10	0144
Глава шестая	0159
#12	0163
#13	0164
#14	0182
Глава седьмая	0196
#16	0216
Глава восьмая	0222
#18	0250
Глава девятая	0258
#20	0285
Глава десятая	0295
#22	0321
Глава одиннадцатая	0353
Глава двѣнадцатая	0378

**Виктор Ипатьевич
Аскоченский
Асмодей нашего времени**

Глава первая

— «Вотъ развалины тѣ!» Чортъ побери, не поется какъ-то. Ермолай! Подай-ка, братецъ, тамъ что нибудь, скатерть что-ли... Вотъ такъ! Давай! Это что? Никакъ халатъ? Отлично, монъ-шеръ! Въ этомъ я буду истый Петровъ. Полу на плечо, фізіономію поотчаяннѣй, да и того... Жаль только, что сегодня я какъ будто не въ голосъ; ну, да ничего, попробуемъ...

И молодой человѣкъ, драпируясь шелковымъ халатомъ, запѣлъ во все горло распре-сквернымъ басомъ: "вотъ развалины тѣ", фальшивя отчаянно, и поминутно переходя изъ мажора въ миноръ.

Этотъ повѣса былъ однимъ изъ тѣхъ счастливыхъ натуръ, у которыхъ *завтра* вовсе не существуетъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда несносный кредиторъ являлся съ униженнымъ напоминаніемъ о давно-просроченномъ долгѣ, объясняясь при этомъ, что онъ никакъ не осмѣлился бы беспокоить его благородіе такими пустяками, еслибъ его самага не заставляла крайность. Еще одинъ только ша-

гь сдѣланъ былъ имъ въ жизнь дѣйствительную: но этотъ шагъ былъ простъ и не затѣйливъ, какъ фигуры французской кадрили. Правительство указало молодому человѣку дорогу, снабдивъ его на подлежащее путешествіе запасомъ необходимыхъ свѣдѣній, разогрѣвъ сердце его ко всему прекрасному и возвышенному и покрывъ пылкую душу его эгидою чести и долга; на счетъ всего прочаго предоставлено было распорядиться ему самому, по усмотрѣнію. Молодецъ, получивъ отъ своей матери родительское благословеніе, нѣсколько неизбѣжныхъ наставленій и небольшой бумажникъ съ довольно осязательнымъ содержаніемъ, въ проѣздъ черезъ Москву, спустилъ большую часть полученнаго имъ груза, не коснувшись только бѣлья да предметовъ невѣсомыхъ, и къ мѣсту своего назначенія прибылъ, по половицѣ, яко благъ, яко нагъ, яко нѣтъ ничего.

Эхъ, молодость, молодость! Широко ты, словно полая вода, разливаешься по необнимаемымъ очами долинамъ открывающейся предъ тобой жизни; вольно шумятъ шалов-

ливия волны твои, убѣгая отъ берега, гдѣ стоитъ пріютъ, взлелѣявшій тебя, развернувшій лихія твои силы, пустившій тебя ширять по поднебесью сизымъ орломъ. И что за крѣпость въ твоихъ гибкихъ членахъ! Что за раздолье въ твоихъ замысловатыхъ затѣяхъ! Бойко несешься ты дикимъ конемъ въ далекую степь, пока не обожжетъ тебя палящее солнце, не заслѣпитъ тебѣ очи горячій песокъ, и пока – усталая – не обратишь, какъ жаръ, раскаленныхъ взоровъ твоихъ на право и на лѣво, ища прохладной струи, чтобъ утолить кипящую въ тебѣ жажду желаній и надеждъ!..

Молодой человекъ, который, пока мы говорили, окончательно сбился съ тону, поднявшись, по его выраженію, выше облака ходячаго, выше лѣсу стоячаго, – этотъ молодой человекъ не герой моего романа. Передъ читателемъ встануть во всемъ мелочномъ своемъ величій и величавой мелочности, во всей, можетъ быть, грустной, но тѣмъ не менѣе справедливой дѣйствительности и другіе образы, другіе характеры, рѣзко бросающіеся въ глаза наблюдателю и отѣненные самород-

ной особенностью: но опять не на нихъ опирается все зданіе этого разсказа, не они движутъ перомъ, едва поспѣвающимъ за тревожнымъ бѣгомъ развивающейся мысли.

Во всякомъ случаѣ не мѣшаетъ однакожь знать, что молодой человекъ, открывшій эту повѣсть раздирательной аріей Бертрана, называется Федоромъ, по отчеству Степановичемъ, а по прозвищу Племянничковымъ. Собою онъ былъ вовсе не красавецъ; природа какъ-то ужъ черезчуръ заострила его физиономію, придавъ ей слишкомъ рѣзкое выраженіе. На моды большихъ претензій Племянничковъ не имѣлъ, и кромѣ уродливой прически *a la tougik*, которая, какъ нарочно не шла къ улиткообразной головѣ его, вы не встрѣтили бы на немъ ничего такого, что поторопился бы перенять любитель модныхъ фраковъ, жилетовъ и прочихъ клочковъ, которыми, по замѣчанію поэта, "на переکورъ стихіямъ", опутываетъ себя цивилизованная половина смертныхъ мужескаго рода. Весь корпусъ Племянничкова, свыкшись сначала съ школьной курткой, а потомъ должностнымъ мундиромъ, какъ-то не совсѣмъ уключе

укладывался во фракъ, какъ бы онъ ловко сшить ни былъ. Но смотря на тщательность, съ какою обыкновенно Племянничковъ пробирался на званый вечеръ, всегда у него, послѣ первой же кадрили, или сворачивался на бокъ непозволительно-толстый узелъ галстука, или высовывалась манишка, открывая такимъ образомъ не всегда безукоризненно чистое бѣлье, или оказывалась одна перчатка незастегнутою, по неимѣнію крючка или пуговицы. На все это впрочемъ Племянничковъ не обращалъ большаго вниманія; его даже мало беспокоило и то, если въ бѣшеномъ вальсѣ портилась его наскоро и незатѣйливо придуманная прическа, и волосы опускались космами, дѣлая его похожимъ на человѣка, который только что выльзъ изъ ванны. Вести разговоръ Племянничковъ умѣлъ какъ-то особенно; смотря потому, гдѣ и съ кѣмъ приходилось ему говорить, онъ бывалъ или чудо какъ остеръ и оборотливъ, или нестерпимо тягучъ и тяжелъ, точно какъ будто всякое слово вязло у него въ зубахъ. Но всего опаснѣе для него было вѣсти рѣчь съ дамами, Богъ его знаетъ, только такъ бывало, что нач-

нетъ онъ какъ быть должно – и сладко, и мягко, и комплиментецъ ввернетъ кстати, а чрезъ минуту, смотришь, дама и отвернулася отъ него со вздернутою губою. "Что, спрашиваетъ его обыкновенно въ такихъ случаяхъ пріятель: видно, ужъ болтнулъ что нибудь? – Да нѣтъ, братецъ, а то и то, – ну, и расскажетъ все какъ было. – Ну, ужъ ты в въ самомъ дѣлѣ, – скажетъ пріятель и также въ свою очередь отойдетъ прочь. А впрочемъ Племянничковъ состоялъ на счету добрыхъ малыхъ. Объ умѣ его говорить нечего; ибо ктожъ нынче не уменъ?

*Мы всё учились по немногу
Чему нибудь и какъ нибудь,
Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
У насъ немудрено блеснуть.*

Не скажу, въ какой мѣрѣ были вѣрны и основательны свѣдѣнія Племянничкова, по крайней мѣрѣ не было науки, о которой бы онъ не судилъ и вкривъ и вкось, озадачивая профановъ техническими терминами и Богъ его знаетъ гдѣ вычитываемыми открытіями.

У письменнаго стола, прислоненнаго къ окну, выходившему въ палисадникъ, сидѣлъ,

склоня голову и положивъ ноги на близьстоявшій стулъ, Николай Михайловичъ Бѣляковъ, пріятель Племянничкова. Онъ въ задумчивости чертилъ перочиннымъ ножичкомъ по столу какія-то буквы, не замѣчая того, что рѣжетъ зеленое сукно. Свѣтлорусые волосы его опустились густою прядью, и грусть тихая и глубокая виднѣлась на этомъ свѣтломъ лицѣ, на которомъ широкой кистью было написано добродушіе и впечатлительная пріимчивость. Трудно было угадать въ эту минуту въ Бѣликовѣ того милаго повѣсу, который всегда веселилъ мѣтко сказаннымъ словомъ беззаботную молодежь; не видать было въ немъ его привычной разсѣянности, его безустаннаго вранья, отъ котораго впрочемъ онъ самъ никогда не краснѣлъ: но не удивило бы это никого изъ тѣхъ, кто былъ близокъ къ Бѣликову. Его мнимая разсѣянность не мѣшала ему вникать въ жизнь и ея прихотливыя явленія. Васъ невольно остановила бы и изумила иная замѣтка, мимоходомъ брошенная этимъ повѣсой, и вы потомъ невольно спросили бы самихъ себя: тотъ ли это человекъ, который

вретъ, не озираясь, не устремляя, по видимо-
му, испытующаго взора въ глубь сцены, по
которой вертится и бѣгаетъ вѣчносуетливое
человѣчество? Рѣдко кому удастся подмѣтить
такъ вѣрно, схватить такъ быстро мелькнув-
шую мгновенно характеристику ставшаго
предъ очи оригинала и освѣтить ее нарочно
придуманнѣмъ для того словомъ, какъ это
дѣлалъ Бѣликовъ. Не подумайте однакожь,
чтобъ Николай Михайловичъ былъ ужъ чи-
сто на чисто Малекъ-Адель XIX вѣка; совсѣмъ
нѣтъ. Весьма многія благовоспитанныя и
очень хорошо танцующія полькъ-мазурку
дѣвицы находятъ, что Бѣликовъ ровно ничего
не значитъ противъ Тонина, отличнѣйшаго,
какъ всѣмъ извѣстно, танцора;— и такое
заключеніе благовоспитаннаго пола совер-
шенно справедливо. Вообразите, — Бѣликовъ
всегда волочитъ ноги, точно какъ будто у
него на каждой по пудовой гирѣ, а иногда
мѣряетъ залу такими огромными шагами,
что ужасъ! — согласитесь послѣ этого, что
такіе поступки ни на что не похожи. Да при
томъ Бѣликовъ какъ-то немножко угловать
въ движеніяхъ и пріемахъ, и потому его съ

нѣкоторой осторожностью слѣдуетъ подпускать къ этажеркѣ, уставленной модными бездѣлушками: непременно чтонибудь уронить, или разломаетъ. Онъ тоже скоръ на бойкое, размашистое слово, отъ котораго подъ часъ покраснѣетъ цѣломудренная мамзель и покачаетъ головой опытная мадамъ: но это, кто его знаетъ, какъ-то все идетъ къ нему. Попробуй-ка другой ктонибудь такъ сказать, — да Боже сохрани! выйдетъ такая исторія, что послѣ и носа нельзя будетъ никуда показать.

— Да перестань, ради Бога, орать! сказалъ Бѣляковъ съ досадой, бросивъ ножичекъ, который онъ ужъ успѣлъ сломать.

— И что, не нравится? отвѣчалъ Племянничковъ, сбрасывая съ себя импровизированный плащъ. Извольте, дяденька, (у него всѣ были дяденьки, хотъ иному дяденькѣ онъ самъ годился бы въ дѣдушки) я замолчу, но только ей-богу скучно; я отъ того и распѣлся, что скучно. Тоска да и полно.

Бѣликовъ вздохнулъ почтя со стономъ.

— Дяденька, а, дяденька! приставалъ Племянничковъ, засматривая въ глаза своему

пріятелю.

– Ну, что? отрывисто сказалъ Бѣликовъ.

– У, что! нельзя было понѣжнѣй да поласковой?

– Чтожь тебѣ нужно?

– Ты былъ нынче у Софьины!

– Былъ, протяжно отвѣчалъ Бѣликовъ.

– Ну, коли пошло на скуку да вздохи, то пойдёмъ опять къ нему.

– Пожалуй, пойдёмъ.

И вотъ уже знакомцы наши собираются брать приступомъ высокое крыльцо квартиры Софьины. Племянничковъ, сейчасъ окончившій какой-то рассказъ, толкнулъ ногой, безъ всякой впрочемъ надобности, лежавшую близъ крыльца старую дворняшку, которая, флегматически взглянувъ на повѣсу и поворчавъ немного, спокойно расположилась на томъ же мѣстѣ.

– Баринъ дова? спросилъ Бѣликовъ дворника, который, распяливъ на вѣшалкѣ какое-то пальто, преусердно колотилъ его обшарпаннымъ вѣникомъ.

– Кто – баринъ? Дома-съ, пожалуйста. Они, надо быть, въ кабинетѣ.

— А что онъ дѣлаеть? спросилъ Племянничковъ, всходя на лѣстницу.

— Ничего-съ; мыслями занимаются, — отвѣчалъ находчивый слуга, поплеывая на ладонь, чтобъ вытереть воротникъ страдавшаго пальто.

Квартира занимаемая Софьинымъ, была изъ лучшихъ въ городѣ. Не богато, но со вкусомъ меблированная, она, по расположенію комнатъ, представляла всѣ удобства, какія нужны человѣку семейному: но болѣзненно сжалось бы сердце у всякаго, кто заглянулъ бы сюда. Снятыя портьеры и занавѣси валялись на полу въ одной кучѣ и шолковыми кистями ихъ забавлялась, прыгая, маленькая собачка, фаворитка дома; между мебелью, разставленной какъ попало и покрытой густымъ слоемъ пыли, лежали скомканные ковры; въ углу прислонилось богатое кресло съ переломленной ногой; на бархатномъ табуретѣ лежали куски матоваго стекла разбитой лампы, и сиротѣющій рояль сдвинуть былъ почти на средину комнаты, къ паркету которой, какъ видно, нѣсколько дней не прикасалась щетка полотера. На козеткѣ, прислоненной

къ стѣнѣ, навалены были груды бѣлья; окна уставлены банками, пузырьками съ заплеснѣвшей микстурой и щегольскими коробочками для порошковъ – и все это въ той гостиной, гдѣ незадолго передъ тѣмъ все являлось такъ стройнымъ, такъ свѣтлымъ, такъ изящнымъ... Обширная зала была совершенно пуста; богатая въ тяжелыхъ рамахъ картина, свѣсившись бокомъ, моталась на одномъ крюкѣ, вырвавъ другой изъ стѣны вмѣстѣ съ штукатуркой; большія зеркала, еще закрытыя бѣлыми, но уже запыленными скатертями, показывали, что тутъ весьма недавно разыгранъ былъ послѣдній актъ той драмы, которую зовутъ жизнію человѣческой... Нѣсколько стульевъ, небольшой столикъ съ графиномъ воды, пробка отъ котораго валялась на полу, закапанномъ воскомъ, два три вазона съ какими-то поблекшими растѣніями – вотъ все убранство той залы, гдѣ за нѣсколько дней предъ симъ витало счастье и довольство, раздавались обворожительныя звуки рояля, одушевляемаго чьими-то перстами и останавливавшіе подъ окнами цѣлыя толпы прохожихъ. А въ другія комнаты еще

тяжелѣе, еще грустнѣй было заглянуть: тамъ во всемъ видно было разстройство и горькое разрушеніе счастія и довольства.

Нѣтъ, видно, нѣтъ кого-то въ этомъ домѣ; ангель-хранитель его, видно, улетѣлъ отсюда!..

— Здравствуй, Владиміръ, — сказалъ Бѣликовъ, подавая руку Софѣину, сидѣвшему на кровати, ничѣмъ не покрытой.

Софѣинъ молча пожалъ руку тому и другому, и повалился на подушку, положивъ на близъ стоявшее кресло какую-то большую книгу въ простомъ, кожаномъ переплетѣ.

Бѣликовъ прислонился къ письменному столу, не упустивъ при семъ случаѣ изломать легкую его рѣшетку.

— Ахъ, дяденька! сказалъ Племянничковъ. Что за ловкость у васъ, ей-богу!

Но Софѣинъ не обратилъ вниманія ни на изломанную рѣшетку, ни на замѣчаніе Племянничкова. Онъ лежалъ неподвижно, подложивъ себѣ подъ голову обѣ руки и мутныя глаза его смотрѣли въ потолокъ.

Владиміръ Петровичъ Софѣинъ былъ не старъ. Многіе, судя по свѣжести его лица, по

веселости характера и особенной крѣпости, никакъ не давали ему болѣе 25 лѣтъ. Но двѣ глубокія морщины на открытомъ челѣ его, рано посѣдѣвшіе волоса заставляли не безъ основанія заключать, что Софѣинъ, если не долго, то много прожилъ. вмѣсто живаго, подвижнаго выраженія, лицо его было подернуто тяжелой думой, наложившей странную неподвижность на всѣ черты одушевленной его фізіономіи; свѣтлыя, горѣвшія силою воли и крѣпостію духа, очи его какъ будто забыли привычный блескъ свой, и тускло устремлялись на одинъ какой либо предметъ, вспыхивая мгновенно и неожиданно несвойственнымъ имъ огнемъ; густо поросшая борода не пріятно отѣняла синеватую блѣдность опустившагося лица, и мрачная тишина, заключенная въ глубинѣ души его, заразительно и властно дѣйствовала на все, что его окружало.

Кабинетъ Софѣина представлялъ такое же разстройство, какъ прочія комнаты. На письменномъ столѣ, заваленномъ бумагами, разбросаны были дорогія бездѣлки, испачканныя перья, недокуренные сигары, мѣдныя и сереб-

рянные деньги, просыпанный песокъ, двѣ тонкихъ восковыхъ свѣчки, какіе-то порошки, раскрытый бумажникъ, бутылочка духовъ, куски чернаго сургуча, клочки богатой парчи, запачканный воскомъ крепь и еще много кой-чего. Голубыя занавѣси у оконъ были спущены и набрасывали синій, мертвенный цвѣтъ на окружающіе предметы; въ углу въ такомъ же безпорядкѣ свалены были книги, кучи бумагъ и свернутыя въ трубку географическія карты. По всему было видно, что рука хозяина ни до чего не хотѣла дотронуться.

И долго бы еще продолжалась начавшаяся послѣ первыхъ словъ свиданія молчальническая сцена, еслибъ Бѣликовъ не наступилъ на ногу собачкѣ, отнюдь не подозрѣвавшей не ловкости господина, сапогъ котораго обнюхивала она такъ дружелюбно. Болѣзненный визгъ собачки заставилъ Софьина вздрогнуть, а Племянничкову подаль случай еще разъ повторить замѣчаніе своему пріятелю.

— А что это, дяденька, за книга такая? скажь онъ, подходя къ креслу.

— Библія, мой другъ, — отвѣчалъ Софьинъ,

тяжело вздохнувъ и приподнимаясь на кровати.

— Нука, ну; я, право, никогда не видалъ ее. Попробовать бы, умѣю ли я читать на этомъ иностранномъ діалектѣ.

— И я не умѣлъ, а вотъ видите, теперь умѣю.

— Кудажь намъ, дяденька, за вами!

— Да, Ѳедоръ Степановичъ, вы правду сказали: куда вамъ за мной! Передъ вами разогнулась только первая страница той книги, которую озаглавливаютъ жизнію, а я ужъ прочиталъ ея нѣсколько томовъ, и потому-то, уставъ отъ этаго чтенія, взялся теперь для отдыха за эту святую книгу.

— А чтожь такое въ этой книгѣ?

— Все, другъ мой. Тутъ реквиѣмъ земному счастью; тутъ реквиѣмъ и убитой скорбями душъ.

— Переплеть, должно быть, старинный, сказалъ Племянничковъ, медленно кладя книгу на столъ.

— Вы знаете продолжалъ Софѣинъ, что я потерялъ; вы знаете, какъ страшна и глубока рана, нанесенная мнѣ той рукой, противъ ко-

торой не устоитъ ничья другая рука. Являлись ко мнѣ утѣшители: но пошлы, изъ рукъ вонъ какъ пошлы были ихъ утѣшенія!.. Я сказалъ имъ: кого Богъ огорчилъ, того люди не утѣшатъ, – и люди замолчали, я поблагодарилъ я ихъ за то въ сердцѣ своемъ. Вотъ тутъ, друзья мои, въ этой книгѣ нашель я себѣ животворящую мысль, укрѣпившую меня въ вѣрѣ, поддержавшую во мнѣ надежду и чуть-чуть теплившуюся искру любви.

– Все такъ, Владиміръ Петровичъ, сказалъ Племянничковъ, все это такъ, но время все залечить.

– Голубчикъ! Вылечиваютъ и тѣхъ, у кого оторвана рука или нога: но человекъ все таки остается калекою. Залечить время и мою рану, но скажете ли вы, что цѣла моя душа также, какъ цѣла теперь ваша?

– Эхъ, дяденька! сказалъ Племянничковъ съ обычной ему беззаботностью, – перемѣнимте, пожалуста, разговоръ! Ей-богу, такая тоска.

– Пожалуй.

И Софьинъ началъ ходить медленными шагами по комнатѣ.

– Чтожь, Николай, ты не утѣшаешь меня? сказалъ онъ потомъ Бѣликову тономъ какой-то горькой насмѣшки, остановившись передъ нимъ.

– Не нужно, отвѣчалъ Бѣликовъ грубо, и на глазахъ его навернули слезы.

Софьинъ упалъ лицомъ въ подушку и глухо зарыдалъ.

Есть несчастія, сила которыхъ уменьшается уже тѣмъ, что человѣку остается возможность бороться съ ними; есть другія несчастія, которыя всей тяжестью налегая на человѣка, однимъ разомъ убиваютъ въ немъ всю энергію духа и оставляютъ одно и единственное успокоеніе въ покорной преданности волѣ Провидѣнія.

Глава вторая

Владиміръ Петровичъ Софьинъ былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ, которые, бывъ отмѣчены перстомъ судьбы, рано обрекаются на борьбу съ жизнію и всѣми прихотливыми явленіями ея. Равно пріимчивый какъ для горя, такъ и для радостей, онъ безъ всякаго расчета расходовалъ запасъ силъ душевныхъ, щедро вложенныхъ въ него благодѣтельной природой. Не включая себя насильно въ число аристократовъ, Софьинъ трудами и прочнымъ, неволью уважаемымъ отъ свѣта, образованіемъ достигъ того, что радушно былъ принятъ тѣми, которые давали законы другимъ маленькимъ общественнымъ кружкамъ, сами не принимая ни отъ кого. Но блескъ, издали слѣпившій очи, скоро показалъ Софьину мишурность свою, и недовольный свѣтомъ и его обычаями, онъ рѣшился укрыться въ самага себя отъ шумныхъ и пустыхъ его развлеченій. Наука, строгая, какъ трапистъ, отъ крыла ему свое святилище; Софьинъ съ жаромъ принялся изучать ея элевзинскія таинства, чтобъ стать жрецомъ

ея достойнымъ: но и тутъ недолго держаль его одуряющій нѣкоторыя головы обманъ. Чѣмъ болѣе открывался передъ нимъ длинный и необозримый свитокъ никогда не разрѣшимыхъ задачъ нѣсколько тысячъ лѣтъ умствующаго человѣчества, тѣмъ понятнѣе становилось изреченіе Сократа, что наконецъ онъ знаетъ то, что ничего не знаетъ, уѣмъ ближе присматривался къ механической работѣ прославленныхъ тружениковъ науки, тѣмъ поразительнѣй представлялось ему сходство ихъ съ оракулами, скрывавшими подъ однимъ изреченіемъ два противоположные смысла и смотря по надобности, употреблявшими тотъ или другой. Плѣненный потомъ вдохновенными твореніями Россини и Доницетти, чудными мелодіями Шуберта и гремучими фантазіями Листа и Тальберга, Софьинъ на цѣлый мѣсяцъ усѣлся у фортепьяна и безъ устали отъ утра до вечера колотилъ непослушныя клавиши, вызывая изъ нихъ знакомую душѣ его гармонію: но такое занятіе привело нетерпѣливаго артиста къ тому лишь убѣжденію, что Бюффонъ рѣшительно не правъ, утверждая, что геній

есть – терпѣніе. Наконецъ Софѣинъ схватилъ кисть и карандашъ, запасся ватманской бумагой, уставилъ свой кабинетъ станками, бюстами и рамами, обтянутыми полотномъ, накупилъ цѣлую кучу красокъ, отпустилъ длинныя волосы, принялъ артистическую небрежность, и съ портфелью подъ мышкой пустился гулять по окрестностямъ, въ намѣреніи создать что нибудь въ родѣ Теньера или Корреджіо: но схвативъ простуду и съ трудомъ ускользнувъ отъ бѣшеной собаки, сильно его напугавшей, приказалъ убрать изъ кабинета весь артистическій хламъ, остригся попорядочнѣй, повязалъ галстухъ, какъ должно, застегнулъ все, чему не слѣдуетъ быть растегнутымъ, и сѣлъ, сложа руки, съ сигарою во рту. Софѣинъ, какъ видите, успокоился – но надолго ли? Есть пора въ нашей жизни, когда мы вольны, какъ птичка Божія, когда сердце наше, словно мотылекъ, порхаетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, когда умъ, не опасаясь строгаго взысканія, строитъ воздушныя замки и потомъ хладнокровно разрушаетъ ихъ самъ съ тѣмъ, чтобъ снова начать эту Сизифову работу. Разсчеты и соображенія тутъ

не имѣютъ мѣста; мы бѣжимъ опрoметью, безъ оглядки, по незнакомой, устилаемой цвѣтами нашего жь воображенія дорогѣ жизни; мы въ хлопотахъ, но только объ удовольствіяхъ да наслажденіяхъ, – чудо какъ хорошо! Все вокругъ насъ такъ весело, такъ роскошно! Но чѣмъ долѣе бѣжимъ мы, тѣмъ ощутительнѣе усталость, тѣмъ пустыннѣе становятся окружающіе насъ виды, тѣмъ одиноче мы себя чувствуемъ. Глядь – на поверстномъ столбѣ жизненной дороги бѣлѣетъ цифра: 25: призадумались молодцы, но не надолго. Бѣжимъ опять; что будетъ, то будетъ, а до 40 еще далеко, – катай! И катаемъ; а между тѣмъ при малѣйшемъ углубленіи въ самихъ себя, въ насъ незамѣтно развивается потребность другой, лучшей, истинно-человѣческой жизни; а между тѣмъ мы иногда задумываемся не на шутку; а между тѣмъ усталой душѣ нашей хочется отдохнуть и сердце просить любви. Вдругъ видимъ на столбѣ: 30. Впереди все такъ синѣ, неопредѣльно, безцѣльно, однообразно, такая страшная пустота, – стой! Мы оглядываемся назадъ, ищемъ чего-то кругомъ себя; мы чувствуемъ, глубоко уже чув-

ствуемъ свое одиночество, и если не совсѣмъ израсходовали прекрасное чувство любви, — грустимъ, крѣпко грустимъ, сами не зная отъ чего.

Впрочемъ Софѣинъ былъ не таковъ. Онъ уже бывалъ нѣсколько разъ влюбленнымъ. Какъ водится, онъ страдалъ и сильно страдалъ; клялся при встрѣчающихся препятствіяхъ пропасть совсѣмъ и съ головой и съ грѣшнымъ тѣломъ; громко увѣрялъ пріятелей, что наконецъ нашелъ давно-искомый идеаль, что идеаль этотъ поднесъ ему "чашу страстной нѣги, шире неба, глубже моря, которую онъ якобы выпилъ до дна", и наконецъ (простите! кто на своемъ вѣку не дѣлалъ глупостей!) писалъ въ новѣйшемъ вкусѣ стихи "къ ней", гдѣ вовсе не сантиментальничалъ, какъ это было въ скромные, карамзинскіе годы, а грозилъ, какъ слѣдуетъ, отчаяніемъ, ревностію а la Отелло, громами и молніями небесъ и еще чѣмъ-то чрезвычайно страшнымъ. Потомъ, когда дѣла, въ которыя вовсе некстати вмѣшивалась такая раздира-тельная любовь, устраивались законнымъ порядкомъ, и страстному обожателю уже

неловко становилось являться къ "божественной, но коварной дѣвѣ", Софьинѣ, продекларировавъ съ чувствомъ и съ должною разстановкой:

*Я пережилъ свои желанья,
Я разлюбилъ своя мечты,*

и прочее до конца, влюблялся снова въ какуюнибудь Адель, и снова начиналась таже исторія.

Пришла наконецъ и ему пора войти въ самого себя, и безъ сожалѣнїя, даже съ упрекомъ взглянулъ онъ назадъ у на свои минувшее, и весь отдался настоящему, робка устремляя проворливый взоръ въ синѣвшую передъ нимъ даль будущности.

Но будущность, какъ мы видѣли, страшно обманула его. Девять мѣсяцевъ только прожилъ онъ съ избранницей своей, съ своей несравненной Надиной и остался тѣмъ, чѣмъ мы встрѣтили его въ началѣ нашего разсказа, — остался съ сиротой, который не видалъ ласкъ матери, не слышалъ голоса ея и даже смутно не представитъ себѣ со временемъ желаннаго образа ея.

Владиміръ Петровичъ уберегъ однакожь сердце свое отъ конечнаго сокрушенія, не позволилъ уму возмутительнаго ропота и склонилъ его къ смиренной покорности неисповѣдимымъ путямъ Промысла. Вдали отъ шума городскаго, онъ началъ жить двойной жизнью: но отторгаясь одной половиной существа своего отъ неизбѣжныхъ тревоженій настоящаго, другой лучшей половиной онъ жилъ въ прошедшемъ, читая въ памяти своей прекрасныя страницы минувшаго счастья. Сначала городъ говорилъ, толковалъ и пересуживалъ поведеніе Софьина, потомъ занялся болѣе свѣжими новостями, наконецъ и совсѣмъ забылъ его. Софьинъ не замѣчалъ даже того, что многіе изъ его прежнихъ знакомыхъ, встрѣчаясь съ нимъ, важно подавали два пальца, или едва приподнимали шляпу, не прерывая съ спутникомъ своимъ далеко зашедшаго разговора. Онъ являлся къ должности, исполнялъ все, чего требовала отъ него служба, и молчаливый, многодумный возвращался домой жить особою, созданною имъ самимъ жизнію.

Хороша и эта жизнь, если человекъ не по-

терялъ способности углубляться въ себя; если еще остается въ немъ сила мысли и чувства; въ ней даже ярче свѣтится высокое достоинство человѣка. Жалокъ и печалень видъ того несчастливца, который мечется по тревоженному морю жизни съ потеряннымъ якоремъ вѣры и надежды, или который заглушаетъ горе свое въ оскорбляющихъ достоинство существа разумнаго оргіяхъ!

Софьинъ по неволѣ долженъ былъ разстаться съ своимъ сиротой – Митей. Держать его при себѣ значило бы угождать собственному эгоизму, и первыя минуты сознательной жизни младенца отравить мыслью о сиротствѣ и одиночествѣ. Не растетъ дерево на камнѣ, хотъ и камень разогрѣвается до жара-пыла огненнаго; ему нужна мягкая, теплая, охлаждающая земля... Спокойно, хотъ и не безъ грусти, отпустилъ Софьинъ своего Митю къ родному дѣду подъ теплое и нѣжное крылушко родной тетки, замѣнившей ему съ этой минуты родную мать. Долго еще нужно было ждать, пока онъ услышитъ изъ устъ младенца своего сладкое имя отца. Пусть же до того времени свѣтлые глазки новаго при-

шельца опальной земли встрѣтятся съ очами женщины, всегда магнетически смягчающими душу; пусть сразу не пугаетъ его сиротство, и да видитъ онъ въ близкомъ къ нему дѣвственномъ созданіи мать свою, къ которой онъ придетъ со временемъ лишь на могилу...

Софьинъ любилъ посѣщать часовню, построенную имъ надъ гробомъ незабвенной своей подруги. Тамъ просиживалъ онъ вечера, бесѣдуя съ отшедшею отъ него душой словами вдохновеннаго псалмопѣвца, и чудилось ему порой, что кто-то рѣялъ вокругъ его и навѣвалъ на сердце его прохладу утѣшенія. Тамъ-то понялъ онъ, что молитва действительно есть связь, соединяющая міръ видимый съ невидимымъ, есть бесѣда духа, заключеннаго въ плоти, съ духомъ, уже отрѣшившимся отъ нея. Какъ свѣтлаго праздника, ждалъ онъ субботы, когда въ храмъ Божій являлся служитель олтаря приносить безкровную жертву за души усопшихъ, когда въ живыхъ пѣсняхъ Церкви слышался какбы отвѣтный голосъ на плачь и воздыханіе сиротствующихъ; когда религія въ ощутитель-

ныхъ образахъ являлась слабому смертному благовѣстницей вѣры и надежды. Весь обливался слезами Софьинъ: но отрадны бывали эти слезы; онѣ какъ будто размывали тоску души и легко вздыхалось послѣ нихъ, и спокойнѣе становилось думное чело несчастливца.

Проходили мѣсяцы, прошелъ и годъ и два года. Предсказанія нѣкоторыхъ господъ и госпожь о неминуемой женитьбѣ Софьина плохо оправдывались. Однѣ изъ невѣсть, на которыхъ онѣ указывали, повыходили за мужъ, другія оставались въ дѣвствѣ, пріобрѣтая съ каждымъ днемъ привычку сплетничать и злобясь на подростковъ, оставлявшихъ ихъ на заднемъ планѣ картины, а Софьинъ все оставался грустнымъ и одинокимъ, все еще любилъ память незабвенной своей подруги.

Но всемогущее время начинало уже по немногу закрывать тяжелую рану горячаго сердца.

Въ одинъ изъ лѣтнихъ дней нѣкоторые изъ обывателей города В., бывъ обмануты яркимъ сіяніемъ утренняго солнца, пожаловали ради прогулки въ кладбищенскую церковь.

Часамъ къ двѣнадцати набѣжавшая туча заговорила громомъ, залилась проливнымъ дождемъ, и оставивъ на улицахъ пѣнившіяся лужи, прошла себѣ какъ ни въ чемъ небывала. Софьинъ послѣ обѣдни, пошелъ въ часовню, и черезъ четверть часа, выглянувъ изъ дверей, увидѣлъ на церковной паперти какую-то даму, очень плотную, и съ ней молодую, миловидненькую дѣвицу. Дама съ довольно крупными жестами обращалась къ своей компаньонкѣ, и по видимому, дѣлала ей какіе-то выговоры. Дѣвица безотвѣтно и тревожно поглядывала черезъ рѣшетчатую ограду кладбища, какбы выжидая кого-то, и потомъ приподнимала умоляющіе взоры на барыню, больше и больше выражавшую нетерпѣніе и досаду.

— Нечего выглядывать-то! слышался сердитый голосъ барыни. Не припасла еще колясокъ да каретъ для вашей милости! Вѣдь говорила же, чтобъ постоялъ извозчикъ; такъ нѣтъ, отпусти да отпусти, тапан; пѣшкомъ захотѣлось, променадъ сдѣлать захотѣлось. Вотъ тебѣ и променадъ!

— Да выжь сами, маменька, не захотѣли

удерживать лошадей! Я вамъ и слова не говорила.

— Ну такъ! я у васъ во всемъ виновата! Да чтожь, сударыня вы моя, и у васъ алтынщица какая нибудь что ли?

Дѣвица не отвѣчала на это ни слова, но отвернувшись, поднесла къ глазамъ платокъ.

Софьинъ вышелъ изъ часовни. — Позвольте, сказалъ онъ, вѣжливо поклонившись обѣимъ дамамъ, предложить вамъ экипажъ мой.

— Ахъ, помилуйте да какъ-же это...

Жеманный тонъ, какимъ произнесены были эти слова, совершенно не гармонировалъ съ тѣми довольно крупными выраженіями, какими эта барыня потчивала сейчасъ свою компаньонку. Открытые и гнѣвные глаза ея теперь были какъ-то прищурены и сладки до приторности; самая голова ея, значительно отдѣлявшаяся отъ плотнаго бюста, теперь какъ будто ушла въ плечи, словно у индюка, когда онъ распустивъ хвостъ, собирается окликнуть пробѣгающаго мимо его мальчишку.

— Пройти теперь пѣшкомъ рѣшительно невозможно, продолжалъ Софьинъ, а я побу-

ду еще здѣсь, и лошади мои успѣютъ воротиться.

– Ахъ, мусье, жеманно проговорила барыня; да мы же съ вами незнакомы.

– Моя услуга не такъ велика и не такъ обязательна, чтобъ требовала предварительнаго знакомства. Авпрочемъ...

– Поѣдемте, татап, сказала дѣвушка – и покраснѣла.

– Ахъ, какія вы странныя, мадамъ! замѣтила барыня.

– Парфень! крикнулъ Софьинъ: давай!

И онъ подалъ руку барынѣ, которая жеманно приняла ее и стала сходить съ ступенекъ. Дѣвица пошла за ними.

– Мы, говорила барыня, недавно изъ Петербурга, и признаться, не успѣли обзавестись экипажомъ. Все это осталось у насъ тамъ – у генерала Топорова; – это лучший другъ нашего дома. Вы съ нимъ знакомы?

– Съ кѣмъ-съ?

– Съ генераломъ Топоровымъ.

– Съ генераломъ Топоровымъ незнакомъ.

– Такъ вы не были никогда въ Петербургъ?

– Былъ.

– Какъ же вы не знаете генерала Топорова?

– Я знаю тамъ Топорова, но только помощника Директора, и опять не генерала.

– Андрея Демьяныча?

– Кажется, такъ. Онъ, помнится, только Статскій Совѣтникъ.

– Такъ этожь онъ и есть. Онъ ужъ теперь Директоромъ?

– И генераломъ?

– М-да, скоро получить да я думаю и получилъ ужъ.

– Гмъ.

Софьинъ помогъ барынь сѣсть въ коляску.

– Мы, голубчикъ, сказала барыня, обращаюсь къ Парфѣну, живемъ на Абакумовской улицѣ, въ домъ Чепыховской.

– Противъ колодезя?

– Противъ колодезя.

– Знаю-съ.

– Ты, голубчикъ, поѣзжай другой улицей, а не той, что мимо губернатора. Неловко какъ-то.

Софьинъ улыбнулся, усаживая въ это время и молоденькую дѣвушку и получивъ отъ нея институтское мерсі. Чему онъ улыбнул-

ся – откровенному ли разговору жеманное барыни съ бородатымъ Парфеномъ, или этому неизбежно официальному мерсі – неизвестно; только, проводивъ глазами экипажъ, онъ уже не пошелъ въ часовню, а сѣлъ у паперти на одну изъ ступенекъ.

— Хорошіе господа, — говорилъ сторожъ, — замыкая церковныя двери, — недавно пріѣхамши, а хорошіе.

Софьинъ молчалъ.

— Барыня разговорчивая такая, и о васъ спрашивала.

Софьинъ поднялъ голову и снова опустилъ ее, молча.

— Ходили часовню смотрѣть и двугривенный пожаловали.

Софьинъ началъ выводить по песку палкою какіе-то каракули.

— И барышня-то нечто себѣ. Не во гнѣвъ вашей милости, точно сестра родная вашей покойн....

Софьинъ взглянулъ на него сердито.

— То есть, продолжалъ словоохотливый сторожъ, примѣрно сказать, оно не то чтобы бровь въ бровь, а того-съ.

Софьинъ всталъ и пошелъ бродить по кладбищу. Онъ былъ пасмуренъ и недоволенъ чѣмъ-то. Къ счастью, эпитафіи, украшавшія пышные памятники, помогли ему нѣсколько разсѣяться. На одномъ изъ нихъ Софьинъ прочиталъ, что сердобольная

мать оставила въ плачевномъ сиротствѣ сына, родившагося 1792 года, которому, по вѣрному счету, оказывалось далеко за полсотню лѣтъ; на другомъ дочерь купца первой гильдіи просить всѣхъ и cadaго помолиться объ усопшемъ и объ оставшейся его сиротѣ; на третьемъ выбито было золотыми буквами, что здѣсь почіеть сномъ смертнымъ секретарь Губернскаго Правленія, титулярный совѣтникъ, Тарась Гвоздило; четвертая надпись гласила, что подъ симъ камнемъ погребено тѣло супруги кавалера третьей степени анны Гонораты Викентьевны Сплетницкой. Суета суетствій, подумаль Софьинъ: и кавалерши третьей степени и титулярные совѣтники умирають! Онъ рѣшительно повеселѣлъ. Вообще всѣмъ страдающимъ припадками меланхоліи рекомендуется гулять по городскому кладбищу и перечитывать надгробныя надписи. Прелестъ что такое!

Дня черезъ три послѣ событія, описаннаго нами, Софьинъ поѣхаль съ визитомъ къ случайнымъ своимъ знакомымъ. Онъ узналъ, что барыня, которой удалось ему прислу-

житься экипажемъ, была супруга недавно прибывшаго Предсѣдателя Онисима Сергеевича Небѣды, а дѣвица, бывшая съ ней, дочь ея, не досидѣвшая только двухъ мѣсяцевъ опредѣленнаго курса въ какомъ-то учебномъ заведеніи, и взятая оттуда родителями, не пожелавшими разстаться съ дочерью и на такой короткій срокъ. Говорили, что будто Соломонида Егоровна – барыню звали Соломонидой Егоровной, – отъѣзжая въ провинцію, имѣла и другіе кое-какіе виды: но Софьинъ не считалъ нужнымъ повѣрять эти толки и ограничился поверхностными свѣдѣніями о тѣхъ лишь особахъ, которыхъ увидѣлъ онъ случайно, а что впередъ Богъ дастъ, то предоставилъ онъ времени.

Но пожалуйста, – какъ же это Софьинъ, самъ состоящій на службѣ въ томъ же городѣ, до сихъ поръ не познакомился съ такимъ важнымъ въ бюрократическомъ мірѣ лицомъ, какъ Предсѣдатель? Вѣдь ужъ болѣе мѣсяца, какъ Онисимъ Сергеевичъ отрекомендовался всѣмъ знаменитостямъ города В. А вотъ въ томъ-то и сила, что онъ отрекомендовался однимъ лишь знаменитостямъ. Со-

ломонида Егоровна, сама пересмотрѣвъ губернской адресъ-календарь, растолковала своему супругу, къ кому онъ долженъ ѣхать не медля, кому можно и отложить визитъ, а къ кому и вовсе не ѣздить. Надо знать, что Соломонида Егоровна въ дѣлахъ такого рода была весьма свѣдуца и осмотрительна, и крайне гнѣвалась, если Онисимъ Сергеевичъ забывался какъ нибудь и позволялъ себѣ фамиліарность съ человѣкомъ, почему либо не обратившимъ на себя благосклоннаго вниманія Соломонида Егоровны. На сколько это дѣйствовало на Онисима Сергеевича, мы увидимъ въ послѣдствіи; нельзя однакожь сказать, чтобъ онъ вовсе не слушался въ этомъ дражайшей своей половины. "Да ну тебя совсѣмъ! говаривалъ онъ обыкновенью въ такихъ случаяхъ: не поѣду, не поѣду! Не разсыпайся, пожалуста, только въ краснорѣчіяхъ-то!"

Къ несчастію, Софѣинъ, по усмотрѣнію Соломонида Егоровны, попалъ во второй разрядъ будущихъ знакомыхъ его высокородія, и визитъ къ нему отложенъ былъ на неопредѣленное время. Онъ впрочемъ зналъ,

что прибылъ новый Предсѣдатель, что онъ
человѣкъ семейный, – и только. Дальнѣйшія
свѣдѣнія о его особѣ не слишкомъ интересо-
вали Софѣина, и не случись извѣстнаго намъ
произшествія на кладбищѣ, все семейство
Небѣды надолго бы осталось для него по-
крытымъ, какъ говорится, мракомъ
неизвѣстности.

Глава третья

Небѣды занимали бель-этажъ въ одномъ изъ лучшихъ домовъ въ городѣ: но какъ водится въ провинціяхъ, домохозяинъ очень мало обратилъ вниманія на удобство входа. Не смотря на то, что Софѣинъ прїѣхалъ въ самый полдень, онъ долженъ былъ пробираться почти ощупью по крутой и извилистой лѣстницѣ, и обсчитавшись одной ступенькой, крѣпко стукнулъ ногой, поднятой безъ всякой надобности, что заставило его остановиться на минуту и пожелать домохозяину что-то очень нехорошее. Отворивъ дверь прихожей, онъ чуть было не столкнулся съ какой-то салопницей и услышалъ тоненькій голосокъ, произнесшій довольно явственно слѣдующее:

– Хорошо, хорошо; доложу генералу, какъ только онъ воротится.

Въ дверяхъ залы мелькнуло что-то и исчезло за захлопнутой дверью.

– Генераль? сказалъ въ полголоса Софѣинъ. Кто здѣсь квартируетъ? спросилъ онъ салопницу, не видя никого изъ прислуги.

– Генераль, батюшка.

– А не Предсѣдатель? сказалъ онъ тише, поворачивая къ дверямъ.

– Можетъ, и засѣдатель, только чинъ-то на немъ, видишь, генеральскій.

Софьинъ остановился въ недоумѣніи, держась за ручку двери.

Вошелъ лакей.

– Кто здѣсь квартируетъ? спросилъ Софьинъ.

– Штатскій Совѣтникъ Небѣда-съ.

– Можно его видѣть?

– Барина дома нѣтъ-съ, а барыня принимаютъ. Какъ прикажите доложить?

Сказавъ что нужно, Софьинъ остался съ салопницей.

– Взгляньте окомъ состраданія, начала она, на Творца всемогущаго и воздвигните сердце.

– Что вамъ отъ меня угодно?

– Единственно милосердіемъ высокоименитыхъ благотворителей.

Салопница замолчала, примѣтивъ, что Софьинъ доставалъ портъ-моне.

– Вдова, опять заговорила она: капитанъ-ша, трое дѣтей, братъ слѣпой, сестра хромая, безъ крова и пристанища.

Она заморгала глазами, стараясь выжать изъ нихъ привычную слезу.

Софьинъ протянулъ къ ней руку съ какой-то мелкой монетой.

– Ахъ, батюшка! заговорила салопница, принявъ однакожь деньги. Что это вы? Развѣ я нищая? Ошибаетесь, молодець! Я благородная, вдова, капитаньша, у генераловъ бываю; меня и губернаторъ знаетъ.

– Чтожь вамъ угодно отъ меня?

– Пожалуйте-сь! сказалъ лакей, отворяя обѣ половинки дверей въ залу.

Софьинъ сбросилъ съ себя шинель и сдѣлалъ шагъ къ дверямъ.

– Позвольте, позвольте, батюшка, – сказала салопница, заступая дорогу: взгляньте окомъ состраданія на Творца...

Софьинъ взглянулъ на лакея, который, къ счастью, былъ не глупъ и понялъ его взглядъ.

– Ну, подижь, поди! сказалъ онъ, оттъсня салопницу

Софьинъ прошелъ въ залу.

– Эхъ, ты пани на всѣ сани! говорилъ лакей, оставшись съ салопницей. А ложку зачѣмъ стянула у Ивановыхъ?

– Ахъ, ты мерзавецъ, невѣжа этакій! какъ ты осмѣливаешься....

– Ну, не пыли жъ, не пыли. Вѣдь вытрусили! Будто я не знаю!

– Мужикъ необразованный! постой же, нечто я не скажу генералу...

– Тутъ тебѣ никакого нѣтъ генерала. А ты проваливай, вотъ что!

– На зложь вотъ тебѣ, не пойду, да и знай!

И однакожь сдѣлала шагъ къ дверямъ.

– У меня пойдешь! сказалъ лакей какимъ-то рѣшительнымъ топомъ, отворяя дверь прихожей.

– Ну, и пойду, конечно, пойду! Не съ тобой же хамомъ мнѣ заниматься.

– Благородная! Всякая шваль тудажь лѣзетъ въ благородные! говорилъ лакей, заворяя дверь за салопницей, которая еще что-то бормотала, спускаясь въ лѣстницы.

Въ залъ, которою проходилъ Софѣинъ, замѣтна была немалая претензія на роскошь. Занавѣси и портьеры были изъ тяжелаго штофа, но довольно подержанныя и какъ видно совершившія, кромѣ оффиціального путешествія изъ столицы въ провинцію,

нѣсколько другихъ переходовъ по нисходящей линіи. Въ одномъ углу прислонена была этажерка, уставленная фарфоровыми и бронзовыми бездѣлушками, въ другомъ стояло фортепьяно, покрытое чехломъ; въ простѣнкахъ между оконъ висѣли большія зеркала и массивная люстра обременена была нѣсколькими десятками свѣчей, что однакожь мало гармонировало съ величиной залы; старыя кресла и стулья недружелюбно поглядывали на своихъ собратій, недавно прибывшихъ изъ мебельнаго магазина и еще сохранявшихъ запахъ свѣжаго дерева. На стѣнахъ висѣло нѣсколько эстамповъ превосходной работы, и рядомъ съ ними прескверно вышитая гарусомъ какая-то картина.

Въ залѣ никого не было.

Софьинъ прошелъ въ гостиную. Тамъ на диванѣ, принявъ заранѣе обдуманную позу, сидѣла знакомая намъ барыня, Соломонида Егоровна Небѣда. Рука ея была небрежно брошена на бархатную подушку; богатое шелковое платье охватывало ея плотный бюстъ, рельефно обрисовывая всѣ его округлости; легенькій чепчикъ едва касался волосъ, взби-

тыхъ à la помпадуръ; массивный браслетъ втиснулся въ ея мясистую руку и заставлялъ подозрѣвать, что это украшеніе, перенятое нашими львицами у дикихъ, не безъ значительной боли обходилось дебелой щеголихъ.

На вѣжливый поклонъ Софьи́на Соломони́да Егоровна граціозно покачнулася всею корпусомъ и показавъ рукой на кресло, проговорила самымъ мягкимъ и какбы болѣзненнымъ голосомъ:

— Prenez place, мусье Софьинъ.

— Извините, что я такъ замедлилъ засвидѣтельствовать...

— Mieux tard, que jamais, сказала Соломони́да Егоровна, очень кстати перебивъ глупо-официальное начало этикетнаго визита: признаться, мы еще не устроились, какъ слѣдуетъ. Только какой ужасный вашъ городъ! Нигдѣ нельзя достать порядочной мебели.

— У Голли, кажется, недурна; дорога только.

— Ахъ, какъ это можно говорить? Не въ томъ, что дорога; мы готовы заплатить, что угодно, но дурна, ужасно дурна. Можете вообразить, каково привыкать къ мебели како-

го-то тамъ вашего Молли, Голли право, не знаю, послѣ Гамбсовской. У насъ въ Петербургѣ вся мебель была отъ Гамбса.

Дѣйствительно, сказать что нибудь противъ этого было очень трудно, и Софьинъ молчалъ въ благоговѣйномъ уваженіи къ мебели Гамбса, покоившей тучную особу барыни.

— И все это нами продано рѣшительно за безцѣнокъ, продолжала Соломонида Егоровна.

— Да, переѣзды никогда не обходятся безъ потерь.

Сказавъ такой глубокомысленный афоризмъ, Софьинъ опять замолчалъ. Богъ его знаетъ, или ужь въ теченіи этихъ двухъ лѣтъ онъ разучился говорить, или Соломонида Егоровна имѣла въ себѣ что нибудь расклеивающее всякую складную рѣчь только разговоръ какъ-то не вязался. Къ вопросамъ о здоровьѣ, къ толкамъ о погодѣ Софьину не хотѣлось прибѣгать, и потому онъ положилъ лучше слушать, и смотря уже по обстоятельствамъ, подкинуть и свою какую нибудь сентенцію.

— Скажите, мусье Софьинъ, есть тутъ у ва-

съ какое нибудь общество?

Опять вопросъ, весьма трудный къ разрѣшенію, но однакожь отвѣчать все-таки надо.

— По крайней мѣрѣ, сказалъ Софьинъ, нельзя отказать въ этомъ ни одному губернскому городу.

— Да, это конечно, съ достоинствомъ, подтвердила Соломонида Егоровна. Толькожь такое, я думаю, и общество! Какіе нибудь совѣтники, секретари...

— Есть и совѣтники и секретари, которые не уронили бы никакого общества.

— Да всежь это не то, что называется *société*. Вотъ въ Петербургѣ, на примѣръ... повѣрите ли, мусье Софьинъ, отъ однихъ каретъ не было проѣзду мимо нашего дома. Все-первостепенные сановники да всякія знаменитости — вотъ это такъ общество! А здѣсь ктожь такой?

Софьину видимо становилось досадно.

— По Сенькѣ шапка, сказалъ онъ съ провинціальной откровенностью.

— Ахъ, мусье, замѣтила барыня, жеманясь, какъ недавно выпущенная институтка, какъ

вы странно выражаетесь!

— Вот тебѣ разъ, подумаль Софьинь, а ты небось лучше выражалась на кладбищѣ-то! — Извините, сказалъ онъ улыбаясь, но пригоднѣй этой поговорки мнѣ на этотъ разъ ничего не пришло въ голову.

— Я ужасно была зла на моего Онисима, сказала Соломонида Егоровна, уладивъ серьезную физиономію и какбы желая удержать этимъ гостя въ предѣлахъ галантерейной вѣжливости; какъ таки ѣхать на службу въ такое захолустье? Развѣ ты не можешь, говорила я ему, взять себѣ приличное мѣсто въ Петербургѣ? Тебѣ стоитъ сказать лишь слово... его тамъ просто на рукахъ носили. Я вамъ говорю, продолжала Соломонида Егоровна, приходя въ воодушевленіе, — такого челоуѣка, какъ мой Онисимъ, нѣтъ другаго въ цѣломъ мірѣ. Этакой честности, этакого благородства вы ни въ комъ не встрѣтите! Самъ министръ всегда ставилъ его въ образецъ другимъ...

— Смѣю васъ увѣрить, что для достоинствъ вашего супруга и провинція слѣпа не будетъ, сказалъ Софьинь, рассматривая кончикъ сво-

его сапога.

— Достоинства моего мужа не для провинці! гордо отвѣчала Соломонида Егоровна. Мы *одна*чѣ останемся тутъ не на долго. Онисимъ Сергѣевичъ ожидаетъ лишь производства въ генералы, а потомъ тотчасъ же возьметъ переводъ въ столицу; тамъ ужъ и мѣсто для него приготовлено, директорское мѣсто. Онъ будетъ Директоромъ въ одномъ Департаментѣ.

Владиміръ Петровичъ рѣшительно не могъ найтись, что сказать на это.

— А вы, продолжала Соломонида Егоровна, послѣ нѣкотораго молчанія, большой имѣете тутъ кругъ знакомства?

Не легко было отвѣчать и на этотъ вопросъ, особенно послѣ того, что говорила до сихъ поръ барыня.

— Сколько это возможно въ провинціи, сказалъ Софѣинъ.

— А я такъ еще не успѣла никому сдѣлать визита. Такое мученье безъ собственнаго экипажа! Съ отчаянья поѣдешь и на извозчикѣ.

И Соломонида Егоровна начала нѣжно и гармонически хохотать надъ своей такой от-

чаянной рѣшимостью, придержививая рукою мясистую грудь.

Софьинъ сидѣлъ какъ на иголкахъ.

— Мaman! слышалось изъ боковыхъ дверей.

— Qu'est que voulez-vous? Tout-suit! Вы, мусье Софьинъ, конечно, позвольте мнѣ познакомиться васъ съ моимъ семействомъ, сказала Соломонида Егоровна, поднимаясь съ дивана и направляясь къ боковымъ дверямъ.

Софьинъ поклонился.

Соломонида Егоровна вошла было, и потомъ вернулась, проговоривъ съ граціозной улыбкой: pardon, мусье! взяла позабытый на канаве платокъ и вышла.

— Что это такое? сказалъ Софьинъ, оставшись одинъ: мистификація или отчаянное безстыдство? Ей-богу, не понимаю.

Онъ задумался на минуту, потомъ поправилъ волосы, взглянулъ въ зеркало и сталъ зѣвать по сторонамъ. Наскучивъ этимъ занятіемъ, Софьинъ принялся пересматривать модныя картинки, лежавшія на столѣ.

— Pardon, мусье, сказала Соломонида Егоровна, выходя черезъ нѣсколько минутъ: я та-

къ долго заставила васъ ждать себя.

— Дай-ка, подумаль Софьинъ, заговорю я съ ней по французски. Можетъ, она на этомъ діалектѣ умнѣе, чѣмъ на своемъ природномъ. — Вы, сказалъ онъ по французски, оставили меня при самомъ интересномъ занятіи. Пересматривая эти картинки, я удивлялся своенравію моды, которая такъ любитъ повторять себя.

— Вуй, мусье, отвѣчала Соломонида Егоровна, и въ тоже время устремила безпокойный и нетерпѣливый взоръ на боковыя двери.

— Не помню, кто-то замѣтилъ, продолжалъ Софьинъ все на томъ же языкѣ, что мода сваливаетъ свои издѣлія въ одну кадучку; наполнивъ ее до верха, она переворачиваетъ кадучку верхъ дномъ, и снова начинаетъ брать старое съ маленькими лишь прибавленіями да перемѣнами.

— Да-съ, сказала Соломонида Егоровна по русски и какъ-то напряженно и взволнованно: мы получаемъ это прямо изъ Парижа.

— Что такое? спросилъ Софьинъ тоже по русски.

— Вы говорите о Журналѣ Модъ? отвѣчала

Соломонида Егоровыа, покраснѣвъ въ страшно.

– Да, точно такъ-съ, о журналѣ-съ, сказалъ Софѣинъ, опустивъ глаза.

– Я, признаться, хорошо ни разслушала васъ. Мои мысли были заняты не такими пустяками... это все дѣти... говорила Соломонида Егоровна, стараясь, сколько можно, поправиться.

– Вотъ тебѣ и нафранцузиль! подумаль Софѣинъ. И что за охота болтать, какъ попугай, нѣсколько затверженныхъ словъ, обманывая лишь добрыхъ людей? Ну, барыня!..

Дверь отворилась и вошла... но это была не та дѣвица, которую Софѣинъ видѣлъ на кладбищѣ. вмѣсто юнаго, миловиднаго личика, предстало ему одутлое, калмыковатое лицо дѣвы, при которой ужь не говорить о лѣтахъ; вмѣсто застѣнчивости и наивности, просвѣчивавшихъ въ каждомъ движеніи, въ каждомъ взглядѣ юной знакомки Софѣина, въ этой съ перваго же раза бросалась въ глаза какая-то бойкость и самоувѣренность. Она вошла смѣлой и даже нѣсколько гордой поступью, и бросивъ невнимательный взглядъ на гостя, подошла къ Соломонидѣ Егоровнѣ и по-

цаловала ея руку.

– Рекомендую, та chère, мусье Софьинъ.
Мусье Софьинъ, дочь моя Елена.

Софьинъ поклонился; мадмуазель кивнула ему головой и усѣлась рядомъ съ матерью.

– А Marie? спросила Соломонида Егоровна.

– Одѣвается еще, мамаша душечка.

– Вотъ ужъ возится-то! Не привыкла еще, знаете, продолжала Соломонида Егоровна, обращаясь къ Софьину, не привыкла къ порядочному туалету. Въ этихъ заведеніяхъ все хорошо, только ужасъ какъ мизерно дѣтей содержатъ. Никакого нѣтъ вниманія ни къ званію, ни къ состоянію дѣвицы.

– Мнѣ кажется, сказалъ Софьинъ, что такое уравненіе всѣхъ званіи и состояній есть одно изъ лучшихъ средствъ образовать характеръ дѣвушки.

– Дѣвушки, можетъ быть, но не дѣвицы, замѣтила, вздернувъ верхнюю губу, m-elle Елена.

– А развѣ между этими словами есть какаянибудь разница?

– Я думаю, подхватила Соломонида Егоровна. Дѣвица – это значитъ благородная дѣвица;

а дѣвушка – это просто дѣвушка, сѣнная, горничная.

– Извините, сказала улыбаясь Софья; я досель не знала такого тонкаго различія...

– Отъ того-то, ѣдко замѣтила Елена, вы и полагаете, что уравненіе званій и состояній образуетъ характеръ дѣвицы.

– Не только полагаю, но даже утверждаю.

– А я, сказала Соломонида Егоровна, утверждаю и докажу вамъ, что это скорѣй портитъ, чѣмъ облагороживаетъ характеръ дѣвицы. Какаянибудь тамъ дочь выслужившагося чиновника привыкаетъ къ несвойственной ей фамилярности съ такими изъ своихъ подругъ, которыя выше ея и по званію и по состоянію. А дѣвица съ значеніемъ становится наряду съ твореніями, которыя потомъ у себя дома ничего не увидятъ богаче ситцеваго платья. Ну, довольно того, что я едва могла отучить мою Мари отъ этихъ упрашиваній да умаливаній. Сами посудите, пѣтъ, чтобы приказать тамъ какойнибудь горничной просто: принеси моль или подай проворнѣй; нѣтъ, надо, видите, прибавить: сдѣлай милость, или пожалуста. Да чего, наша Алѣнка всегда

была Алёнкой, а теперь, по милости моей дочки стала Еленой; говорить, что нельзя переименовывать имени, что при крещении дано; тудажь философствуетъ. Сами посудите, мусье Софьинъ, на что это похоже? Какаяжь будетъ разница между Еленой дѣвкой и Еленой барышней? Я хоть и мать, но должна признаться, что у моей институтки дурной тонъ. Да-съ, дурной-съ, прибавила Соломонида Егоровна, подмѣтивъ на устахъ гостя неосторожно мелькнувшую улыбку, дурной, увѣряю васъ. А гдѣ онъ его набираются? Въ заведеніяхъ этихъ, – гдѣжь больше? Елена моя воспитывалась дома, а могу сказать, что понимаетъ себя во сто разъ лучше какойнибудь тамъ вашей институтки.

Елена поцѣловала руку доброй матери; а Софьинъ, наклонивъ голову, переминалъ края своей шляпы.

– Вы были въ Петербургъ? ни съ того, ни съ сего отозвалась Елена.

– Былъ, отвѣчалъ Софьинъ, поднявъ голову.

– Давно?

– Давно.

– Значить, ваши свѣдѣнія о Петербургѣ absolutement отстали отъ современности?

– Можетъ быть.

– Comment?

– Я говорю: можетъ быть.

– Вы любите музыку?

– Къ несчастію.

– Почему же, къ несчастію?

– Потому что у насъ въ городѣ играютъ много, а слушать нечего.

Софьинъ, какъ легко можно замѣтить, былъ въ прескверномъ расположеніи духа.

– Вы злы, какъ я вижу, сказала Елена.

– По неволѣ будешь золь, когда озлобятъ! сказалъ Софьинъ какъ-то отрывисто, но потомъ, какбы спохватившись, онъ прибавилъ: я говорю о здѣшнихъ артисткахъ. Всякая старается словно оглушить васъ безпардонной колотней; всѣ копируютъ Листа, какъ будто этотъ фортопьянный волтижеръ можетъ быть для кого нибудь образцомъ. Ни одна не посовѣтуется съ изящнымъ вкусомъ; ни одна не поговоритъ съ своимъ сердцемъ. Трудности выполненія, хаотическая бѣготня звуковъ – вотъ все, что вы увидите у лучшихъ на-

шихъ піанистокъ!.. Извините однакожь, я слишкомъ вдался въ меломанію. Это одна изъ моихъ слабостей, прибавилъ Софьинъ улыбувшись.

– И очень пріятная слабость, подхватила Елена.

– А вотъ, заговорила Соломонида Егоровна, станете бывать у насъ почаще, такъ услышите мою Елену. Она брала уроки у лучшихъ петербургскихъ артистовъ, и могу похвалиться, что играетъ такъ, какъ здѣсь и не слышали никогда.

– Ахъ, *maison, vous me flattez*, сказала Елена, цѣлуя руку нѣжной матери. Но при такомъ строгомъ критикѣ, какъ мусье Софьинъ, я играть ни за что не стану.

– Что вы это говорите, *ma chère*. Вы играли при значительныхъ артистахъ, я тѣ отъ васъ были въ восторгѣ, – какъ же послѣ этого...

– А слышали вы, перебила Елена, *monsieur* Софьинъ, какъ поетъ Маріо?

– Нѣтъ, не слышалъ.

– Это божественно! это очаровательно! Послѣ него никого нельзя слушать.

– Я слышалъ Рубини.

– Что Рубини!..

– Вы изволили его слышать?

– Хоть и не слышала, но кудажь ему противъ Марио? Ахъ, это божественно! Да какой къ томужь онъ милашка! Не правда ли, мамаша душечка?

– Елена моя восторженная артистка, съ улыбкой сказала Соломонида Егоровна.

– Ахъ, мамаша душечка, да какъ же не быть въ восторгѣ отъ такихъ людей, какъ Марио?

– Всежь онъ не болѣе какъ пѣвецъ, съ достоинствомъ сказала Соломонида Егоровна.

– Но знаете ли, мамаша душечка, я еще въ Петербургѣ слышала, что въ него влюбилась какая-то княгиня и женится съ нимъ.

– Женится съ нимъ, – какъ это вы говорите? замѣтила Соломонида Егоровна.

– Ахъ pardon! я ужасно дурно говорю по русски, сказала Елена, обращаясь къ Софьину.

– Это немножко странно! Вы русская и дурно говорите по русски.

– Не хочу! рѣзко отвѣчала Елена.

– А, это другое дѣло.

– Въ Петербургѣ, сказала Соломонида Егоровна.

ровна, во всѣхъ лучшихъ обществахъ, гдѣ мы ни бывали, не говорятъ по русски.

– Позвольте усомниться.

– Я васъ увѣряю. Связи наши позволяли намъ бывать запросто въ самыхъ аристократическихъ домахъ; только шагъ черезъ порогъ, – bonjour, bonjour и потомъ пошли ужъ все по французски да по французски. Je vous assure, мусье Софьинъ.

– На какомъ же языкѣ вы говорили? бухнулъ Софьинъ вовсе некстати. Если такія особы, какъ вы, уважали языкъ русскій, то не понимаю, ктожь бы осмѣлился пренебрегать имъ.

Этотъ глупѣйшій комплиментъ поправилъ грубую выходку Софьина. Соломонида Егоровна, вспыхнувшая было отъ гнѣва, совершенно успокоилась и торжественно проговорила: уважать языкъ народный должно болѣе всего.

Дверь снова отворилась и вошла знакомка Софьина. Она дурно была причесана, хотъ платье, сидѣвшее на ней какъ то неловко, не уступало въ богатствѣ платью сестры.

– А вотъ и знакомая ваша! проговорила Со-

ломонида Егоровна, благосклонно улыбаясь Софьину. Ахъ, та сhэге, гдѣжь у васъ брас-
летъ-то?

Дѣвушка покраснѣла, какъ маковъ цвѣтъ и робко поглядывала то на мать, то на сестру. Соломонида Егоровна съ неудовольствіемъ покрутила головой и указала сконфуженной дочери на кресло подлѣ себя.

– Какъ вы неловки, Марья Онисимовна! сказала она, обдергивая на ней платье.

Софьинъ глядѣлъ на свою знакомку и съ лица его исчезало недовольство. Такъ съ зеленѣющаго поля сбѣгаетъ тѣнь, отраженная мимоходящимъ облачкомъ.

– Скучень, конечно, показался вамъ нашъ городъ, сказалъ Софьинъ, обращаясь къ Marie.

Marie взглянула на мать и не отвѣчала ни слова.

– Чтожь вы молчите, сударыня? Отвѣчайте же! сказала Соломонида Егоровна.

– Одно ужъ посѣщеніе вами кладбища, продолжалъ Софьинъ, гдѣ я имѣлъ счастье въ первый разъ васъ встрѣтить, могло привести меня къ такому заключенію.

– Чѣмъ же тутъ городъ виновать? проговорила Маріе. Онъ, конечно, не столица; но гдѣ есть люди, какъ тамъ скучать? А посѣщеніе нами кладбища было совершенно случайно. На канунъ того дня былъ у насъ Пустовцевъ...

– Желалось бы, сказалъ Софѣинъ, намѣренно отклоняя рѣчь отъ Пустовцева, чтобъ ваше доброе мнѣніе о городѣ осталось при васъ и послѣ ближайшаго съ нимъ знакомства. Впрочемъ отъ такого снисходительнаго судьи, какъ вы, нетрудно ожидать этого.

– Мы всѣ хороши, сказала кобенясь Соломонида Егоровна, пока насъ свѣтъ не испортилъ.

– Тѣмъ пріятнѣе встрѣтитъ неиспорченное, что испорченнаго этимъ свѣтомъ очень много, сказалъ Софѣинъ непростительно-дерзко.

Но Соломонида Егоровна не нашла въ этомъ особенной дерзости; она даже на всякій случай затвердила про себя эту сентенцію. Вообще Соломонида Егоровна страхъ какъ любила афоризмы и высокопарныя аксіомы, и чѣмъ запутаннѣй и краснорѣчивѣй была сказанная при ней сентенція, тѣмъ больше она работала головой, стараясь запомнить ее. При

первомъ же случаѣ она пускала ее въ ходъ, не заботясь о томъ, кстати ли ея выходка или некстати. Все дѣло въ томъ лишь бы сказать, а тамъ какъ себѣ знаете. Останавливался при такой странной выходкѣ вошедшій въ азартъ разскащикъ, желая знать, съ какого конца и какой нитью пришта къ нему сентенція Соломонида Егоровны, но не добившись толку, продолжалъ разсказъ свой обыкновеннымъ порядкомъ. А между тѣмъ Соломонида Егоровна оставалась совершенно довольною, разрѣшившись отъ бремени, долго тяготившаго ея память, и вполне была убѣждена, что между слышавшими ея сентенцію есть же какойнибудь не вертопрахъ, который пойметъ всю оной силу и премудрость.

— Чегожь сталъ, дуралей? послышался въ прихожей какой-то звонкій, дѣтскій голосъ. Шинель снимай!

— Это Жоржъ, сказала Соломонида Егоровна, нѣжно улыбаясь. Какъ это хорошо, что онъ пріѣхалъ! Теперь вы познакомитесь со всѣмъ моимъ семействомъ, мусье Софьинъ.

Софьинъ взглянулъ въ отворенную дверь залы. Тамъ проходилъ мальчикъ, лѣтъ пятна-

дцати съ папироской во рту. Одѣтъ онъ былъ совершенно какъ взрослый; длинный жилетъ на цѣлый вершокъ виднѣлся изъ подъ фрака, застегнутаго на одну верхнюю пуговицу; толстая золотая цѣпочка съ массивнымъ замкомъ вдѣта была въ послѣднюю петлю жилета; бѣлыя перчатки, уже порванные, были неукоризненно чисты, и только цвѣтной, ярко-оранжевый галстухъ нѣсколько гармонировалъ съ возрастомъ мальчишки франта.

– Чортъ побери, тамап, сказалъ онъ, вбѣгая въ гостиную, и вмѣсто того, чтобъ стянуть изорванную уже перчатку, онъ обрывалъ ее по кускамъ. – Нечего сказать, нашла время, когда дѣлать визиты! Никого не засталъ дома. Всѣ въ какой-то должности, что ли.

– Рекомендую вамъ моего Жоржа, сказала Соломонида Егоровна.

Мальчишка дерзко взглянулъ на Софью, вымѣривъ его глазами съ головы до ногъ, и не выпуская изо рта папироски, медленно подошелъ и подаль ему руку. Послѣ этой продѣлки онъ взбросилъ на головѣ рыжеватые волосы, развалился въ креслѣ, положивъ

ногу на ногу, и продолжалъ курить папироску, пуская кольцами дымъ къверху.

— Я его готовлю въ Артиллерійское Училище, заговорила Соломонида Егоровна. Про его способностяхъ, при нашихъ связяхъ онъ далеко можетъ пойти. Знакомые наши: сенаторъ Чернушкинъ, князь Балобанъ, князь Черверидзевъ, графъ Верховитскій, — да мало ли? всѣ они съ удовольствіемъ помогутъ мнѣ въ этомъ случаѣ.

— А вы гдѣ учились? спросилъ мальчикъ, пуская дымъ прямо въ лицо Софьину.

— Я учился тамъ, гдѣ вамъ еще слѣдуетъ учиться, серьезно отвѣчалъ Софьинъ.

— Нѣтъ, извините; гдѣ вы учились, тамъ я ужь навѣрно не стану учиться. Вы учились для штатской, а я буду учиться для военной.

— Наука, мой другъ, вездѣ одна.

— Нѣтъ, не одна. Съ иными науками я и знаться не хочу. Филька! крикнулъ онъ. Папироску!

— Жоржъ мой, сказала Соломонида Егоровна, имѣетъ удивительныя способности. Его приготавливалъ въ Петербургъ полковникъ Паделеръ. Онъ говорилъ мнѣ, что ему никогда

не случалось встрѣчать такую быстроту соображенія, такую находчивость. Можете вообразить, мусье Софьинъ, какъ это пріятно особенно материнскому сердцу!

– Вы какіе курите папироски? спросилъ Жоржъ, не поднимая головы и выбирая папироски изъ ящика, который держалъ передъ нимъ лакей.

– Никакихъ.

– А я курю Спиглазовскія; другихъ и въ ротъ не беру. Совѣтую и вамъ курить Спиглазовскія.

– Вѣрно, я не дождусь Онисима Сергеевича, сказалъ Софьинъ, поднимаясь съ кресла.

– Да, не скажу, чтобъ онъ могъ быть скоро, отвѣчала Соломонида Егоровна. Повѣрите ли, – отдыха, бѣдный, не знаетъ. Такой, я вамъ скажу, ревнительный до службы; всюду самъ. Тамъ эти совѣтники да секретари такъ только, для счету, а то все онъ, все онъ. Самъ министръ ставилъ его всегда въ образецъ...

– Позвольте же засвидѣтельствовать...

– Очень вамъ благодарна. Вы однакожь позвольте видѣть васъ у себя когда нибудь вечеромъ?

Софьинъ поклонился.

– Вы знакомы съ Пустовцевымъ? спросила Елена.

– Знакомъ нѣсколько.

– Вотъ онъ у насъ часто бываетъ: приходите хоть съ нимъ.

– Прекрасный человекъ! прибавила Соломонида Егоровна.

– А верхомъ вы ѣздите? сказалъ Жоржъ, вставая съ кресла и протягивая руку Софьину.

– Нѣтъ, душенька.

– Что-съ? вскрикнулъ Жоржъ обиженнымъ тономъ, отставивъ руку.

– Не ѣзжу, говорю.

– Это скверно!

– Жоржъ! сказала Соломонида Егоровна, качая головой.

– Вѣдь вы еще не такъ стары, продолжалъ Жоржъ, не обращая никакого вниманія на предостерегательное качаніе маменькиной головы.

– За то, душенька, и не такой ребенокъ, какъ вы.

Софьинъ откланялся дамамъ. Жоржъ провожалъ его къ дверямъ.

– А какъ васъ зовутъ?

Софьинъ остановился и съ замѣтной досадой доставъ изъ кармана визитную карточку, отдалъ ее мальчишкѣ.

– Вла... диславъ, нѣтъ, Владиміръ Перт... Петровичъ Саф.... Соф... Софьиновъ... какая страшная фамилія! читаль Жоржъ, остановившись у дверей.

Софьинъ между тѣмъ вышелъ и почти бѣгомъ пустился съ лѣстницы.

– Теперь куда-съ? спросилъ Парфень.

– Хоть къ чорту, только со двора проворнѣй.

– Видно, угощеніе-то было не такъ чтобы... думаль Парфень ухмыляясь.

– Вотъ звѣринецъ-то! говорилъ Софьинъ расхаживая въ своемъ кабинетѣ. Ну, знакомство же послалъ мнѣ Господь! Должно быть и домовладыка-то самъ препорядочный селезень!

– Жаль, истинно жаль! продолжалъ онъ уже съ другаго тону. Испортятъ, искалечатъ они ее!

О комъ это говорилъ Софьинъ, кого такъ жалѣлъ, авторъ рѣшительно не можетъ дога-

даться и предоставляет это болѣе опытной смѣтливости читателей и особенно читателей-ницъ.

На другой день, часу въ десятомъ утра, когда Софьинь, благодаря халатному расположенію русской натуры, еще не выходилъ изъ своей спальни и покоясь въ просторныхъ креслахъ, допивалъ кофе, заглядывая въ промежуткахъ въ какую-то газету, вошелъ въ попыхахъ Племянничковъ.

— А я къ вамъ передовымъ, дяденька.

— Что это значитъ?

— И шуме и гуде, Небѣда къ вамъ иде.

— Что такое?

— Его высокородіе, господинъ статскій совѣтникъ, предсѣдатель... какой бишь Палаты? Онисимъ Сергеевичъ Небѣда сейчасъ со-благоволить осчастливить васъ своимъ посѣщеніемъ.

— Такъ рано?

— Рано? А кредиторы бестіи встаютъ еще раньше и выгоняютъ изъ дому добрыхъ людей чуть не до свѣта.

— Да вы шутите! сказалъ, поднимаясь съ кресла, Софьинь.

– Ей-богу, не шучу! Я входилъ въ ворота, а онъ поворачивалъ въ эту улицу, я я видѣлъ вотъ этими глазами, какъ будочникъ показывалъ ему вашу квартиру.

– Никита! крикнулъ Софьинъ, проворнѣй одѣваться! Послушайте, Ѳедоръ Степанычъ, вы пойдете въ залу и покамѣстъ займете тамъ гостя.

— **М**ОГИМЪ-СЪ, МОГИМЪ.
— Вы знакомы?

— Гдѣ намъ съ суконнымъ рыломъ въ ка-
лачный рядъ?

— Такъ какъ же быть?

— Да ничего, дяденька, одѣвайтесь. О проче-
мъ не извольте беспокоиться; останетесь до-
вольны.

У подъѣзда послышался звонокъ. Никита
вышелъ въ коридоръ.

— Послушайте, Ѳедоръ Степанычъ, пожалу-
ста, будьте при немъ поскромнѣе.

— Съ тѣмъ, что извольте-съ.

— Идитежь, идите.

Племянничковъ вышелъ въ залу, схвати-
лъ какую-то книгу, и усѣлся на диванъ.

Вошелъ Онисимъ Сергеевичъ Небѣда. Это
былъ приземистый, сторбившійся, но при все-
мъ томъ крѣпкой, матерой природы старичокъ
съ анной на шеѣ. Онъ не имѣлъ привычки
смотреть въ глаза тому, съ кѣмъ случилось
разговаривать ему въ первый разъ; голову
держалъ онъ какъ-то налѣво и всегда почти
глядѣлъ изъ подлѣбья: но за всемъ тѣмъ на
лицѣ его нельзя было не подсмотреть

добродушія и честной прямоты.

– Здравствуйте! сказалъ онъ, подавая руку Племянничкову.

– Мое почтеніе.

– Рекомендуюсь.

– И я рекомендуюсь.

– Вы Софьинъ?

– Нѣтъ-съ, Племянничковъ.

Небѣда поднялъ голову и взглянулъ на него. Племянничковъ стоялъ ровно и спокойно.

– А Софынъ гдѣжь?

– Въ спальнѣ.

– Одѣвается?

– Одѣвается.

И Небѣда, поставивъ шляпу на столъ, началъ ходить изъ одного угла въ другой, потирая руки и шипя, какъ будто пришелъ съ морозу.

– Вы давно здѣсь? сказалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ, не глядя на Племянничкова.

– Гдѣ-съ?

– Тутъ.

– Сейчасъ только пришелъ.

- Гмъ. Опять модчаніе.
- Вы нездѣшній? заговорилъ Небѣда.
- Не здѣшній.
- Изъ Петербурга?
- Изъ Петербурга.
- Чтожь, коронація?
- Была,
- И... того... посланники?
- Были.
- А иллюминація?
- Была.
- Въ Москвѣ?
- Была и въ Петербургѣ.
- А которая лучше?
- Московская.
- А желѣзная дорога?
- Есть и желѣзная дорога.
- Изъ Петербурга въ Москву?
- Туда и обратно.
- Рабочіе прозвали ее чугушкой?
- Чугушкой.
- А вѣдь смышленъ русскій народъ?
- Смышленъ.
- Вы давно изъ Петербурга?
- Четыре года.

- Что?! сказалъ Небѣда, остановившись.
- Четвере года, говорю.
- Да какъ же вы все это знаете?
- Въ газетахъ вычиталъ, отвѣчалъ Племянничковъ, не моргнувъ даже глазомъ.
- Вы шутникъ, должно быть.
- Вотъ тебѣ разъ! подумалъ Племянничковъ. Почемужь вы такъ думаете? спросилъ онъ.
- Да по вашимъ отвѣтамъ.
- Не могъ же я отвѣчать вамъ: не знаю, когда вы спрашиваете о такихъ вещахъ, которыя всѣмъ уже извѣстны и которыя, какъ я вижу, вы знаете лучше меня.
- Вы угадали. А служите гдѣ нибудь?
- Служилъ.
- А теперь?
- Не служу.
- Что такъ?
- Въ отставку.
- По семейнымъ дѣламъ?
- По семейнымъ дѣламъ.
- А послѣ?
- Что Богъ дастъ.
- Съ чиномъ?

– Съ чиномъ.

– Какимъ?

– Коллежскаго.

– Ассесора?

– Нѣтъ.

– Совѣтника?

– Нѣтъ.

– Кого же?

– Секретаря.

– Мало.

– Будеть съ меня.

– А зовуть васъ какъ?

– Ѳедоръ.

– А по отчеству?

– Степановичъ.

– А прозваніе?

– Племянничковъ.

– Да, бишь, вы говорили. Ну, будьте знакомы; вы мнѣ понравились.

– Вотъ тебѣ разъ! хотѣлъ сказать Племянничковъ. Очень вамъ благодаренъ, проговорилъ онъ, чуть не расхохотавшись.

Оба замолчали.

Небѣда отошелъ къ окну.

– Вишь ты подлець какой! говорилъ онъ,

глядя на улицу. Чѣмъ бы курицу-то взять за ноги, а онъ ее за крыло тащить. Экіе протока-нали!

– Вотъ штука то, разсуждалъ въ свою очередь Племянничковъ. Въ первый разъ въ жизни приходится мнѣ такъ оригинально завязывать знакомство! Да это чудеснѣйшій человѣкъ, ей-богу! Чтожъ это мнѣ толковали, что онъ бука? Немножко кратокъ, за то ясенъ.

– Извините, Онисимъ Сергеевичъ, сказалъ Софьинъ, поспѣшно подходя къ Небѣдѣ.

– Ничего-съ. Мнѣ тутъ не скучно было. Вашъ пріятель препрятный человѣкъ; лишняго не болтаетъ.

Племянничковъ чуть не лопнулъ со смѣху. Онъ поклонился Небѣдѣ ниже надлежащаго и почти отворотился отъ Софьина.

– А вы, продолжалъ Небѣда, только что отъ сна возтавь?

– Да, заспался не много.

– Счастливецъ! А тутъ вотъ, чортъ его знаетъ, нѣтъ времени ни выспаться, ни къ добрымъ людямъ заглянуть.

– Точно-съ, ваша должность...

– Что мнѣ должность! тутъ другая долж-

ность: по опекунскому управленію.

– По опекунскому?

– Ну да, по опекунскому. Вы, можетъ, слышали про Струмынскихъ? Въ Минской губерніи, – какъ не слыхать? Еще такіе богачи, что чорту страшно. Послѣ старика то остался наслѣдникомъ слабоумный; вотъ меня и втюрили къ нему въ опекуны. Тамъ, видите, есть у меня имѣньишко, такъ – паршивое. Ну, пока я былъ такъ себѣ, значить, вольный козакъ, не при должности, значить, – еще поль-бѣды. А вотъ теперь какъ навалили мнѣ на шею предсѣдательство, и танцуй себѣ, какъ бѣсъ передъ заутреней.

– Да, хлопотно.

– Хлопотно, – это бѣ еще туда-сюда, да поѣхать-то туда не сподручно. Ужъ истинно сказать, не было печали, черти накачали.

– А гдѣжь наслѣдникъ-то самъ?

– Гдѣ, за границей деньги мытарить.

– Вотъ на это у него, видно, хватаетъ толку, отозвался Племянничковъ.

– Кой тамъ чортъ хватаетъ! Мытарятъ тѣ, что при немъ, а его – моего голубчика – небось кормятъ нѣмецкими бирсупами да

бламанжеями разными. Тудажь вылечить думаютъ; чорта тамъ вылечать! Дурака хоть всего пластырями облъпи, все останется дуракомъ.

— Вотъ-бы хорошо приписаться въ роденьку къ такому благопріятелю! смѣясь, замѣтилъ Племянничковъ.

— Много бы взяли! У слабоумнаго-то сынъ есть.

— Сынъ?

— То-то и есть-то!

— Откудажъ онъ взялся?

— Оттудажъ! Понесъ старина на душѣ грѣхъ въ могилу! Вздумалъ, видите ли, женить дурня-то еще при жизни своей, для ради, знаете, потомства. Ну, видимое дѣло, кто не пойдетъ за такого богача? онъ же еще и недурень собой. Съ руками оторвутъ. Женили. Старикъ и положилъ, что буде ежели родится отъ невѣстки наслѣдникъ, то онъ отсыплетъ ей полмилліона серебромъ, ей-богу, такъ и въ завѣщаніи написалъ. Баба-то была не промахъ. Къ году и произвела сынишку, да тако-го славнаго, ни въ мать, ни въ отца, а въ проѣзжаго молодца.

– Гдѣжь она теперь?

– Гдѣ, она тотчасъ же, какъ получила слѣдуемое-то, такъ и маршь за границу. Сказываютъ, что ужь давно вышла тамъ за мужъ за какого-то сочинителя.

– И вѣрно, этотъ сочинитель послѣднимъ своимъ романомъ довольнѣй, чѣмъ всѣми прежними, сказалъ Племянничковъ.

– Еще бы!

– Такъ вотъ еще какія у васъ занятія!

– А, чтобъ ихъ всѣ черти побрали! Отвѣтственность, батюшка, отвѣтственность, вотъ что главное! Управляющіе подлець на подлець! Нуженъ глазъ да глазъ. А тутъ съ мѣста никакъ нельзя тронуться. Жена вонъ ѣздитъ, да чтожь толку-то? Побарится тамъ, похохлится, да и воротится съ чѣмъ поѣхала. А я вамъ скажу, какой тамъ дворець, какіе сады, какіе... ну, однакожь, до свиданія! Вѣдь вы у насъ станете бывать?

– Почту за особенное счастье... началъ было Софьинъ.

– Ну, счастья-то особеннаго нѣту, а такъ таки просто бывайте, и квитъ. Въ картишки подъ часъ.... да вы играете?

– Не отказываюсь, когда нужно.

– Ну, и хорошо; музыку... а Елены моей не слышали? Утѣшаетъ, право-слово, утѣшаетъ. Бывайтежь! Да вотъ и ихъ приводите съ собой.

– Отъ всего сердца благодарю васъ, Онисимъ Сергеевичъ, съ чувствомъ сказалъ Племянничковъ. Ваше доброе вниманіе ко мнѣ, ваша искренность...

– Куда вы, куда? Прежде вы складнѣй говорили. Тѣмъ-то вы мнѣ и понравились. Я бабюшка, не привыкъ къ вашимъ краснорѣчіямъ и этикетиться не люблю. Вонъ, коли угодно, съ бабой моей – пожалуй. Та любитъ. Прощайтежь, господа! Да безъ визита, сказалъ онъ, обратясь къ Племянничкову, а такъ, просто вечеромъ жалуйте. Прощайте!

Пожавъ тому и другому руку, Онисимъ Сергеевичъ также проворно и вышелъ, какъ вошелъ.

– Не беспокойтесь, сказалъ онъ, не оборачиваясь и махнувъ рукою назадъ, не беспокойтесь, я и самъ найду дорогу.

Софьинъ и Племянничковъ съ минуту

смотрѣли другъ на друга, не говоря ни слова. Племянничковъ первый разразился самымъ громкимъ хохотомъ; Софьинъ тоже засмѣялся и сталъ ходить по комнатѣ.

– Да гдѣ вы, дяденька, откопали такое сокровище?

– Признаюсь, я самъ имѣлъ совершенно другое понятіе объ этомъ человѣкѣ.

– Да это золото!

– Самородокъ, если хотите!

– Вотъ еслибъ вы, дяденька, послушали, какъ мы объяснялись!

– Ужъ вѣрно напроказили вы тутъ, Ѳедоръ Степанычъ!

– Я-то? Мы....

И онъ залился громкимъ смѣхомъ.

– Да что у васъ тутъ было? спрашивалъ Софьинъ тоже сквозь смѣхъ.

– У кого, – у насъ? Разговоръ.

– О чемъ же?

– Э, о чемъ же? Да на воловьей шкурѣ не перепишешь всего, о чемъ мы говорили.

– Вы однакожь понравились ему.

– Ей-богу, не виноватъ въ этомъ! Ужъ стало быть такое мое счастье! Но только знаете ли

что, дяденька: будьте вы при нашемъ разговорѣ, чуть ли бы этотъ добрякъ не послалъ меня къ чорту, который у него то и дѣло на языкѣ.

– Почемужь такъ?

– А ужь такъ.

И онъ снова расхохотался.

– Пойду, непременно пойду! говорилъ Племянничковъ.

Сегодня же дѣлаю визитъ и дѣло въ шляпѣ.

– Смотрите, Ѳедоръ Степанычъ, предупреждаю васъ. Супруга Онисима Сергеевича совсѣмъ другая статья. Это женщина съ страшными претензіями на свѣтскость, лучшій тонъ и образованность.

– Потрафимъ.

– То-то смотрите! Я потерпѣливѣй васъ, да и то чуть не лопнулъ съ досады отъ этого хвастовства, умничанья и кривлянья.

– Да вы, дяденька, не умѣете. Посмотрите-ка, какъ мы выѣдемъ! Кривлятся, конечно, не стану, а похвастать, поумничать – ого! на это насъ взять!

– Не пересолите только.

– Съ тѣмъ что извольте-съ.

– Но ужь этотъ мнѣ мальчишка!..

– Какой это, дяденька?

– Тамъ вы увидите живую нравственную аномалію, пятнадцатилѣтняго франта съ папироской во рту.

– И хорошія у него папироски?

– Спиглазовскія.

– Превосходно! Поздравьте меня; я у нихъ заранѣе свой въ домѣ. Ну, а барышни какъ-вы-съ?

– Старшая какъ будто смахиваетъ на маменьку.

– А меньшая-съ?

– Меньшая... милое, доброе дитя.

– Какъ-какъ, повторите.

– Я говорю: доброе дитя.

– А милое-то кудажь дѣвалось? Такъ вотъ оно что! Хорошо она играла, выговаривала! Ну, слава Богу, слава Богу, на силу-то сказали вы по человѣчески!

– Чтожь вы тутъ находите такого? спросилъ Софѣинъ, покраснѣвъ слегка.

Вмѣсто отвѣта, Племянничковъ, заложивъ руки, началъ ходить и запѣлъ самымъ страстнымъ голосомъ:

*На толь, чтобы печали
Въ любви намъ находить,
Намъ боги сердце дали,
Способное любить.*

– Какіе пустяки поете вы! съ неудовольствіемъ сказалъ Софѣинъ.

– Пустяки, такъ пустяки, а я все таки по-здравляю васъ.

– Съ чѣмъ?

– Скажу послѣ, теперь не время. Побѣгу переодѣнусь да и того... ахъ, дяденька, хорошо, что вспомнилъ, – пожалуйста на извощика. Подлецъ Павлушка въ кредитъ ужъ не желаетъ возить, а пѣшкомъ съ визитомъ къ такимъ аристократамъ, какъ Небѣдовы, согласитесь, не совсѣмъ презентабельно.

Чмокнувъ Софѣина въ лобъ, Племянничковъ выбѣжалъ, громко и весело напѣвая: "я минуты той жду."

Додго сидѣлъ Софѣинъ, обдумывая что-то, потомъ подошелъ къ столу, взялъ ситару, медленно срѣзалъ ее гильотинкой и опять положилъ на прежнее мѣсто. Глубокій вздохъ вырвался изъ груди его; онъ сѣлъ и задумался. Намеки Племянничкова какъ будто пробу-

дили въ немъ чувство, похожее на угрызеніе совѣсти. Заглянувъ въ свою душу, онъ увидѣлъ, что почти ужь зажили глубокія раны, точившія недавно горячую кровь и крѣпко захотѣлось ему разтравить ихъ. Онъ взялъ Дневникъ незабвенной своей подруги, раскрылъ его, прочелъ одну, прочелъ двѣ страницы, и гнѣвный вскочилъ съ кресла. "Гадокъ и ничтоженъ человекъ!" сказалъ онъ глухо.

И, полноте! Чѣмъ же человекъ гадокъ, чѣмъ ничтоженъ? Тѣмъ развѣ, что онъ не перестаетъ быть человекомъ, что въ сердцѣ его есть неизсякаемый источникъ любви и неистребимая потребность жизни? Благодареніе Промыслу за все, за все, что даже иногда человекъ осуждаетъ и клянетъ самъ въ себѣ, съ своемъ безумномъ ослѣпленіи! Вырываетъ насильно нечастливецъ изъ души своей малый отростокъ надежды отъ посѣченного въ немъ древа жизни; умышленно старается потушить чуть тлѣющую искру святаго упованія, какбы находя въ этомъ отраду: но это крамола, это возстаніе противъ Того Всемогущаго и Премудраго Распорядителя, кото-

рый ведетъ насъ, Ему Одному извѣстными, путями къ цѣли, Имъ Самимъ предназначеной... Не клеветите жь, несчастливцы, насильно закрывающіе глаза свои отъ яркаго сіянія жизни, — не клеветите на природу человѣческую! Въ самомъ вашемъ томленіи и недовольствѣ настоящимъ есть желаніе лучшаго будущаго, исканіе другой жизни, въ замѣнъ той, которая обманула васъ... Далекѣ въ первыя минуты скорби уносится отъ міра огорченная имъ душа. Забывая матеріальную точку опоры для своей внѣшней дѣятельности и вся охваченная духовною болью, она мчится въ болѣе сродныя ей сферы, и тамъ создаетъ себѣ мѣсто упокоенія: но по мѣрѣ ослабленія этой боли, по мѣрѣ сознанія кровной привязанности своей къ тѣлу, душа тихо спускается долу, и какъ голубица Ноева, ищетъ мѣста на землѣ, чтобъ отдохнуть купно съ утомленнымъ своимъ тѣломъ... Нѣтъ, несчастливецъ, не то ты сказалъ! Ничтоженъ человѣкъ, если онъ идетъ противъ распоряженій Промысла, безумно *вземлясь на разумъ Божій*; ничтожны стремленія его духа, если въ нихъ выражается намѣреніе

стать выше природы челоѵческой! Гадокъ челоѵкъ, если онъ, забывая свое достоинство, падаетъ до низкой ступени скотоподобія и измельчаетъ требованія своего духа на однѣ животныя потребности!.. Не возвышается челоѵкъ до ангела, ибо въ безконечномъ порядкѣ творенія пробѣла быть не можетъ. Онъ только становятся на сродной ему ступени, которою кончается лѣстница его восхожденія; выше этой ступени уже болѣе нѣтъ для него, и дальнѣйшее стремленіе челоѵка въ высоту есть уже его паденіе...

Совершенъ былъ первенецъ творенія: но змѣй-искуситель сказалъ ему: вкуси отъ древа недозволеннаго познанія, и будешь, яко Богъ. Послушался первенецъ земля змѣя-искусителя занесъ ногу на высшую ступень совершенства, потерялъ равновѣсіе – и палъ....

Софѣинъ клеветалъ на природу челоѵческую подѣ диктовку ума; сердце же его говорило ему совсѣмъ другое. По мѣрѣ тишины и спокойствія, водворявшихся внутри его, умъ началъ читать ему уроки гордости, которая у крѣпкихъ натуръ почти столько же находитъ для себя пищи въ несчастіи, сколь-

ко слабыя природы находить ее въ Счастіи. Онъ ухватился за произнесенное когда-то имъ неосторожное слово отверженія всего, что есть прекраснаго въ жизни и потому слышалъ внутри себя голосъ, который громко возопилъ бы противъ мнимо-постыдной измѣны внезапно брошенному слову.

Глава четвертая

А между тѣмъ мы напрасно такъ скоро разстались съ Онисимомъ Сергеевичемъ, не познакомившись съ нимъ поближе. Такихъ людей со свѣчей поискать: ибо они ужь послѣдніе представители отжившаго поколѣнія. Наши потомки не найдутъ ужь этихъ топорно обдѣланныхъ характеровъ, и быть можетъ заподозрятъ разскащика въ беззаконномъ преувеличеніи. А между тѣмъ они еще живутъ и движутся межъ нами съ своей грубоватой честностью, съ своимъ крѣпкимъ словомъ, которое въ иную нору пришибетъ, словно обухомъ, моднаго краснобая, съ своими хватками и приемами, отъ которыхъ не мѣшаетъ иногда и посторониться, – короче, со всѣми особенностями, характеризовавшими нашихъ отцовъ и дѣдовъ.

Онисимъ Сергеевичъ Небѣда происходилъ изъ древняго благороднаго, русскаго дома, и еслибъ онъ, подобно Соломонидѣ Егоровнѣ, занимался поболье своей генеалогіей, то безъ труда могъ бы разсказать, какъ прадѣды его засѣдали въ Боярской Думѣ, какъ иные изъ

нихъ водили дружины на поле ратное, какъ пировали за сытными боярскими столами, гнувшимися отъ тяжести братинъ, полныхъ русскимъ медомъ и заморской романеей, и отъ необъятнаго груза разнородныхъ яствъ. Когда порой задѣвали апатическое его равнодушіе къ такимъ воспоминаніямъ, и кто нибудь, опустясь на дно генеалогическаго моря, вытаскивалъ оттуда поросшіе мхомъ осколки родословнаго своего дерева, Онисимъ Сергеевичъ, махнувъ рукой, обыкновенно говаривалъ: "а, чортъ знаетъ что тамъ такое! Вонъ, пожалуй, и мои предки по Исторіи значатся еще при Василіѣ Темномъ, да мнѣ-то что отъ этого? Ни тепло, ни холодно! Русскій дворянинъ да и баста!" Соломонида Егоровна однакожь не жаловала такихъ разсужденій Онисима Сергеевича, и если ему случалось проповѣдывать при ней подобную ересь, то она старалась всѣми силами перебить рѣчь своего супруга и показать слушателямъ аристократическую древность фамиліи Небѣды, непременно употребляя въ такихъ случаяхъ личныя и притяжательныя мѣстоимѣнія въ числѣ множественномъ: *мы, наши*, и проч.

Онисимъ Сергеевичъ вставалъ при этомъ съ своего мягкаго кресла, и склонивъ болѣе обыкновеннаго голову на сторону и потушивъ глаза, уходилъ въ кабинетъ. Зачѣмъ онъ уходилъ, за тѣмъ ли, что не любилъ похвалъ себѣ слушать, или отъ того, что боялся проговориться какъ нибудь во вредъ аристократическому важничанью своей дражайшей половины, — Богъ его знаетъ. Надо замѣтить, что Сололомонида Егоровна, къ крайнему своему прискорбію, была вовсе не аристократическаго происхожденія, и говорятъ, предокъ ея, не далѣе, какъ во второмъ колѣнѣ, былъ вольноотпущеннымъ и служилъ економомъ или прикащикомъ у какого-то мелкаго барина. А страсть похвастать, если не своимъ, то мужнинымъ достояніемъ не давала ей покою. Вообще, мы всегда любимъ громко проповѣдывать и навязывать себѣ тѣ похвальныя качества, которыхъ въ насъ или во все нѣтъ, или есть только въ чуть замѣтныхъ зародышахъ. Онисимъ Сергеевичъ чувствовалъ это очень хорошо, и потому-то крѣпко не жаловалъ длиннорѣчивыхъ разсужденій своей супруги.

— Ну, распустилась съ своими краснорѣчіями! бормоталь онъ съ такихъ случаяхъ. Ты, матушка, вотъ что лучше скажи; сколько великіе предки-то мои благопріобрѣтеннаго мнѣ оставили, вотъ что!

— А уваженъе, Онисимъ, а почтеніе? возражала Саломонида Егоровна.

— Оно мое, а не предковское!

— Всежь не сравниють тебя съ какимъ ни-будь выскочкой.

— Какъ же! Въ почетный уголь такъ тебя и посадить! Нѣтъ, матушка, теперъ ужъ люди поумнѣли, и за то, что отцы да дѣды были умны, дураковъ сыновъ не уважають.

— Изъ чего жъ бы послѣ этого и состояла аристократія?

— Въ Русскомъ царствѣ, благодаря батюшкѣ Петру, вывелась старинная, пузатая аристократія; а если есть она у насъ, то слагается изъ людей умныхъ, полезныхъ, отличенныхъ Царемъ-Батюшкой, ктобъ они такіе ни были. Вотъ тѣ и вся недолга!

Онисимъ Сергеевичъ, дѣйствительно, не могъ въ той же мѣрѣ похвалиться наслѣдственнымъ богатствомъ, въ какой до-

сужая генеалогія могла бы насчитать знаменитыхъ его предковъ. Все состояніе его ограничивалось двумя сотнями ревизскихъ душъ, которыя давали очень мало подспорья своему барину. Благородныя раны, — памятка двѣнадцатаго года, честная, долговременная служба обратили на него вниманіе Правительства, и Онисимъ Сергеевичъ, не купаясь, какъ говорится, въ золотѣ, могъ однакожь похвалиться достаткомъ, слѣдствіемъ его скромности и прадѣдовской бережливости. "Копейка рубль бережетъ, говариваль онъ, а кому рубль ни по чемъ, тотъ самъ гроша не стоитъ." Соломонида Егоровна однакожь и въ этомъ не сходилась съ своимъ супругомъ. Обязанная поневолѣ держать строгую экономію, она, въ утѣшеніе себѣ, на словахъ бросала тысячами, и успѣвала разными уловками и пожертвованіями достигать того, что въ домѣ ихъ была видна даже претензія на роскошь, а сама она съ дѣтьми одѣвалась, словно отъ тысячи душъ. Онисимъ Сергеевичъ видѣлъ все это, и въ душѣ благодарилъ свою сожительницу за такое умѣнье сводить концы съ концами. За то онъ позволялъ ей

хвастать, сколько душъ угодно, и развѣ ужъ когда Соломонида Егоровна проврется самымъ немилосердымъ образомъ, онъ приговариваль: "хвастливаго съ богатымъ не распознаешь".

Онисимъ Сергеевичъ зналъ въ свое время и школьную лавку и "персть указательный" учителя, и скучный карцеръ и сидѣнье на хлѣбѣ на водѣ, и разныя другія подстреканья, бывшія въ стары-годы неизбѣжной принадлежностью образованія юношества. Школьные воспоминанія шевелили иногда заснувшее его воображеніе, и Онисимъ Сергеевичъ съ увлеченіемъ говариваль подѣ часъ о прежней методѣ воспитанія, разумѣется, отдавая ей преимущество предѣ теперешнею. Онъ вспоминаль наставниковъ своихъ съ ихъ недосыгаемой для него ученостью, съ ихъ оригинальными привычками и странностями, и будто сбросивъ съ плечъ лѣтъ сорокъ, выступаль молодцомъ, декламируя на распѣвѣ:

О ты, что въ горести напрасно.

— Чорта съ два, заключаль декламацію

свою Онисимъ Сергеевичъ, напишетъ теперь ктонибудь этакую оду! Это не куры-муры, разные амуры какіенибудь, а самая суть, — да!

Въ этомъ отношеніи Онисимъ Сергеевичъ былъ непреклонный старовѣръ, и собственно Изящная Словесность, во мнѣніи его, ни на волосъ не подвинулась впередъ со времени Державина и Карамзина. Впрочемъ онъ не вовсе былъ глухъ къ стиху Пушкина и Жуковского; послѣдняго даже уважалъ за его баллады, а въ Пушкинѣ находилъ талантъ и говорилъ, что онъ "хорошо описалъ Онѣгина." За то всѣ прочіе поэты и прозаики рѣшительно не существовали для Онисима Сергѣевича. Голя онъ не полюбилъ, — не приличень, говорить. Впрочемъ, увидавъ какъ-то на сценѣ Ревизора, онъ нѣсколько дней послѣ этого рассказывалъ своимъ гостимъ содержаніе комедіи. Сама Соломонида Егоровна, дама въ высшей степени щекотливая на такія вещи, съ замѣтнымъ удовольствіемъ вмѣшивалась въ разговоръ, наводя своего супруга на нѣкоторыя обстоятельства и частности, ускользавшія изъ памяти его. Онисимъ Сергеевичъ никогда однакожь не отдѣлялъ автора

отъ дѣйствующихъ лицъ повѣсти или драмы, и съ живымъ участіемъ слѣдилъ за всякимъ словомъ того или другаго лица, побранивая, подь часъ довольно крупно, неизвѣстно впрочемъ кого, — автора или выводимаго имъ героя.

— Вишь онъ какъ! Говоритъ, шуба-то на васъ въ пятьсотъ рублей, а жалованья-то, говоритъ, получаете не Богъ знаетъ сколько, да такъ его и срѣзаль. Хе, хе, хе, хе! А этотъ городничій-то, когда говоритъ кварташкѣ: ты, говоритъ, скажи всѣмъ, говоритъ, что церковь-моль была построена, да сгорѣла. Ну, не бестія ли? А Осипъ-то, Осипъ! Преразсудительный человекъ, но только плуть большой... Гмъ, Департаментомъ, говорятъ, управляютъ приглашали, — даль бы я тебѣ, канальѣ, Департаментъ! Обобраль, мошенникъ, всѣхъ да и уѣхаль, и суда нѣтъ на немъ. Да и Марья-то Андреевна хороша! Чортъ знаетъ, что за пакостная баба, тьфу!

Во всемъ вѣрный правиламъ чести и долга, всегда равный своему характеру, Онисимъ Сергеевичъ однакожь былъ въ высшей степени слабымъ отцомъ семейства. Чувство ин-

стинктивной любви къ дѣтямъ, расширяясь болѣе и болѣе, охватило все существо его, во вредъ разумному началу правильныхъ къ нимъ отношеній. Дѣло очень естественное! Чѣмъ болѣе человѣкъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ чувства, тѣмъ болѣе ошибокъ ждетъ его впереди. Строго надобно разбирать тѣ случаи, гдѣ умъ можетъ и долженъ быть совѣтчикомъ и руководителемъ, и гдѣ, безъ его указанія, можно попасть въ такую кабалу, что послѣ и не выпутаешься. Повѣрка въ такомъ разѣ одна: когда изъ за убѣжденій ума выглядываетъ гордость и эгоизмъ, тогда прочь этого совѣтника; когда же онъ говоритъ въ пользу извѣстныхъ правилъ, въ духѣ самоотверженія, тогда его голосъ не долженъ быть гласомъ вопіющаго въ пустынь.

Онисимъ Сергеевичъ, можетъ быть, и самъ хорошо это зналъ, но на дѣлѣ выходило у него какъ-то не такъ. Горячо любимый своими дѣтьми, онъ готовъ былъ служить всѣмъ ихъ прихотямъ, и въ простительномъ отцу заблужденіи находилъ что лучше его дочерей въ свѣтѣ нѣтъ. Соломонида Егоровна совершенно соглашалась съ этимъ, прибавляя къ

тому, что иначе и быть не могло, потому что имъ хорошо извѣстно, какой онъ фамиліи, и потому что матерью ихъ она — Соломонида Егоровна. Вотъ на счетъ сыновей своихъ Онисимъ Сергеевичъ былъ немножко противнаго мнѣнія и окончательно расходился въ этомъ пунктѣ съ своей дражайшей половиной. Истрачивая пропасть денегъ на ихъ воспитаніе, онъ видѣлъ, что ребята его выходятъ какъ-то... не того, и копейку рублемъ не считаютъ. "Впрочемъ, чтожь такое? думалъ онъ въ иную пору. Вѣкъ на вѣкъ не приходитъ. Въ наше время то было хорошо, а теперь это. Притомъ молодому человѣку непременно надо перебѣситься. Подростеть, поумнѣть, и самъ остепенится. Вѣдь вонъ посмотрите, какіе побѣги съ перваго-то раза даетъ дерево, — и туда и сюда, а укоренится и пойдетъ расти, какъ надо".

Но это софистическое убѣжденіе Онисима Сергеевича сильно поколебалось, когда старшій сынъ его Виталій, не успѣвъ еще забыть кадетскихъ привычекъ и тетрадокъ, на пути къ мѣсту службы, изволилъ влюбиться въ какую-то Лизаньку Кацавейкину, и по пер-

вой же почтѣ послалъ къ отцу горячее, какъ только могутъ писать прапорщики да поэты, письмо съ настойчивымъ требованіемъ его благословенія, грозя въ противномъ случаѣ застрѣлиться чуть ли не десять разъ сряду. Испугался бѣдный Онисимъ Сергеевичъ: разсудокъ говорилъ ему, что девятнадцатилѣтній прапорщикъ окончательно пропалъ, свильнувъ съ служебной дороги на проселочную тропу женитьбы. Сгоряча онъ назвалъ его дуракомъ, молокососомъ и разбранилъ такъ, какъ только у Шекспира ругаются короли да принцессы, и тотчасъ же бросился къ перу писать отвѣтное посланіе: но за первой же строкой приставилъ палецъ ко лбу и задумался.

— А чего добраго, пробормоталъ онъ про себя. Вѣдь чортъ его знаетъ! Ну, какъ въ самомъ дѣлѣ застрѣлится! Вѣдь онъ у меня такой рѣшительный. Разъ какъ-то не захотѣлъ выучить урока изъ Географіи, — ужъ какъ я ни бился, и просилъ, и грозилъ, и на колѣни ставилъ, и обѣда лишилъ, — ничто не помогло. Такъ таки германскія владѣнія и остались невыученными. Ужъ стало быть выдастся та-

кой характеръ! По дѣдушкѣ, значить, пошелъ.

Сильно заговорило въ Онисимѣ Сергѣичѣ привычное чувство безотчетной любви къ дѣтямъ. Встрепенувшійся было разсудокъ, какъ соколъ, съ котораго сняли колпачекъ въ неизвѣстной ему комнатѣ, слетѣлъ съ своего мѣста, забился въ уголокъ и притихъ подъ шумный говоръ взбунтовавшагося чувства. Весь растерявшись, Онисимъ Сергеевичъ обратился за совѣтомъ къ Соломонидѣ Егоровнѣ; а этого только и не доставало, чтобъ напугать бѣднаго Онисима Сергеевича. У Соломониды Егоровны на этотъ счетъ никогда не бывало нерѣшительности. Она всякій поступокъ своего дѣтища привыкла считать "благороднымъ" хотъ бы ея дѣтище ухватило только пуделя за хвостъ. Соломонида Егоровна, какъ дважды два, доказала своему супругу, что Виталій ужь офицеръ, слѣдовательно не мальчикъ, что онъ благородной фамиліи, слѣдовательно не позволитъ себѣ никакого неблагороднаго пассажа, что онъ развивался очень быстро, слѣдовательно нечему удивляться, если онъ теперъ рѣшился "избрать

себѣ подругу жизни" что она – Соломонида Егоровна – и въ Москвѣ и въ Петербургѣ слышала про фамилію Кацавейкиныхъ, слѣдовательно онъ никакъ не могъ ошибиться въ выборѣ, и что вѣроятно, онъ познакомился "съ владычицей своего сердца" гдѣ нибудь на аристократическомъ балѣ, а пожалуй даже и при Дворѣ, гдѣ, какъ извѣстно, бываютъ и кадеты. На возраженіе Онисима Сергеевича, что Виталій нашелъ Кацавейкину не въ Петербургѣ и не въ Москвѣ, а въ Орлѣ, – Соломонида Егоровна сказала, что это ничего не значитъ, что онъ непременно зналъ петербургскихъ Кацавейкиныхъ и что только поэтому познакомился онъ и съ орловскими Кацавейкиными. Противъ сомнѣнія Онисима Сергеевича на счетъ состоянія невѣсты, Соломонида Егоровна сказала, что она непременно должна быть богата, иначе родители не посмѣли бы и думать входить въ родство съ такимъ домомъ, какъ "ихній" сильно покрутилъ головой Онисимъ Сергеевичъ на такое убѣжденіе своей супругъ: но всячески онъ уже былъ сбить съ крѣпкой позиціи рѣшительной атакой Соломониды Егоровны;

оставалась слабѣйшая. Въ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ изложила она Онисиму Сергеевичу несчастіе потерять сына, подающаго блестящія надежды, и еще въ цвѣтъ юныхъ лѣтъ и еще по случаю, отъ котораго, можетъ быть, зависитъ его счастье, и еще такъ нѣжно обнимающаго колѣни своихъ родителей. Она завершила рѣчь свою обильными слезами, къ которымъ Елена Онисимовна присоединила и свои собственныя, — и дѣло Виталія было выиграно. Онисимъ Сергѣичъ съ слѣдующей же почтой послалъ жениху богатую икону, наказавъ ему тотчасъ же послѣ брака отслужить молебенъ Гурію, Самону и Авиву.

— А все таки глупо! твердилъ онъ, отправивъ посылку на почту и расхаживая большими шагами въ своемъ кабинетѣ. И сто и тысячу разъ скажу, что глупо, глупо, глупо! Вотъ посмотрите, чѣмъ это кончится; ужъ я знаю!.. Застрѣлюсь, говоритъ, — и вретъ, не застрѣлился бы. А впрочемъ, кто его знаетъ? Въдь онъ у меня такой рѣшительный. Разъ изъ Географіи... Эхъ, ты Господи Боже мой! Сглуповаль, совсѣмъ таки сглуповаль! Теперь ужъ не поправишь.

И точно, не поправишь. Жена не сапогъ, говоритъ пословица, надѣнешь – не скинешь. А кончилось, дѣйствительно, скверно. Ужь не говоря о томъ, что Кацавейкины были, что называется, голь перекатная, и сами рассчитывали на то, чего такъ положительно ожидала Соломонида Егоровна, – молодой человекъ, нагрузивъ страннической экипажъ свой женою, горничной, и другимъ тряпьемъ, необходимымъ для семейнаго счастья, встрѣтилъ на службѣ разныя непріятности. Ужь первое появленіе его къ полковнику да-ло ему порядочный щелчокъ.

– Такъ это вы женились на дорогъ? спросилъ старый холостякъ, флегматически осматривая щедушненькую фигурку юнаго супруга.

– Такъ точно, полковникъ, отвѣчалъ онъ, слегка покраснѣвъ.

– Вы?

Юный супругъ ничего ужъ не отвѣчалъ на это.

– А родители у васъ есть?

– Есть, полковникъ.

– Должно быть, только матушка.

– Есть и отецъ, полковникъ.

– И отецъ есть? Это удивительно! И благословили васъ?

– Благословили, сказалъ юный супругъ, сердито тряхнувъ кудрявою головкой.

– А что это у васъ за прическа такая, господинъ новый супругъ? Вы въ ней походите на дѣвочку.

– Полковникъ...

– Сколько вамъ лѣтъ, господинъ прапорщикъ?

– Двадцать третій.

– Что?

– Двадцать третій, полковникъ.

– А, вы еще лгать приучаетесь! Не хорошо, юный супругъ! По формуляру вамъ значится... сколько тамъ? спросилъ старый холостякъ полковаго адъютанта, стоявшаго въ сторонѣ и улыбавшагося какъ-то предательски.

– Девятнадцать.

– А видите? ну, извольтежь идти, юный супругъ, остригитесь, какъ должно да приучайтесь къ службѣ, господинъ юный супругъ.

И пошелъ Виталій по всему полку слыть

подъ курсивнымъ прозвищемъ юнаго супруга. И сердился, и ссорился, и бранился онъ за это съ товарищами, но выходило еще хуже. Извѣстно, кто чѣмъ больше сердится на остроты и насмѣшки, тѣмъ больше онъ сыплется на него. Ухаживанье за молоденькою прапорщицей, которая тоже скоро оцѣнила юность своего супруга, и поэтому не оставалась невнимательною къ искательствамъ усатыхъ капитановъ и щеголей майоровъ; она даже позволяла себѣ въ супружеской бесѣдѣ смѣяться надъ ребяческой ревностью своего Вити. Скучность прапорщичьяго жалованья и уютность квартиры, отводимой, по положенію, одинокой звѣздочкѣ безусаго Марса, все это требовало безпрестанныхъ хлопотъ, и юный супругъ, опустивъ крылья "желаній и надеждъ", смиренно сталъ обращаться къ своимъ родителямъ съ покорнѣйшими просьбами то о какомъ нибудь совѣтѣ, то объ утѣшеніи, при чемъ болѣе надлежащаго распространялся о своихъ критическихъ обстоятельствахъ и о гоненіи рока. Служба пошла какъ-то дурно: ссора съ полковымъ адъютантомъ, чуть не кончившаяся ду-

элью, сдѣлала и полковника неблагоклоннымъ къ юному супругу; а тутъ еще Богъ послалъ дочку, къ которой понадобились мамки да няньки, — все это заставило Виталія взять отставку. Невстунно двадцати двухъ лѣтъ отъ роду, онъ уже кончилъ военную карьеру, и не поймавъ ни Кошута, ни Бема, занялъ, по ходатайству отца, гдѣ-то мѣсто помощника Становаго Пристава, и сталъ преслѣдовать малѣкихъ воришекъ, почти-тельно кланяясь большимъ ворами.

Больно и обидно было Онисиму Сергеевичу такое оскорбленіе его нѣжной, хоть и не совсѣмъ разумной, любви къ дѣтямъ. Сама Соломонида Егоровна на первыхъ порахъ не осмѣливалась соваться съ своими убѣжденіями и утѣшеніями, когда Онисимъ Сергеевичъ жаловался на неблагодарность и безчувственность дѣтей. Лишь изрѣдка позволяла она себѣ сказать какую нибудь великолѣпную сентенцію о жестокости судьбы, всегда преслѣдующей людей достойныхъ, или о твердомъ перенесеніи несчастій. Черезъ нѣсколько однакожь времени, когда первое непріятное впечатлѣніе ослабѣло, Соломонида Егоровна заговорила уже смѣлѣе, и даже сказала однажды, что должность Становаго отнюдь не унижаетъ Виталія и всей ихъ фамиліи, потому-что вонъ-дескать и король французскій Филшпъ былъ какъ то деревенскимъ учителемъ.

Но ни Онисимъ Сергеевичъ, ни Соломонида Егоровна не взяли въ толкъ того, что въ этомъ дѣлѣ они виноваты больше, чѣмъ кто либо другой. Ужь такъ устроена природа человѣческая. Себя обвинить – Боже сохрани!

Ужь если не на кого, то мы на судьбу свалимъ.

Примѣръ старшаго сына плохо однакожь вразумилъ Онисима Сергеевича. Жоржъ готовилъ ему еще большія непріятности. Назойливость и нахальство развивались въ немъ не по лѣтамъ; а добрая маменька увѣряла слабаго папеньку, что Жоржъ ихъ понимаетъ себя очень хорошо, что онъ чрезвычайно почитителенъ и слушается каждаго ея слова. Послѣднее, дѣйствительно, было справедливо, потому что Жоржъ превосходно понималъ, что маменька его послѣ нравоучительной тирадки всегда становится необыкновенно добра и безотказно наполняетъ щегольской его портъ-моне. Самъ Онисимъ Сергеевичъ, по какому-то странному ослѣпленію, вѣрилъ, что Жоржъ малой съ добрымъ сердцемъ, хоть и шалопай немножко. "Ну, да это, говорилъ онъ, только подъ крыломъ матушки, а вотъ какъ поступишь, братъ, въ училище, да потянешь лямку на службѣ, такъ узнаешь Кузькину мать, въ чемъ она ходитъ."

Глава пятая

Въ городъ В. пріѣхаль какой-то загранич-
ный артистъ удивлять своимъ талантомъ
непросвѣщенную и добрую Русь. Извѣстно,
что эти господа считаютъ наше любезное
Отечество чѣмъ-то въ родѣ Калифорніи, и съ
благодарностью принимая за границей
скромные франки и горемычные цванциге-
ры, отъ насъ непременно требуютъ
полновѣсныхъ рублей. А мы сдуру-то и плати-
мъ имъ, да еще принуждены бываемъ выслу-
шивать ихъ громкія жалобы на то, что ихъ
тутъ цѣнить не умѣютъ, что за границей хоть
и мало имъ платятъ, за то вишь они добыва-
ютъ тамъ славу и извѣстность.

— Славу и извѣстность, говорилъ однажды
при мнѣ старый полковникъ, взявшій для
падчерицы своей, да кстати ужъ и для себя,
билетъ въ какой-то концертъ, что стоило
ему пяти серебряныхъ рублей:— славу и
извѣстность-вишь оно какъ! Ну и жили бы та-
мъ съ своей славой и извѣстностью! Такъ
нѣтъ же, лезутъ къ намъ за безславными руб-
лями и безъизвѣстными червонцами. То-то и

есть-то; видно, и соловьи отъ своихъ пѣсень сыты не бываютъ!

Онисимъ Сергеевичъ, встрѣтивъ у губернатора заѣзжаго гостя, долгомъ почель познакомиться съ нимъ, и почитая свою Елену тоже не послѣдней артисткой, запросилъ его къ себѣ. Отказа не было, потому что голодный артистъ разсчиталъ между прочимъ на сбытъ нѣсколькихъ билетовъ черезъ руки гостей и хозяина. Слѣдствіемъ этого было то, что Онисимъ Сергеевичъ открылъ у себя музыкальный вечеръ, на который, между многими другими, приглашенъ и Софьинъ, уже успѣвшій пріобрѣсть ближайшее знакомство съ Небѣдой и даже благоволеніе самой Соломоницы Егоровны.

Въ назначенный день совсѣмъ неожиданно пріѣхалъ къ Владиміру Петровичу передъ самымъ вечеромъ Племянничковъ, разфранченный на пропалую.

— Нѣтъ ли у васъ, дяденька, воротничковъ получше? сказалъ онъ, вынимая изъ кармана свѣжія, еще ненадѣванные перчатки.

— Я не ношу ихъ, а что такое?

— Стало быть съ моими помятыми я не про-

изведу желаемого эффекта.

– Гдѣжь это?

– У Небѣдовъ-съ.

– А вы тамъ будете?

– Какъ же-съ.

– Приглашены?

– Нѣтъ-съ, мы дѣйствуемъ по аглецки; явимся и безъ приглашенія. А что такое, развѣ у нихъ балъ какой?

– Балъ не балъ, но что-то въ родѣ вечера.

– Тѣмъ лучше! значить, я не даромъ израсходовался на бѣлыя перчатки.

– Какой-то проѣзжій артистъ будетъ играть тамъ.

– И превосходно! Значить, не будемъ затрудняться въ выборѣ предмета для пріятнаго conversation. Фу, канальство! Вотъ разойдусь! говорилъ Племянничковъ, потирая отъ удовольствія руки. То есть, вы ахнете, дяденька, отъ удивленія моимъ музыкальнымъ свѣдѣніямъ! А то въ самомъ дѣлѣ съ этой барыней трудно попасть въ линію.

– Ахъ, да; я давно хотѣлъ спросить, вѣдь вы были у нихъ съ визитомъ?

– Былъ-съ, какъ-же.

– Чтожь вы мнѣ не расскажете, какъ васъ тамъ приняли?

– Да нечего рассказывать. А не вспоминали тамъ ни разу обо мнѣ?

– Нѣтъ, что-то ни помнится.

– Дурно! Стало быть не произвелъ должнаго впечатлѣнія.

– Напротивъ, это хорошо; а то я знаю ваши впечатлѣнія-то.

– Знаете? Ну, такъ знайтежь; я нагородилъ тамъ ужаснѣйшихъ глупостей.

– Такъ и есть!

– Нельзяже-съ, дяденька. Можете вообразить, прихожу это, раскланиваюсь, какъ слѣдуетъ, рекомандуюсь, что – молъ такъ и такъ, "проливалъ въ нѣкоторомъ отношеніи кровь на пользу отечества," прошу удостоить... словомъ, отрекомандовался, какъ долгъ велить, и сѣлъ. Только что хотѣлъ я затянуть пѣсню о погодѣ, – мадамъ Небѣда, не давъ мнѣ промолвить слова, понесла такую аристократическую дичь...

– Эхъ, крикнулъ Софѣинъ, нетерпѣливо повернувшись въ креслѣ.

– Пожалуйте жъ, дяденька, чѣмъ это кон-

чилося. Не желая ударить лицомъ въ грязь, я и себѣ пустился въ аристократическіе рассказы. Мы съ ней объѣздили весь Петербургъ, всѣхъ вельможъ и бюрократовъ, и чуть, чуть не застряли во Дворцѣ.

– Эхъ, какой же вы, право! сказалъ Софьянъ, качая головой.

– Позвольте же, позвольте. Барыня, чувствуя, что отъ меня такъ и пышетъ аристократизмомъ, сдѣлала умильную рожицу, и пожелала узнать, что я за птица. – Такъ себѣ, чиновникъ, сказалъ я. – Не родня ли вы почтъ-директору Платону Александровичу Племянничкову? – никакъ нѣтъ-съ. – Какихъ же вы? – Очень незначительныхъ: мой дѣдушка былъ приходскимъ дьячкомъ, а бабушка штатнымъ смотрителемъ.

– Охота же вамъ плести такія глупости!

– А чтожь мнѣ было дѣлать? Надобножь поддерживать разговоръ.

– Славно вы его поддерживаете!

– По всѣмъ правиламъ искусства. Отъ маленькихъ противорѣчій, дяденька, зависитъ интересъ разговора.

– А если она узнаеть, что вы солгали?

– Скажу, пошутить.

– Съ дамой-то?

– Нѣтъ, съ барыней.

– Дурно, Ѳедоръ Степанычъ, не хорошо!

– За тожь, какъ опѣшила моя барыня!

Вдругъ опустила голосъ нѣсколькими нотами ниже. Она принялась убѣждать меня въ самыхъ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ, что незнатность происхожденія совершенно ничего не значитъ, что это не должно меня беспокоить, что у нихъ есть въ Петербургѣ знакомый генераль, который тоже изъ поповичей, и что порядочные люди бываютъ во всякомъ сословіи. Я, разумѣется, совершенно согласился съ этимъ и усерднѣйше сталъ просить, тоже въ краснорѣчивыхъ оборотахъ, призрѣть мое ничтожество и бросить взглядъ благосклоннаго вниманія....

– Что вы мнѣ толкуете? Какъ же таки можно, чтобъ она не догадалась изъ словъ, изъ тона вашего, что вы такъ дерзко шутите?

– Куда ей дурѣ! Напротивъ, моя всеуниженнѣйшая просьба произвела самое лучшее впечатлѣніе! Съ важностію театральной герцогини госпожа Соломонида предста-

вила меня своей дочери старшей, не преми-
нувъ однакожь тонко замѣтить, что я не изъ
тѣхъ Племянничковыхъ, которыхъ, видите
ли, они знали въ Петербургѣ, а изъ другихъ
какихъ-то.

– Какихъ-то?

– Да, какихъ-то; такъ и сказала.

– Видите? Ктожь васъ виновать? Не бол-
тайте пустаго!

– Мамзель однакожь ничего. Мы съ ней со-
шлись во взглядахъ. Она, изволите видѣть,
дилетантка, – ну, это и мой конекъ. Мы пере-
брали съ нею всѣхъ артистовъ и всякому изъ
нихъ дали надлежащую оцѣнку. Кстати, дя-
денька, что это за штука такая генераль-ба-
сѣ?

– А что такое?

– Да она замѣтила мнѣ, что я должно быть
хорошо разумѣю генераль-басѣ. Естественно,
я сказалъ, что очень хорошо. А между тѣмъ,
позвольте узнать, дяденька, что это птица ка-
кая, опера или книга чтоль?

– За чѣмъ же вы берете на себя знаніе того,
о чемъ и понятія не имѣете?

– Дѣйствительно, чортъ знаетъ за чѣмъ.

Такъ вотъ съ языка сорвалось. Да спасибо Жоржу, подоспѣлъ на выручку.

– Ну, что же, какъ вы его нашли?

– Прекрасный молодой человекъ! Послѣ двухъ-трехъ словъ мы сошлись съ нимъ на короткую ногу.

– Стоило!

– И очень стоило. Такихъ папиросокъ и у васъ, дяденька, никогда не приводилось мнѣ курить. А главное, не стань я съ Жоржемъ въ дружескія отношенія, то врядъ ли бы госпожа Содомонида пригласила меня бывать у нихъ запросто.

– По дѣломъ вамъ! не болтайте пустяковъ!

– Рассказывайте! Пустяками-то, дяденька, и свѣтъ держится.

– А меньшей вы не видали? какъ-то отрывисто спросилъ Софьинъ, закуривая сигару.

– Кого, это меньшей, дяденька? сказалъ Племянничковъ, плутовски прищурясь.

– Кого меньшей! Marie.

– Marie... протяжно произнесъ Племянничковъ. Нѣтъ-съ, не видалъ-съ.

– Почемужъ?

– Нездорова.

– Нездорова? сказалъ Софѣинъ съ значительнымъ повышеніемъ голоса.

– Ухъ!

– Ѳедоръ Степановичъ! серьезно сказалъ Софѣинъ, вставая съ кресла и начиная ходить по комнатѣ: я не люблю такихъ шутокъ.

– Виновать, дяденька, ей-богу, не буду. Видѣлъ, видѣлъ!

– Говорите о чемъ нибудь другомъ.

– Нѣтъ-съ, надо это кончить.

– Оставьте, пожалуста!

– Не могу, дяденька, порядокъ требуетъ.

Владиміръ Петровичъ быстро пошелъ и хлопнувъ дверью, заперся въ кабинетъ.

– Вотъ оно и вышло-дышло! сказалъ Племянничковъ, оставшись одинъ. Однакожь, какъ это странно! Вѣдь вотъ и умный человѣкъ дяденька-то, а не съумѣлъ схитрить, попался. Мудренаго впрочемъ въ этомъ я ничего не вижу. Marie, нечего сказать, милая добрая и прехорошенькая дѣвушка, не чета этой... хоть и та ничего себѣ.... еслибъ не этотъ проклятый генераль-басъ, который совсѣмъ сбиль меня съ толку, мы успѣли бы очаровать другъ друга. Marie, кажется,

замѣтила, какъ я сконфузился; за то какъ ловко лавировала она между аристократическимъ хвастовствомъ своей мамы и дилетантизмомъ сестрицы! Главное то хорошо, что не хитрила и подъ часъ проговаривалась, какъ настоящая институтка. Я это люблю. Сколько я могъ замѣтить, дяденька-то у ней на счету. Жаль, что я не успѣлъ сказать ему этого. Дяденька! дяденька! заговорилъ онъ вслухъ, приложивъ ухо къ дверямъ кабинета.

Не дождавшись отвѣта, Племянничковъ запѣлъ жалобно: "Отворите мнѣ темницу".

Какъ ужъ они тамъ поладили, Богъ ихъ знаетъ, только на вечеръ къ Онисиму Сергеевичу оба явились вмѣстѣ. Зала, въ которую они вошли, была освѣщена съ собственномъ смыслѣ блистательно, если принять въ соображеніе огромную люстру, горѣвшую, словно большой костеръ, и нѣсколько свѣчей на столѣ, заваленномъ нотами. Въ залѣ кочевало нѣсколько фрачниковъ и губернаторскій адъютантъ съ подержаннымъ и вѣчно-улыбающимся лицомъ. Въ гостиной сидѣло нѣсколько дамъ и мужчинъ солиднаго свойства. Откланявшись Соломонидѣ Егоровнѣ,

разряженной въ пухъ и въ прахъ, Софьинъ сѣлъ въ незанятое кресло; Племянничковъ помѣстился близъ него, и на минуту прерванный разговоръ продолжался.

— Только чтожь бы вы думали? говорила Соломонида Егоровна. Подъѣзжаю я къ театру, гляжу: Тютюевъ генераль. Я была совершенно изумлена, полагая его въ Тифлисъ. Онъ провель насъ въ ложу и рассказалъ намъ объ этомъ происшествіи.

— А мнѣ говорили, сказалъ господинъ съ владиміромъ въ петлицѣ, что напротивъ, Лермонтовъ вызваль.

— Совсѣмъ нѣтъ! Комужь лучше знать, какъ не генералу? Тютюевъ говорилъ, что Лермонтовъ бывало у него по цѣлымъ часамъ дожидается пріема.

— Ахъ, тапан! подхватила Елена, такой великій поэтъ — и въ пріемной! Это ужасно!

— Да, это дѣйствительно, подтвердила Соломонида Егоровна, Селифанъ Никифоровичъ престранный человѣкъ; никакого не обращаетъ вниманія на высшее вдохновеніе.

— Онъ смотритъ только на пуговицы да на пригонку мундировъ; я знаю его!

замѣтилъ какой-то отставной военный въ преогромными усами.

— Это рѣшительно проза! подтвердила Елена. *Imaginezvous*, тамап, онъ даже не знаааетъ "Демона."

— Демона? сказалъ господинъ съ владиміромъ въ петлицѣ: какого это демона?

— Какъ, Порфирій Карповичъ, и вы не знаете Демона Лермонтова? съ изумленіемъ спросила Елена.

— И не дай Богъ знать его.

— Что вы говорите!

— Говорю то, что еслибъ и Лермоитовъ-то поменьше знакомился съ демонами, такъ его бы не уколотили. А то всѣ эти поэты да стихотворцы съ демонами за панибрата, а Господа Бога знать не знаютъ. Отъ того и бьютъ ихъ, какъ собакъ.

Софѣинъ, къ сожалѣнію, мало обращалъ вниманія на такой разговоръ, предметомъ котораго была такая занимательная страница нашей литературы и притомъ объясняемая такъ мѣтко господиномъ съ владиміромъ въ петлицѣ. Онъ поглядывалъ въ уголь, гдѣ на канapé сидѣла Marie, атакованная, какъ вид-

но, любезностями господина съ лохматой головой и съ угловатыми чертами лица. Господинъ тотъ, положивъ ногу на ногу, почти лежалъ на канапе и рассказывалъ что-то въ полголоса, бросая насмѣшливые взгляды то на того, то на другаго гостя. При входѣ Софьи-на, онъ нахально вымѣрялъ его глазами и сказалъ Marie какое-то слово; вѣроятно, это слово не понравилось ей, потому что она съ замѣтнымъ неудовольствіемъ отодвинулась отъ своего собесѣдника и стала глядѣть въ противную отъ него сторону.

— Извините, громко сказалъ Онисимъ Сергеевичъ, входя въ гостиную. Здравствуйте, Владиміръ Петровичъ! А, и вы здѣсь? Хорошо сдѣлали, что пріѣхали сами.

Взоры всѣхъ обратились на Племянничкова, который, нисколько не растерявшись, первый подалъ руку Небѣдѣ.

— Что же? спросила Соломонида Егоровна.

— А чтожь, ничего, сказалъ Небѣда, не будетъ.

— Кто не будетъ, папаша? спросила Мари, оставляя свое мѣсто, съ явнымъ намѣреніемъ отдѣлаться отъ господина съ лохматой голо-

вой.

– Кто не будетъ, – Губернаторъ не будетъ.

– А Капачени?

– Капачини будетъ. Я самъ заѣзжалъ къ нему.

– А Жоржъ гдѣ? спросила Соломонида Егоровна.

– Остался у губернатора.

– Какъ это такъ?

– Да также, заартачился, останусь, говорить, вотъ и все. Ну я оставайся; тамъ, видишь, дѣти пріѣхали къ губернатору-то, сыновья, оба уланы, да лихіе такіе... А не угодно ли, господа, въ залу?

Гостя потянулись за Онисимомъ Сергеевичемъ.

– Bon soir, monsieur Софѣинъ, сказалъ господинъ съ лохматой головой.

– Bon soir, monsieur Пустовцевъ.

– Что это за господинъ съ вами?

– Мой давній пріятель.

– Оригиналь, какъ видно.

– Почемужъ мои пріятеля должны быть оригиналами?

– Такъ мнѣ показалось.

— Если такъ, то вы, вѣрно, не захотите быть въ числѣ моихъ пріятелей.

— Га, да вы острякъ! сказалъ Пустовцевъ насмѣшливо, отступивъ на полшага и вымѣривая его глазами.

— Словцомъ перекидываетесь! сказалъ Онисимъ Сергеевичъ, подходя къ нимъ. Нѣтъ, батюшка Валеріанъ Ильичъ, тутъ вамъ взятки гладки. Не на того напали.

И взявъ подъ руку Софьина, Небѣда пошелъ въ залу. Владиміръ Петровичъ искренно благодарилъ про себя Небѣду, что онъ такъ кстати перебилъ разговоръ, который легко могъ кончиться какою нибудь непріятностью.

Изъ франтовъ, остававшихся въ залѣ, нѣкоторые оказались артистами. За пюльпитрами хлопотала віолончель съ фізіономіей, будто бы сшитой изъ однихъ складокъ, точь въ точь старинныя фрески; двѣ скрипки и флейта съ красно-багровымъ носомъ. По всему замѣтно было, что они затѣвали положить начало этому вечеру какимъ нибудь квартетомъ.

Владиміръ Петровичъ, пущенный

Небѣдою, подошелъ къ Marie, которая съ дѣтскимъ любопытствомъ! разсматривала щегольскую флейту, повертывая ее въ рукахъ и толкуя что-то господину флейтисту, улыбававшемуся весьма нѣжно и обязательно.

– А вы умѣете? сказала она Софьину.

– Не мастеръ.

– И хорошо дѣлаете.

– Какъ хорошо? спросилъ нѣсколько задѣтый этимъ флейтистъ.

– Инструментъ этотъ, отвѣчала Marie, страхъ какъ уродуетъ человѣка. Нашъ учитель Историі....

– Котораго, перебилъ Софьинъ, усмѣхаясь, – вы, конечно, "обожали"...

– Fі, онъ былъ такой гадкій, горбатый и съ преогромной головой.

– Извините, я перебилъ васъ.

– Нашъ учитель, продолжала Marie, говорилъ, что Алкивіадъ потому именно и бросилъ играть на флейтѣ....

– Кто такой-съ? спросилъ флейтистъ.

– Алкивіадъ, простодушно отвѣчала Marie.

– Лицо, мало извѣстное въ музыкальномъ мірѣ, замѣтилъ флейтистъ.

— Ктожь говорить вамъ, что онъ былъ музыкантъ? Это былъ... полководецъ такой, это... словомъ, это былъ "прелесть, очарованіе". Аѳиняне всѣ волочились за нимъ.

— Аѳиняне, подхватилъ флейтистъ, а не Аѳинянки? Ну, такъ онъ былъ артистъ на другомъ какомънибудь инструментѣ?

— Вовсе нѣтъ.

— Что это съ вами, Марья Онисимовна? смѣясь сказалъ Софѣинъ. Ужь не хотите ли вы профессорствовать?

— И въ самомъ дѣлѣ! отвѣчала Marie, слегка покраснѣвъ. Какая же я школьница!

— Извольте-съ! провозгласилъ виолончелистъ, раскладывая на пюльпитрѣ какія-то ноты.

Виолончелистъ этотъ, какъ видно, заправлялъ цѣлымъ квартетомъ.

Софѣинъ и Marie отошли и сѣли на одномъ изъ дивановъ. Минуть черезъ пять квартетъ былъ въ полномъ разгарѣ. Всѣ присутствовавшіе оказывали приличное вниманіе, исключая Пустовцева, который, принявъ обычную свою позу, подпѣвалъ въ

полголоса, отчаянно фальшивя на каждой нотѣ.

Квартетъ кончился. Онисимъ Сергеевичъ одинъ за всѣхъ поблагодарилъ артистовъ, подвизавшихся "изъ чести лишь одной."

— И что это тамъ черти задавили этого нѣмца проклятаго! Яковъ! нѣту нѣмца?

— Никакъ нѣту-съ, отвѣчалъ лакей, проходившій съ подносомъ.

— Коли нѣту, такъ и не надо.

Софьинъ и Marie ходили по залѣ. Онъ рассказывалъ что-то серьезное хорошенькой собесѣдницѣ своей, которая, поворотивъ голову, смотрѣла на него глазами, полными участія и любопытства.

— Какъ же вамъ понравился квартетъ? сказалъ Пустовцевъ, подходя къ Marie съ другой стороны; на сжатыхъ губахъ его бродила злая усмѣшка.

— Квинтетъ развѣ, отвѣчала Marie съ улыбкой.

— Какъ квинтетъ?

— Вы же держали пятую партію.

— Ни ужь-то?

— Да, если только слухъ меня не обманыва-

еть.

– Такъ какъ же вы находите, пожалуй, хоть квинтетъ нашъ?

– Кромѣ пятой партіи, шель хорошо.

– А пятая?

– Очень плохо. Вѣрно не приготовлена, какъ надо.

– Вы злы сегодня.

– Немножко.

– Отъ чего это?

– Вѣрно отъ того, что съ вами долго сидѣла; научилась отъ васъ.

Софьинъ, проходя мимо столика съ нотами, остановился и взялъ въ руки первопопавшую тетрадь.

– Нельзя ли узнать другой причины? сказалъ Пустовцевъ.

– Можно, только я не совѣтовала бы вамъ.

– Вы этимъ больше возбуждаете мое любопытство.

– И вы не разсердитесь?

– Могу ли подумать?

– Вы невоздержны на языкъ, сказала Marie, и быстро повернувшись, пошла въ гостиную.

– Какъ дурно она воспитана! проговорилъ

Пустовцевъ, презрительно пожавъ плечами и заложивъ руки въ карманы.

— Что, батенька Валеріанъ Ильичъ, видно щелкнула да и полетѣла! сказалъ Онисимъ Сергеевичъ, который вѣчно ужъ слѣдилъ глазами за какою нибудь изъ своихъ дочерей; это не былъ ревнивый, подозрительный надзоръ, а простодушное любованье тѣмъ, что утѣшало и радовало преклоняющійся вѣкъ его, что еще ни разу не обмануло его надеждъ и ожиданій. — Вѣдь вотъ что значитъ на людяхъ-то! Развернулась себѣ, какъ ласточка, и вьется и щебечетъ. А кротость, ангельская кротость! Вонъ поглядите, она опять ужъ съ Владиміромъ Петровичемъ.

Въ залу вошелъ Каначини. Онисимъ Сергеевичъ отправился къ нему навстрѣчу. Всѣ присутствовавшіе, и особенно музыканты, обратили на заѣзжаго гостя любопытствующіе взоры. Это былъ человекъ съ огромными претензіями на оригинальность; длинные волосы его, какъ видно, никогда не знали ножницъ и мотались космами до самыхъ плечей; маленькій галстучекъ едва охватывалъ длинную его шею; послѣдней моды фракъ застег-

нута была на среднюю пуговицу, которая не безъ умысла вдѣта была не въ соответствующую ей петлю, и отъ того одна половина фрака казалась короче другой. Самъ Пустовцевъ, не обратившій сначала на Капачини никакого вниманія и небрежно игравшій часовой цѣпочкой, посмотрѣлъ на него пристально, и потомъ отвернувшись съ насмѣшливой улыбкой, заплѣлъ что-то подносъ себѣ.

— А мы безъ васъ ужъ и на квартетикъ осмѣлились, сказалъ Онисимъ Сергеевичъ, представивъ гостя Соломонидѣ Егоровнѣ, которая на глубокой поклонъ его отвѣтила двумя замѣтнымъ движеніемъ головы.

— Ja, quartetto.

— Ну да, свои, батюшка! Не взыщите, какъ умѣемъ.

— Умѣимъ-я. Das ist ouverture?

— За границей не бывали.

— Са граница? Nein, ich hab\ ihm nicht gehört са граница.

— Вы ужъ намъ одни сыграете что нибудь.

— Нибуть-я.

Онисимъ Сергеевичъ чувствовалъ себя въ

крайне затруднительномъ положеніи. Онъ оглядывался по сторонамъ, какбы выбирая мѣсто, куда бы улепетнуть. Пустовцевъ видѣлъ это и хохоталъ безъ церемоній. Владиміръ Петровичъ подошелъ къ артисту и заговорилъ по нѣмецки. Бѣдный чужеземецъ обрадовался такой находкѣ и крѣпко пожималъ руку Софьина.

– Фу, чортъ побери! говорилъ Онисимъ Сергеевичъ:– ажно потъ прошибъ. Да гдѣ это Маша? Нѣтъ, чтобъ отца выручить!

– Чтожь тебѣ все Маша да Маша? сказала Соломонида Егоровна: Елена же тутъ.

– Елена, – ей говорить по нѣмецки только съ тобой да со мной, рѣзко отвѣчалъ Онисимъ Сергѣичъ. Гдѣ ты пропадала? продолжалъ онъ, останавливая Marie, которая несла какія-то поты.

– Я, папа, ходила къ себѣ въ комнату.

– Ходила, за чѣмъ?

– Взять ноты.

– Какія?

– Для пѣнья.

– Чтожь ты пѣть чтоль хочешь?

– Нѣтъ; Владиміръ Петровичъ хочетъ

посмотрѣть...

— То-то посмотрѣть! А тутъ отцу-то по нѣмецкому пришлось было ломаться.

Капачиви сдѣлалъ громкій ритуРНель. Всѣ усьлись по мѣстамъ.

Заѣзжій артистъ, окинувъ торжествующимъ взоромъ всю честную компанію, пріударилъ всей десятерней по несчастной клавиатурѣ, и шумный концертъ Тальберга разлился бурнымъ, стремительнымъ потокомъ. Исполнитель не жалѣлъ себя нисколько; онъ почти дрался съ клавишами, которыя кричали не своимъ голосомъ, точно стадо поросятъ, въ которое ворвался сердитый волкъ. Капачини приподнимался, перегибался то на право, то налѣво, взбрасывалъ длинныя космы свои, переходилъ въ самое несоотвѣтственное прежнему шуму и гаму ріано и опять вырывался съ раздирательными тушами, словно укушенный тарантуломъ. Все общество было очаровано, потому что эти господа иностранные артисты удивительно какъ ловко умѣютъ декорировать свое искусство, и какъ говорится, товаръ лицомъ показать. Можно держать сто противъ одного, что

лучшій изъ нашихъ доморощенныхъ виртуозовъ спасуетъ передъ дюжиннымъ даже джентльменомъ, явившимся къ намъ изъ за моря. Русскій человѣкъ робокъ, недовѣрчивъ къ самому себѣ и шарлатанить не мастеръ, все, что онъ умѣетъ, показываетъ натурой и тревожно ждетъ суда труду и искусству своему, усовершенствованіе котораго уже выше силъ его. Иностранецъ смѣлъ и самонадѣянъ до дерзости; онъ не боится строгаго приговора судей взыскательныхъ, ибо гордо считаетъ ихъ всегда ниже себя, ибо приговоръ этотъ скользитъ лишь по налощенной поверхности его искусства, не задѣвая души, которой иногда тамъ и вовсе не бываетъ. Усовершенствовавъ то, что неизбѣжно требуетъ усовершенія, онъ снова убираетъ свое издѣліе въ нарядную мишуру, "на иншій только манеръ," и опять пускаетъ его въ ходъ, не боясь строгаго приговора взыскательныхъ судей.

— Браво, мусью, браво! Ихъ-данке, ихъ-данке! восклицалъ Онисимъ Сергеевичъ, пожимая руку Капачини. Славно отвалялъ, разбойникъ, чудесно, говорилъ онъ, обращаясь ко всѣмъ вообще.

– А дѣйствительно, артистически, подтвердилъ какой-то лысый и беззубый господинъ съ заискивающею расположенностью усмѣшкою.

– На томъ ужъ стоятъ эти нѣмцы! А какъ это у него тамъ выходитъ... и Онисимъ Сергеевичъ не объяснилъ ужъ, что тамъ такое у него выходитъ, а изъ повертыванья пальцами нельзя было ничего угадать. – Славно, ей-богу, славно! Какъ разъ видно, что нѣмецкая штука, пр о клятый!

– Да, точно-съ, сказалъ тотъ же господинъ, фуроръ производитъ-съ,

– А вотъ, мусью, послушайте-ка, продолжалъ Онисимъ Сергеевичъ, взявъ за руку артиста, который собрался было утереть вспотѣвшій лобъ, – и Елена моя сыграетъ вамъ.

– Елена? Nein, ich spiel nicht.

– Чего тамъ нихтъ? я вамъ говорю, что сыграетъ Елена моя.

– Моя, ја.

– Моя, батюшка, моя! Дочь, дочь моя!

– Тошь, тошь, ја, ја.

– Толкуй тутъ больной съ подлекаремъ!

сказалъ Онисимъ Сергеевичъ съ досадой.,

– Ахъ, папа, какъ же я стану играть? отозвалась Елена.

– Такъ, просто, садись да и играй. Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. Ты только въ контрасть ему, понимаешь, въ контрасть. Онъ барабанилъ на пропалую, а ты что нибудъ эдакъ мелодическое, по тихонечку. Пойдемъ-ка, мусью.

Онисимъ Сергеевичъ взялъ за руку Елену и Капачини и подвелъ ихъ къ фортепяну.

– Сыграю сонату, сказала Елена, обращаясь къ отцу.

– Какую?

– Cis-mol.

– А чортъ ихъ знаетъ эти ваши цисмоли да цедуры! Ты мнѣ скажи: чья она?

– Бетховена.

– Cis-mol, Beethoven? отозвался Капачини. O, das ist gut, das ist sehr gut!

– Именно гуть! Это музыка, батюшка, такая, что пальчики оближешь, ноготочки обгрызешь. Вуй, мусью?

– Ja, ja!

Елена усѣлась. Въ залѣ опять все притихло.

Дивное созданіе Бетховена мало однакожь выиграло отъ игры доморощенной артистки. У насъ, къ несчастію, не достаетъ нѣмецкаго терпѣнія, чтобъ заняться чѣмъ нибудь серьезно. Мы любимъ такъ, чтобъ тяпъ да ляпъ, и вышелъ корабль. Елена играла недурно: но Моцартъ и Бетховень торопливо схватили бы съ пюльпитра безсмертныя творенія свои и крѣпко поссорились бы съ артисткой. Самъ Капачини поминутно стучалъ ногой, выбивая тактъ, который, вѣроятно, теряла Елена. Почтительное безмолвіе благосклонной публики нарушалось иногда нетерпѣливыми возгласами Капачини: forte, piano! Піеса однакожь дошла до конца благополучно. Капачини вѣжливо поклонился раскраснѣвшейся артисткѣ, а вся честная компанія осыпала ее привѣтствіями и благодарностями, въ которыхъ, разумѣется, искренности не было ни на волосъ. Племянничковъ особенно отличился при семъ случаѣ: диктаторскій тонъ и техническіе термины, съ намѣреніемъ пущенные имъ въ дѣло, обратили на него вниманіе самага Капачини, который минуты съ двѣ не спускалъ глазъ съ Племянничкова,

но потомъ улыбнувшись, отошелъ къ незанятому креслу. А Племянничковъ обратился съ панегирикомъ къ Соломонидѣ Егоровнѣ, и, какъ видно, попалъ здѣсь въ тактъ, потому что Соломонида Егоровна улыбалась ему весьма обязательно и чаще обыкновеннаго щурила узенькіе свои глазки, что, къ слову сказать, было, у ней выраженіемъ особеннаго удовольствія.

Въ продолженіи игры Елены, Софьинъ и Marie сидѣли отдѣльно отъ прочихъ, въ менѣе людномъ углу залы. Въ каждомъ движеніи молодой дѣвушки просвѣчивало нетерпѣливое любопытство. Она какъ будто торопила взорами игравшую сестру, и тотчасъ же, по окончаніи піэсы, обратилась къ Софьину.

— Какая досада! Вотъ уже въ другой разъ перебиваютъ рассказъ вашъ. То этотъ Пустовцевъ, то этотъ Капачини, то этотъ противный Бетховень!

— Такъ рассказъ мой занимаетъ васъ? сказалъ Софьинъ.

— Еще бы! Да еслибъ можно было, я увела бы васъ въ кабинетъ маменькинъ, чтобъ ни-

кто не мѣшалъ намъ.

— Благодарю, искренно благодарю васъ, Марья Онисимовна! Я вѣрю вашему непритворному участию, вѣрю душой моей; иначе она не раскрывалась бы предъ вами такъ беззавѣтно.

— Продолжайтежь, на чемъ бишь вы остановились?

— Я дошелъ до той минуты, когда, наслаждаясь всей полнотою счастья, не чаялъ я конца ему. Ахъ, Марья Онисимовна, если приведетъ васъ Богъ когда нибудь найти себѣ друга по сердцу, — большаго счастья я вамъ не желаю. Боюсь даже желать и столько, потому, что его слишкомъ много. Переполненный сосудъ всегда въ опасности пролиться, — а у васъ съ моей незабвенной подругой всего было такъ полно, такъ много, что израсходовать этотъ запасъ мало было двухъ человѣческихъ жизней. А между тѣмъ одна изъ этихъ двухъ жизней — та или другая — непременно должна была остаться грустной свидѣтельницей прожитаго счастья... и осталась.

Владиміръ Петровичъ замолчалъ. Marie на минуту отвернулась въ сторону, и украдкой,

какъ будто поправляя волосы, отерла глаза.

— Все таки, тихо сказала она, вы видѣли на землѣ счастье.

— Право, не знаю, что вамъ сказать на это. Я противорѣчу себѣ въ этомъ случаѣ; вырывается у меня слово о минувшемъ счастье: но въ ту же минуту холодное размышленіе говорить мнѣ, что можетъ быть и я видѣлъ бы счастье, еслибъ оно было на землѣ.

— А развѣ его нѣтъ вовсе?

— Нѣтъ, и быть не можетъ! Васъ удивитъ это, но оно такъ есть. Не стану говорить вамъ о претендентахъ на счастье, условливающихъ его тѣми или другими благами; возьмите вы самага счастливейшаго въ мірѣ человека, который видитъ осуществленіе всѣхъ прекраснѣйшихъ надеждъ и желаній благородной души своей. Снаружи вы назовете его счастливымъ: но я не соглашусь съ вами и скажу, что онъ несчастливъ болѣе другихъ, если пользуется счастьемъ своимъ безсознательно. Всякую минуту неизбѣжно тревожитъ его опасеніе потерять свое счастье; будущность, оставляя ему внѣшнія блага, пугаетъ отнятіемъ тѣхъ благъ, безъ кото-

рыхъ мертва душа его. Марья Онисимовна, счастье ли это?... И вотъ на какихъ счастливецевъ я былъ похожъ въ то время, когда жилъ съ моей незабвенной подругой! Я былъ точъ въ точъ узникъ, который, имѣя всего по горло, съ минуты на минуту ждетъ сѣкиры палача.

– Вы, однакожь, забыли разсказъ вашъ.

– Продолжаю. Но только позвольте мнѣ, Марья Онисимовна, пропустить грустныя страницы постигшаго меня несчастія. Я не въ состояніи описать вамъ мою потерю; иначе она была бы слишкомъ мелка и ограничена, еслибъ могла поддаться моему или чьему-бы то ни было описанію. Довольно того, что я чувствовалъ ее всѣмъ существомъ своимъ, – а это много, слишкомъ много для земнаго горя; я чувствовалъ все это одинъ, – а это опять много, слишкомъ много для одного человѣка!.. Малютка сирота требовалъ моихъ попеченій: но гдѣжь мнѣ было управиться съ нуждами созданія, котораго я еще не научился понимать, если я плохо управлялся съ горемъ и тоской того, кого изучалъ съ самаго рожденія, если я потерялъ умѣнье ходить са-

мъ за собой?..

– Гдѣжь теперъ сынъ вашъ?

– У дѣдушки своего.

– Бѣдняжечка! Какъ бы мнѣ хотѣлось видѣть его!

Въ этихъ простыхъ словахъ была такая нѣжность, какою природа одарила только женщину.

Софьинъ тревожно взглянулъ на нее. Маріе невольно покраснѣла.

– И вамъ нескучно безъ него? сказала она, отвернувшись немного.

– Спросите тѣло, разлучаемое съ душою, – тебѣ не скучно безъ нея? Спросите дикаря, насильно отторгнутаго отъ его вѣчно-зеленѣющейся родины, – тебѣ не скучно безъ нея? Спросите рыбу, вынутую изъ рѣки и брошенную на пылающій отъ зноя берегъ, – тебѣ не скучно безъ нея?.. Ахъ, Марья Онисимовна! Лучшая часть моего существа отлетѣла отъ меня навсегда; радость и утѣшеніе скорбной души моей не при мнѣ! Съ чѣмъ же остался я теперъ, какъ не съ тоской, не съ грустью-давнишней спутницей моей жизни?... Вы задумались, Марья Онисимовна?

– Да, задумалась, а знаете ли о чемъ? О томъ, какъ должно быть любила васъ ваша Надина!

— Никто такъ не любилъ меня и любить
нуже не будетъ! грустно сказалъ Софьи-
нъ.

— Почему вы это знаете? болтнула Marie, и
потомъ уставила на него глаза, какбы сама
испугавшись своей наивности.

— Да, Марья Онисимовна, продолжалъ Со-
фьинъ, какбы не пробуждаясь отъ своей
грустной задумчивости, она любила меня, по-
тому...

— Перестаньте однакожь, перебила Marie;
для васъ тяжелъ этотъ разговоръ.

— Да, это правда. Но такъ тяжело бываетъ
поденьщнку выбрасывать груду камней изъ
своей тачки, съ которою потомъ легко уже
бредеть онъ за новымъ грузомъ.

— Не набирайте жь себѣ, Владиміръ Петро-
вичъ, другаго груза.

— Что вы этимъ хотите сказать? спросилъ
Софьинъ какимъ-то страннымъ голосомъ.

— Вѣрите ли вы моему участию? сказала
Marie, устремивъ на него пылающіе глаза.

— Неужьто я сталь бы наскучать вамъ раз-
сказомъ моимъ, еслибъ во мнѣ было хоть
малѣйшее въ томъ сомнѣніе?

– О, вѣрьте, вѣрьте! Я еще не умѣю притворяться.

– И дай Богъ, чтобъ никогда не приходило къ вамъ это умѣнье!

– Marie! Васъ зоветъ татап, сказала Елена, подошедши къ нимъ.

Софьинъ какъ будто сконфузился при такомъ неожиданномъ позвѣ, а бѣдная Marie совсѣмъ таки растерялась. Она хотѣла сказать что-то сестрѣ, потомъ отдумала, потомъ тревожно поглядѣла вокругъ себя, наконецъ встала, и не взглянувъ на Софьина, пошла за сестрой робкими шагами.

– Нѣтъ, иродова баба, сказалъ въ полголоса Племянничковъ, садясь на мѣсто, покинутое Marie, – ничѣмъ ее не урезонишь! Ужъ я такъ и сякъ, и о музыкѣ и объ аристократіи и сентенціи отпускалъ не хуже семи греческихъ мудрецовъ, – ничто не помогло! Глазъ таки съ васъ не спускала.

– О комъ это вы говорите? сказалъ Владиміръ Петровичъ съ маленькой досадой.

– Да о комъ же другомъ, какъ не о Соломонидѣ? Я, видите ли, къ удовольствію моему, замѣтилъ, что вы, дяденька, забывъ міръ и

прочее, ведете сладостную этакую бесѣду съ Marie. Слава Богу, подумалъ я, начинаемъ оживать. Ну, такъ надобножь отвести кое-кому глаза. Пустовцева Онисимъ Сергеевичъ увелъ въ кабинетъ и усадилъ за карты; опаснѣйшія барыни убрались въ гостиную, — стало быть эти двѣ статьи были очищены. Оставалось похлопотать около самой Соломониды, и вотъ я...

— Что вы плетете! съ неудовольствіемъ сказалъ Софѣинъ, оставляя Племянничкова.

— Вотъ оно какъ! Вотъ какова благодарность — то у людей! Служижь послѣ этого вѣрой и правдой! "О родъ людской, достойный слезъ и смѣха!" А я даже и разказца одного не кончилъ съ мамзель Еленой. Бѣда только мнѣ съ этимъ генераль-басомъ! Просто, коломъ въ горлъ. А эта Елена такъ и сыплеть какими-то дикими фразами. Сего дня же попытаюсь у дяденьки, что за бестія этотъ генераль-басъ? Кто вѣдь знаетъ, можетъ она, изъ подражанія своей мамашѣ, называетъ его генераль-басомъ, а онъ просто поручикъ-басъ. Кто ихъ разберетъ въ самомъ дѣлѣ!

А между тѣмъ артисты дѣлали таки свое

дѣло. Они отваяли еще одинъ квартетъ, за которымъ крѣпко сердилась віолончель, обвиняя собратовъ своихъ въ несоблюденіи такта. Віолончель поминутно кивала головой, стучала обѣими ногами и нарѣзывала смычкомъ съ какимъ-то особеннымъ ожесточеніемъ. За тѣмъ господинъ въ очкахъ пропѣлъ весьма громогласно сцену изъ жизнь за Царя и разохотилъ этимъ другаго господина безъ очковъ прокричать арію изъ Монтеки и Капулетти, гдѣ бѣдный италіанскій языкъ тоже кричалъ отъ нестерпимой пытки. Племянничковъ нѣсколько разъ подходилъ къ фортепяну, пробовалъ клавиши, взялъ даже голосомъ нѣсколько нотъ, въ ожиданіи, авось либо ктонибудь попроситъ и его отличиться въ свою очередь: но охотниковъ не явилось, и Племянничковъ не пѣлъ. Капачини... да ну ихъ совсѣмъ! тутъ дѣло не объ нихъ. Послушаемъ-ка лучше, о чемъ это разговариваетъ Софьинъ съ Соломонидой Егоровной.

— Очень, очень вамъ благодарна, мусье Софьинъ, говорила Соломонида Егоровна голосомъ упрека.

– Какъ прикажете понимать ваши слова?
спрашивалъ изумленный Софьинъ.

– Кажется, я говорю по русски.

– Но и по русски говоря, можно давать
двойкѣй смыслъ своимъ словамъ.

– У меня одинъ смыслъ, какъ и у всякаго!
рѣзко отвѣчала Соломонида Егоровна, и стала
смотреть въ противную сторону.

– Что это такое? думалъ Софьинъ. –
Надѣюсь, Соломомонида Егоровна, что вы
не оставите меня въ такомъ непріятномъ
недоуменіи, сказалъ онъ.

– Почемужъ непріятномъ?

– Вы, кажется, собираетесь дѣлать мнѣ
какіе-то выговоры, тогда какъ я вовсе не по-
нимаю, чѣмъ заслужилъ ихъ.

– Чѣмъ, еще спрашиваете, чѣмъ!

– Будьте жъ такъ добры, укажите, чѣмъ я
виновать?

– Какъ же вы не замѣчаете, мусье Софьи-
нъ, тихо сказала Соломонида Егоровна, дру-
желюбно наклонясь къ нему, что на васъ всѣ
обращаютъ вниманіе?

– На меня?

– На васъ, когда вы изволите разговари-

вать съ Marie.

– Такъ чтожь такое?

– Вы не ребенокъ, и должны это понимать.

– Потому-то я я не нахожу тутъ ничего страннаго и удивительнаго, что я не ребенокъ и даже не осмнадцатилѣтній юноша, а человекъ, имѣющій и по лѣтамъ моимъ, и по званію и наконецъ по моимъ обстоятельствамъ, нѣкоторое право на большую противъ другихъ короткость съ такой молоденькой дѣвицей, какъ дочь ваша. Покрайней мѣрѣ я такъ понимаю.

– Вы, можетъ быть; но другіе могутъ подумать другое.

– Чтожь они могутъ подумать? – съ ума сошла баба! сказалъ про себя Софьинъ.

– Оставимте это. Только пожалуста не разговаривайте такъ часто и такъ много съ Marie.

– Соломонида Егоровна! сказалъ Софьинъ обиженнымъ тономъ. Я нахожу себя вынужденнымъ предупредить васъ...

– Владиміръ Петровичъ! громко сказалъ Племянничковъ, подходя къ нему съ Еленой. Вы знаете генераль-басъ?

– Очень мало, отрывисто отвѣчалъ Софѣинъ.

– А что, не говорилъ я, Елена Онисимовна?

– Какъ же это вы сочинять можете? спросила Елена.

– Кто это вамъ сказалъ? я не сочиняю.

– Рассказывайте! Не сочиняетъ! подхвати-
лъ Племянничковъ. А вотъ это... какъ оно...
въ родѣ "Громъ побѣды раздавайся"...

Соломонида Егоровна встала и вышла изъ
залы.

– Какіе вы, Ѳедоръ Степанычъ! съ
неудовольствіемъ сказалъ Софѣинъ. Не
вѣрьте ему, Елена Онисимовна, прибавилъ
онъ, принужденно улыбаясь.

– Вотъ еще не вѣрьте! А "прощаніе съ зем-
лею", что любила покойница, а "Не весна то-
гда", а "Кукушка", а...

– Ахъ, сдѣлайте для меня одолженіе, сказа-
ла Елена, пропойте "Прощаніе съ землею"!
Должно быть прехорошенькій романсъ.

– Премиленькій! подтвердилъ Племяннич-
ковъ.

– Да кто жъ вамъ сказалъ, что онъ мой?
сказалъ Софѣинъ, обращаясь къ Племяннич-

КОВУ.

– А чей же?

– Шуберта, съ досадою отвѣчалъ Софѣинъ.

– Да, точно Шуберта, точно, точно; тамъ только слова ваши.

– Однажожъ споете?

– Споетъ, непременно споетъ! за это ужъ я берусь! подхватилъ Племянничковъ.

Владиміръ Петровичъ поморщился отъ досады.

– Извините, Елена Онисимовна, не теперь, а когда нибудь въ другое время.

– Даете слово?

– Даю.

Племянничковъ и Елена отошли. Софѣинъ сталъ отыскивать по окнамъ свою шляпу.

– Куда-куда? завопилъ Онисимъ Сергеевичъ, показавшись изъ кабинета.

– Что-то нездоровится, Онисимъ Сергеевичъ.

– Пустяки! что тамъ у васъ? Выпейте березовки. Вотъ я сейчасъ... Только съ аптеками не связывайтесь; будь онъ прокляты! Начиниваютъ насъ всякими гадостями да порошками, будто мы мелкокостная нѣмецкая натура.

Полноте жъ! Поставьте шляпу-то! Маша, не пускай Владиміра Петровича!

– Онисимъ Сергеевичъ! громко крикнула Соломонида Егоровна.

– Ну, что тебѣ?

Соломонида Егоровна, сидѣвшая въ креслѣ, притянула его къ себѣ за петлю фрака и стала говорить что-то шопотомъ. Онисимъ Сергеевичъ, согнувшись въ дугу, слушалъ, поглядывая изъ подлобья въ сторону.

– Глупости! сказалъ онъ потомъ, отводя руку жены. Чортъ знаетъ что такое лезетъ тебѣ въ голову! Пусти-ка, мнѣ некогда. Тамъ ждать будутъ.

И Онисимъ Сергеевичъ проворно пошелъ въ кабинетъ къ оставленному имъ карточному столику.

– Маша! сказалъ онъ, проходя мимо ея: говорю, не пускай Владиміра Петровича.

Магіе взглянула на мать: но Соломонида Егоровна сидѣла, отворотясь. Дѣлать нечего: приказаніе папеньки должно было исполнить безъ согласія маменьки. Магіе подошла къ Софѣину.

– Куда вы, Владиміръ Петровичъ?

– Что мнѣ сказать вамъ?

– Ничего, проговорила она быстро; я все знаю; будемте ходить.

Софьянъ, наклонивъ голову и заложивъ руки за спину, пошелъ рядомъ съ Marie. За ними неумоимо слѣдилъ подозрительный глазъ Соломонидц Егоровны, а въ гостиной двѣ барыни – обѣ страшныя сплетницы – перекинувшись знаменательнымъ взглядомъ, подвинулись одна къ другой поближе, и вступили, какъ замѣтно, въ горячій споръ, взглядывая по временамъ въ залу черезъ растворенныя двери.

– Не смотрите такимъ Байрономъ, сказала Marie, не поворотивъ головы.

Владиміръ засмѣялся.

– Вотъ этакъ лучше, сказала Marie. Однако, позвольте узнать, что вы нашли смѣшнаго въ моихъ словахъ?

– Въ вашихъ словахъ ничего нѣтъ смѣшнаго: но мое теперешнее положеніе крайне смѣшно.

– Почему такъ?

– Долго объяснять.

– До ужина кончимъ.

– Не стоить.

– Вы невѣжливы.

– Согласенъ.

– Я васъ прошу.

– А если я откажу?

– Мнѣ?

– А почемужъ не вамъ? Почемужъ другому кому нибудь я могу отказать, а вамъ нѣтъ?

– Потому, что другому кому нибудь ничего за васъ не досталось, а мнѣ досталось.

– Марья Онисимовна! Вы самое милое, невинное дитя! смѣясь сказалъ Софьинъ.

– Ого! да вы, милостивый государь, еще и дерзки!

– Если только чистая, святая правда въ глазахъ вашихъ можетъ быть дерзостью...

– И вашихъ комплиментовъ и названія дитятей я не принимаю на свой счетъ.

– Какъ вамъ угодно.

Они продолжали ходить молча. Черезъ минуту Софьинъ опять засмѣялся.

– Послушайте, Владиміръ Петровичъ, это ужъ досадно! Что вы тутъ находите смѣшнаго?

– Не обижайтесь, Марья Онисимовна. Я

смѣюсь про себя и надъ собой.

– При дамѣ-то, господинъ кавалеръ?

– При дамѣ.

– Хорошо это?

– Очень хорошо. Безъ этой дамы я не припомнилъ бы давно забытаго.

– Значить, забытое вами такъ смѣшно?

– Оно не было смѣшно въ свою пору.

– А теперъ?

– А теперъ, когда голова моя посѣдѣла, когда я давно ужъ началъ считать себѣ четвертый десятокъ лѣтъ, оно дѣйствительно смѣшно.

Marie сѣла. Софьинъ остановился противъ нея.

– А вы отъ чегожь не садитесь?

– Марья Онисимовна! Мнѣ жаль васъ.

– Э, семь бѣдъ – одинъ отвѣтъ! Садитесь.

Софьинъ сѣлъ. Съ минуту они молчали. Соломонида Егоровна, наблюдавшая за ними, нетерпѣливо встала и поспѣшно пошла въ кабинетъ.

– Скажите, что вамъ за охота прикидываться старикомъ? сказала Marie.

– Старикомъ я не прикидываюсь, но и мо-

лодымъ себя не называю.

– Есть старше васъ.

– Чтожь изъ этого?

– Изъ этого... то, что вы сегодня несносны!

Владиміръ Петровичъ засмѣялся. Marie вскочила съ кресла и отошла прочь.

– Ну, гдѣжь они вмѣстѣ? сказалъ Онисимъ Сергеевичъ, выходя изъ кабинета съ Соломонидой Егоровной. Эка, бабѣ-то не сидится! Да что они дрались чтоль, аль обнимались?

– Фу, Онисимъ, ты ужасъ какой mauvais genre! сказала Соломонида Егоровна, опередивъ его и направляясь къ оставленному ею креслу.

– Ну, что, Владимиръ Петровичъ, говорилъ Небѣда, подходя къ нему, – уговорила васъ Маша?

– Объ этомъ, кажется, у насъ и рѣчи не было.

– О чемъ же вы толковали съ ней?

– Да что они меня сегодня пытаются! подумалъ Софѣинъ. Признаться, Онисимъ Сергеевичъ, сказалъ онъ, я не могу отдать вамъ отчета въ этомъ. Впрочемъ, можете сами вообразить, о чемъ можетъ говорить пожилой, по-

чти съдоголовый мужчина съ молоденькой дѣвочкой.

— Эге! Вотъ ужъ этого не говорите! Неравно подслушаетъ Маша, дастъ она вамъ дѣвочку! Ну, а боль ваша прошла?

— Да, какъ будто полегче, проговорилъ Софьинъ сквозь зубы.

— А на ночь, говорю вами, выпейте березовки; какъ рукой сниметь.

— Онисимъ Сергеевичъ! слышался изъ кабинета голосъ Пустовцева.

— Сейчасъ, сейчасъ! крикнулъ Небѣда. Смотритежъ, не уходите; сиракузскаго выпьемъ.

Выпили и сиракузскаго, поужинали артистически и обременили карманы своя билетами на будущій концертъ длинноволосаго артиста.

Конецъ музыкальному вечеру Онисима Сергеевича.

Долго еще свѣтился огонекъ въ одинокой квартирѣ Софьина. Наклонивъ голову, сидѣлъ онъ у письменнаго стола, выводя перомъ какія-то каракули; по лицу его пробѣгала то досада, то какая-то насмѣшливая улыбка, то

наконецъ хмурилось оно отъ серьезной думы...

Глава шестая

— Что это, Ѳедоръ Степанычъ, не видать ни одного изъ вашихъ пріятелей? говорилъ господинъ, съ владиміромъ въ петлицѣ, покупая апельсины у смазливой торговли.

— А кого угодно вамъ видѣть? спросилъ Племянничковъ, вѣжливо кланяясь ихъ милости.

— Бѣликовъ, напримѣръ?

— Давно въ деревнѣ. Онъ получилъ извѣстіе о смерти отца и уѣхалъ устроиться по хозяйству.

— Такъ, а Софѣинъ? Вотъ ужъ никакъ полгода, какъ онъ сгинулъ да пропалъ.

— Полгода не полгода, а мѣсяцевъ пять будетъ.

— Чтожь это онъ?

— Такъ, ничего; сидитъ себѣ да посиживаетъ.

— Да ужъ ни пустился ли онъ въ сочинительство?

— Нѣтъ, такого грѣха я за нимъ не примѣтилъ.

— То-то, глядите! Съ тоски вѣдь пожалуй от-
важишься и Богъ знаетъ на какія глупости.
Поклонитесь однакожь ему отъ меня, когда
прилучится увидѣть.

Софьинъ дѣйствительно опять заперся до-
ма, какъ сурокъ въ своей норѣ. Онъ упорно
отказывался отъ всѣхъ приглашеній, и кон-
чилъ тѣмъ, что его никуда не стали пригла-
шать. Все свободное отъ службы время онъ
проводилъ за чтеніемъ разныхъ разностей.
Только Племянничковъ, имѣвшій невозбран-
ный доступъ къ Софьину, нарушалъ его
уединеніе, являясь въ иную пору гостемъ ху-
же лихаго татарина.

Въ одно утро, когда Софьинъ сидѣлъ, по-
груженный въ расчеты по акціямъ на
желѣзную дорогу, въ прихожей послышался
громкій хохоть Племянничкова. Владиміръ
Петровичъ съ неудовольствіемъ приподнялъ
голову и увидѣлъ повѣсу, торжественно вхо-
дившаго съ исписаннымъ клочкомъ бумаги.

— Ахъ, дяденька, вскричалъ Племянничко-
въ, помирая со смѣху. Что это за сокровище
вашъ Никита!

— Что тамъ такое?

– Литераторъ, бестія! Руссо въ своей Элоизой можетъ спрятаться подъ лавку; ей богу, правда!

– Да что такое?

– Изволите видѣть: вхожу я въ прихожую, – ни души; гляжу, на столѣ вотъ это рукописаніе. Mon Dieu! Воззваніе съ вопросительнымъ знакомъ обратило мое вниманіе, я пробѣжалъ строчку... но позвольте, я прочитаю вамъ все.

– Вѣрно, ужъ вздоръ какой нибудь.

– А вотъ увидите! говорилъ Племянничковъ, пробѣгая глазами исписанный клочокъ для того, чтобъ ужъ послѣ не останавливаться при чтеніи.

– И охота вамъ таскаться по переднимъ за такую дрянью!

– Помилуйте, дяденька, да безъ этого чтожь бы такое была теперь наша литература и особенно беллетристика? Гдѣ же и натура-то, если не въ переднихъ и не на заднихъ дворахъ?

– Ого!

– А такъ-съ. Но – вниманіе! провозгласилъ Племянничковъ, поднявъ руку.

Онъ началъ читать.

...

— К^{то?} — Киця. Ну, Кики, Катишь, Катерина; да не перебивайте, пожалуста!

... Это ужь, дяденька, на вашъ счетъ.
— Изорвите эту гадость!

— Нѣтъ, ужь позвольте положить сіе рукописаніе на свое мѣсто; оно непременно должно дойти по адресу. Я на эти вещи смотрю съ философской точки; лакей, который пишетъ такія чувствительныя вещи, долженъ быть похвальнаго поведенія, то есть, чисто одѣваться, не пьянствовать, не вор... впрочемъ, если и случится ему чтонибудь подтибрить, то отъ чистаго сердца и единственно изъ желанія подарить предметъ своей страсти. Вотъ я такъ никакъ не устрою на этотъ ладъ моего Пимку; вѣчно съ разорваннымъ локтемъ и подбитымъ скуломъ, по неосторожности.

Племянничковъ вышелъ въ прихожую и тотчасъ опять воротился къ Софьинѣ, но уже безъ письма.

— Ну-съ, теперь пожалуйста сигарочку за труды.

Взявъ сигару, Племянничковъ повалился въ кресло и вздохнулъ, какъ будто послѣ усиленныхъ занятій.

– Откудажъ вы теперь, Ѳедоръ Степановичъ?

– Кто я? кто бишь это говорить гдѣ-то: "обыдохъ вселенную и се азъ!"

– Да что вы, все рыскаете по городу безъ всякаго дѣла?

– Господи Боже мой! Не грѣхъ ли вамъ говорить это, дяденька? Я рыскаю безъ дѣла – да помилуйте, вздохнуть некогда! Не успѣешь побриться, надо ѣхать... или то бишь, идти, потому что я съ нѣкотораго времени, для вяшчаго моціона, пѣшешествую, по милости подлеца Павлушки: не вѣрить каналья... да-съ, такъ надобно идти посмотрѣть, все ли въ порядкѣ на улицахъ, заглянуть въ модные магазины, потомъ завернуть на часокъ къ комунибудь изъ смертныхъ, близкихъ ко мнѣ, какъ вы, напримѣръ, дяденька...

– Такъ, да нуждаются ли они въ васъ?

– Что мнѣ за дѣло? Я въ нихъ нуждаюсь. Продолжаю впрочемъ. Далѣе наступаетъ пора визитовъ, ну, и пошелъ съ двора на дворъ; глядишь, не тамъ, такъ въ другомъ мѣстѣ просятъ остаться на обѣдъ; послѣ обѣда благо-разумное занятіе или въ преферансъ, или въ

ералашъ, или въ ломберъ, а тамъ – глядь – и вечеръ. Опять новыя хлопоты: надо быть и тамъ и тамъ, словомъ вездѣ; ну, вотъ вамъ и день весь! Устанешь, какъ почтовая лошадь, "и въ постелю жесткую, какъ въ могилу кинешься." Послѣднее онъ даже пропѣлъ.

– Дѣйствительно.

– На другой день опять таже исторія.

– И на третій таже?

– Само собою.

– А конецъ-то гдѣже?

– Въ вѣчности! трагически произнесъ Племянничковъ, поднявъ руку.

– Славно вы готовитесь къ ней!

– А разумѣется. Чегожь вамъ еще? Служу вѣрой и правдой общественнымъ пользамъ.

– Чѣмъ это?

– Какъ вы тути, дяденька, въ понятіяхъ-то! Чѣмъ, – а кто же разноситъ новости, такимъ воловьимъ шагомъ разгуливающія по городу? Кто сообщаетъ прекрасной и даже не прекрасной половинѣ рода человѣческаго вѣсти о вновь прибывшемъ транспортѣ парижскихъ цвѣтовъ и варшавскихъ шляпокъ? Кто является необходимымъ третьимъ для закон-

ной партіи въ подкаретный преферансъ?
Кто...

– Ну, довольно, довольно!

– То-тожь и есть-то! Сами вотъ теперь
убѣдились, дяденька, что мы не даромъ зем-
лю бременимъ.

– Да, я убѣдился только въ томъ, что вы ка-
къ-то умѣете жить, ничего не дѣлая.

– А вы что дѣлаете, позвольте васъ спро-
сить! Воображеніями занимаетесь? Развѣ луч-
ше засѣсть дова, и... того... Что это у васъ за
книга? сказалъ Племянничковъ, схвативъ
Дневникъ Софьина.

– Оставьте, Ѳедоръ Степанычъ.

– Позвольте, глазкомъ лишь взгляну.

– Оставьте же, говорю вамъ, сказалъ Со-
фьинъ, потянувшись взять изъ рукъ Племян-
ничкова Дневникъ свой, но неутомонный
повѣса, поднявъ книгу надъ головой, зачи-
талъ вслухъ: "Сердце человѣческое – глубокой
колодезь. Не изсякаетъ въ колодезь вода,
скольcobъ вы ни брали ее; не исчезаетъ и въ
сердцѣ потребность любви, хотя бы...

Софьинъ въ неудовольствіи опустилсѣ въ
кресло.

– Дальше и читать нечего, сказалъ Племянничковъ, кладя книгу на столъ. Понятно, къ чему оно клонится.

Софьинъ молчалъ.

– Ну, не сердитесь же, дяденька; вѣдь вы меня знаете – на все про все секретъ. Только вотъ что: для ради какой причины вы забыли Небѣдовъ?

– Такъ.

– Хорошъ отвѣтъ!

– Гдѣжь взять лучше?

– Ну, да хоть въ этой мелко исписанной книгѣ: сердце – глубокой колодезь, чѣмъ больше изъ него черпаютъ, тѣмъ... сердцу легче... или нѣтъ, какъ-то не такъ...

Софьинъ съ досадой сталъ барабанить пальцами по ручкѣ кресла.

– Послушайте, дяденька, я вижу съ вами надо говорить, какъ отцу съ сыномъ. Ну что вы въ самомъ дѣлѣ? Ну какъ это можно? Ну на что это похоже?

– Да что вы пристали ко мнѣ? сказалъ Софьинъ, невольно разсмѣявшись.

– Какъ что! Помилуйте! Сердце-то человѣческое не котлетка изъ картофелю,

сказаль какой-то нѣмецкій философъ.

– Что вы плетете!

– Ей-богу такъ! Оно, точно, по русски выходитъ глупо, а по нѣмецки очень хорошо. Это ужь всегда такъ у нѣмцевъ.

– Къ чему все это?

– Позвольте-съ. У насъ дѣло шло о сердцѣ, – да-съ. Оно у васъ разшевелилось было, а вы опять положили его подъ прессъ вашихъ вѣчныхъ думъ и думокъ.

– Чтожь дѣлать Ѳедоръ Степановичъ, ужь, видно, такова моя натура.

– И, полноте, не гнѣвите Бога!

– А вы давно были у Небѣдовъ? спросиль Софьинъ, потянувшись за сигаркой въ противную отъ Племянничкова сторону.

– Да какъ бы это сказать, – вчера въ полдень да вчера вечеромъ.

– Чтожь они, какъ?

– Да все также, по прежнему: съ Еленой о музыкѣ, съ Соломонида объ аристократіи, съ Магіе... ахъ, да вѣдь я и забыль сообщить вамъ новость.

Владиміръ Петровичъ подняль голову.

– Вы теперь не угадаете ее, сказалъ Пле-

МЯННИЧКОВЪ.

– Кого?

– Marie.

– А что такое?

– Такія залетныя понятія, просто... какъ бишь это по иностранному-то... femme émançipèe, что ли.

– Что съ ней сдѣлалось? сказалъ Софьинъ съ хладнокровіемъ, плохо прикрывавшимъ возбужденное любопытство.

– Тамъ теперь всякій день Пустовцевъ.

– Ну, такъ чтожь изъ этого?

– Вы хорошо, дяденька, познакомились съ нимъ?

– Да, человекъ порядочный.

– Сядетъ онъ вамъ на шею.

– Мнѣ?

– Да, вамъ-съ.

– А мнѣ что до него?

– Да ужь не секретничайте. Впрочемъ некого винить; сами виноваты, дяденька! Нужножь было засѣсть сиднемъ, и глазъ не показывать. Вотъ теперь и возитесь!

– Съ кѣмъ?

– Съ Marie.

– А что мнѣ до нея?

– Какъ что? Да развѣ я не замѣтилъ?

– Что вы тамъ замѣтили! съ досадою сказалъ Софѣинъ.

– А ужь что бы ни замѣтилъ, да замѣтилъ. Право, дяденька, худо вы сдѣлали. Куй желѣзо, пока горячо; остынетъ, опять придется разваривать. А послѣ такой закалки, какую дѣлаетъ Пустовцевъ, гляди, что вашему-то молоту и не поддастся этотъ матеріаль.

– Я не хочу и братья за это.

– Не хотите?

– Не хочу.

– Ну, такъ я возьмусь. Воля ваша, а мнѣ этотъ Пустовцевъ какъ-то не нравится. Такая противная рожа! А эта самонадѣянность, эти дерзкія выходки, прикрываемыя знаніемъ свѣта, который, кажется, видѣлъ онъ въ подворотню своей школы, эти правила, которыхъ бы самъ чортъ испугался – страхъ какъ мутятъ мою душу. Право, дяденька, очень не дурно было бы, еслибъ вы стали поперекъ этому лохматому чародѣю и показали бы всѣмъ, кто онъ и что и какъ. Я, признаться, боюсь братья за это дѣло; пороху-то у меня

черезчуръ пересыпано; того гляди, вспыхну,
и тогда прощай благоразуміе!

– Да чтожь тамъ такое?

– А вотъ что: Пустовцевъ по наполеоновски, знаете, миновавъ всѣ крѣпости, прямо ударилъ на главный пунктъ операціонной линіи.

– Говорите, пожалуста, безъ иносказанія!

– Можно-съ, почемуже. Онъ, изволите видѣть, обратился къ самой Marie, и замѣтивъ, что она головкой-то слабенька, давай надувать ей въ уши свои эксцентрическія правила.

– Ну!

– Ну, ея благоразуміе – то и простудилось,

– Опять иносказанія!

– Да что съ вами, дяденька? Вы съ нѣкотораго времени рѣшительно отказываетесь понимать мой фигурный языкъ.

– А скоро вы поѣдете или пойдете?

– Вотъ это мнѣ нравится! Да развѣ можно тамъ выпроваживать гостей?

– Можно; мнѣ нужно кой-чѣмъ заняться.

– А если я разгнѣваюсь?

– Не надѣюсь.

– То-то и есть-то! Ну хорошо, до свиданья, дяденька! А парочку сигарочекъ ужъ позволите ради запасу... Ахъ, чуть было не забылъ! Не оставилъ ли я у васъ какъ нибудь моего бумажника? Тамъ было рублей съ десятокъ. Пожалуй, дяденька, бумажникъ-то оставьте у себя, а деньжонки-то ужъ пожалуйте.

Софьинъ не могъ воздержаться отъ улыбки при такой манерѣ выпрашивать въ долгъ, безъ отдачи.

– Да куда вы дѣваете деньги? сказалъ онъ, доставая бумажникъ. Давно ли вы показывали мнѣ съ полдюжины радужныхъ?

– Увы, *labitur omne, суета суетствій!* Нем а , дяденька. Кредиторы, анаемы, все выточили. А что оставалось, – ну, туда сюда, я ничего не осталось.

– Эхъ, какой же вы! Ну вотъ вамъ ваши деньги. Только пожалуста, не забывайте впредь у меня ни вашего кошелька, ни бумажника.

– Не могу дать вѣрнаго слова. Ахъ, произнесъ Племянничковъ трагически, до чего доводитъ челоуѣка разсѣянность! Вмѣсто двухъ захватилъ четыре сигары!.. До свиданья же,

дяденька! Покорнѣйше благодаримъ-съ.

И напѣвая какой-то водевильный куплетъ, Племянничковъ вышелъ.

Оставшись одинъ, Софьинъ долго ходилъ большими шагами, оттолкнувъ съ досады кресло, выдвинувшееся на средину, безъ всякаго дурнаго умысла. Потомъ онъ остановился у окна, заложивъ руки за спину. Громкій стукъ проѣзжавшихъ дрожекъ обратилъ его вниманіе. Укутанный съ изысканной небрежностью въ щегольскую альмавиву, и положивъ ноги на крылья дрожекъ, сидѣлъ или вѣрнѣе лежалъ Пустовцевъ и насмѣшливо глядѣлъ на окна квартиры Софьина. Лицо его зардѣлось яркимъ румянцемъ; онъ съ рѣшительнымъ видомъ кликнулъ Никиту и велѣлъ закладывать лошадей.

— Bon jour; мусье Софьямъ, проговорила мадамъ Небѣда, граціозно протягивая руку. Вы совсѣмъ забыли насъ. Можно ли это? Въ ваши лѣта жить такимъ отшельникомъ непростительно.

— Склоняю передъ вами мою повинную голову, отвѣчалъ Софьинъ, официально улыбаясь.

– Вы, говорятъ, имѣете престранную привычку, вдругъ ни съ того ни съ сего покидать вашихъ знакомыхъ, и иногда по полугоду не заглядывать къ нимъ.

– Точно, въ характерѣ моемъ есть такая странность.

– Надобно "сокращать свой характеръ", важно замѣтила Соломонида Егоровна.

– Впрочемъ мои добрые знакомые не въ претензіи на меня за то. Они снисходительны къ подобнаго рода капризамъ больной, разстроенной моей души.

– Ахъ, мусье Софьинъ, неужто вы такъ мало владѣете собой?

Софьинъ устремилъ на нее вопрошающій взглядъ, рѣшительно не понимая, къ чему сдѣланъ ею такой вопросъ. Соломонида Егоровна расхохоталась. Владиміръ Петровичъ, неизвѣстно почему, осмотрѣлся кругомъ.

– Я вижу, продолжала Соломонида Егоровна, что вы меня не поняли. Вотъ что значитъ, позвольте вамъ замѣтить, удалиться отъ общества! Вы уже отвыкли отъ языка насъ бѣдныхъ смертныхъ.

– Что вы хотите сказать этимъ, Соломо-

нида Егоровна? Въмѣсто отвѣта, мадамъ Небѣда снова расхохоталась. Положеніе Софьяна становилось часъ отъ часу хуже и нестерпимѣе.

— Перемѣните разговоръ, сказала Соломонида Егоровна, задыхаясь отъ смѣха.

Софѣинъ поправилъ на головѣ волосы и непримѣтно потеръ себѣ лобъ.

— Чтожъ новенькаго? сказала мадамъ Небѣда, прищуривъ глаза.

— Вы сами же изволили назвать меня отшельникомъ, такъ какія же могутъ быть новости у отшельника?

— Значить, вы на меня рассчитываете? Напрасно.

— И не думалъ. Я бываю у моихъ добрыхъ знакомыхъ не изъ любопытства, и совсѣмъ не для того, чтобъ выспрашивать городскія новости.

Въ тонѣ, какимъ произнесены были эти слова, слышалась худо скрываемая досада. Нельзя было не замѣтить, что все сказанное мадамъ Небѣдой было результатомъ какихъ-то сплетней и наговоровъ, и что, какъ видно, кто-то сильно постарался на счетъ Со-

Фьина.

– Матап, матап! прозвучаль крикливый голосъ Жоржа: не удастся, хотъ тресни! продолжалъ онъ, прыгая на одной ногѣ съ какой-то бумагой въ рукѣ.

– Ou' est que vous faites? жеманно спросила маменька.

– Кесь-кеву, кесь-кеву! Нашъ попка въ Петербургѣ выговариваль гораздо лучше... а, bon jour! сказалъ онъ, увидавъ Софьина и небрежно протягивая ему руку: гдѣ это вы пропадали?

– Жоржъ! вы забываетесь! сказала мамаша съ нѣжной строгостью.

– Вообразите, monsieur Софьинъ, продолжалъ Жоржъ, не обративъ никакого вниманія на замѣчаніе своей мамы, – какъ ни билась Marie, не выходитъ!

Онъ поднесъ бумагу къ самому носу Софьина.

– Угадайте, кто это?

Софьинъ взглянулъ на подставленный ему листокъ. Тамъ была набросана карандашомъ какая-то рожа, и видно было по всему, что художникъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о

живописи, а натужилъ свое воображеніе, схватывая нѣкоторыя, рельефно выдававшіяся черты чьей-то фізіономіи.

– Ну, угадываете чтоль?

– Пѣтъ, не угадываю, холодно отвѣчалъ Софьинъ, отстраняя рисунокъ.

– Какъ же не угадать? Ну, смотрите!

Онъ перекинулъ черезъ руку Софьина, которою отстранялъ онъ отъ себя неутомоннаго Жорженьку, рисунокъ, и приблизилъ его ни этотъ разъ ужъ такъ близко къ носу Софьина, что тотъ подался назадъ и покраснѣлъ съ досады.

– Онисима Сергеевича нѣту-съ? сказалъ онъ, уклоняясь отъ Жоржа и обращая рѣчь къ Соломонидѣ Егоровнѣ.

– Да что у тебя тамъ такое, моншеръ?

– Да ты-то, кесъ-кеву, угадаешь; мнѣ хочется, чтобъ вотъ они.

– Ну-ка, ну, покажи, сказала маменька, нѣжно улыбаясь.

– Дай грошъ! сказалъ Жорженька, прижавъ бумагу къ груди и подбѣгая къ мамашѣ на одной ножкѣ.

– Дамъ, дамъ, шалунишка.

– Дамъ, дамъ, – гдѣжь ты его возьмешь? Гроша вѣдь нѣту, а есть двѣ копейки.

– Проказникъ! нѣжно сказала маменька, обращаясь къ гостю. Вотъ таковъ онъ всегда у меня! Пребыстрое дитя!

Жоржъ подалъ ей рисунокъ

– Ужь не Пустовцевъ ли это? спросила Соломонида Егоровна.

– А есть сходство?

– Есть, особенно въ прическѣ.

– Ну, нашла въ чемъ! Да Пустовцевъ отъ роду не носилъ никакой прически. Онъ даже и расчесывается собственной пятерней. А угадайте, мусье Софьинъ, кто рисоваль?

– Жоржъ! подхватила Соломонида Егоровна, желая остановить его.

– Ну, что? Развѣ нельзя сказать? А вотъ скажу же: Marie. Да нечего крутить головой-то, нечего!

Софьинъ улыбнулся; но что было въ этой улыбке, опредѣлить трудно. Можетъ, онъ улыбнулся настойчивости дерзкаго мальчишки, можетъ, нѣжной слабости матеря, а можетъ быть... впрочемъ трудно сказать, чему онъ улыбнулся. Но горько-насмѣшлива была

эта улыбка...

– Вотъ, батенька, продолжалъ Жоржъ, какъ у насъ занимаются-то! Не одѣваемся до полудня, и цѣлыя утра просиживаемъ да сочиняемъ портреты, – ей-богу! Пожалуй, срисуемъ и васъ, только съ преогромнымъ носомъ. Да, батенька! Marie написала Пустовцева и въ мундиръ, нарисовала и во фракъ, и въ пальто, и въ дрожкахъ, и верхомъ, и въ профиль и en face, – да-съ; она говоритъ, что занимается этимъ сon amore, какъ настоящая художница. Вотъ у насъ какъ!

Соломонида Егоровна сидѣла, какъ на иголкахъ, находя себя въ полной невозможности остановить безпощадную болтовню неугомоннаго негодяя. Софьинъ тоже выискивалъ случай, какъ бы откланяться такой честной компаніи и въ душъ проклиналъ себя и свой неудачный выѣздъ. Въ гостиную вошла Елена, – и странно! въ движеніяхъ ея Софьинъ не замѣтилъ ни прежняго фанфаронства, ни оскорбительной небрежности. Напротивъ, Елена показалось ему какъ будто скромнѣе и тише.

– Bonjour, monsieur Софьинъ, сказала она,

черезчуръ вѣжливо, подавая руку. Какъ долго мы лишены были удовольствія васъ видѣть! Не спрашиваю о причинахъ. Ваши потери такъ велики, вашъ постъ такъ важенъ, ваши занятія такъ многосложны и разнообразны, что нѣтъ мудренаго, если вы чуждаетесь свѣта.

Софьинъ не могъ не замѣтить, что и эта тирада хорошо подготовлена. — Благодарю васъ, Елена Онисимовна, отвѣчалъ онъ, за такое высокое понятіе обо мнѣ и о моихъ занятіяхъ; но дѣло объясняется проще, я иногда хандрю, и потому прячусь отъ людей съ моей кислой физиономіей.

— **Н**авѣрно, пишете что нибудь?
— Нѣтъ-съ, не пишу, а только по-
правляю да подписываю доклады, которые
подаетъ мнѣ секретарь.

— Ахъ, какая проза!

— Могу васъ увѣрить, что въ жизни она
нужнѣе всякой поэзіи.

— Вы ли это говорите, monsieur Софѣинъ?

— А почемужъ бы именно мнѣ не говорить
этого?

— Вы поэтъ въ душѣ.

— Э, Боже мой, кто изъ насъ не поэтъ въ
душѣ, и еще въ молодости?

— Но я имѣла удовольствіе читать
произведенія вашего пера.

— Прибавьте, дурно очиненнаго. Это, Елена
Онисимовна, грѣхъ юности и невѣдѣнія мое-
го, о которомъ мнѣ и вспомнить непріятно,

— Какая скромность! Извините однакожъ,
если я вамъ не повѣрю... Впрочемъ, скром-
ность прилична генію.

— Извините и меня, Елена Онисимовна, ес-
ли я ваши слова приму за насмѣшку.

— Елена моя, подхватила Соломонида Его-
ровна, умѣетъ держать себя въ какомъ хотите

обществѣ, и насмѣшекъ себѣ не позволяетъ.

Такая неумѣстная, грубая и мѣщанская выходка барыни привела въ смущеніе даже Елену; а о Софьинѣ и говорить нечего. Онъ едва удержался отъ рѣзкаго отвѣта, и потупивъ голову, скрылъ такимъ образомъ поблѣднѣвшее отъ гнѣва лицо.

— Такъ вы отказываетесь отъ гениальности? сказала Елена.

Софьинъ взглянулъ на свою собесѣдницу, думая прочесть въ глазахъ ея дѣйствительно злую насмѣшку; но вмѣсто того встрѣтилъ умоляющій взглядъ, которымъ дочь понятно вымаливала прощеніе своей тупоголовой матери.

— Я былъ бы, отвѣчалъ онъ, слишкомъ глупъ, чтобъ почитать себя за какой нибудь даже талантъ, не только что за гения.

— Позвольтежь вамъ сказать, что вы несправедливы къ себѣ; ваши стихи....

— Хи, хи, хи, прокричалъ Жорженька, который во все это время выводилъ что-то на рисунокъ, употребивъ вмѣсто карандаша стеариновую свѣчу, которую оборотилъ онъ вверхъ ногами, и работалъ нагорѣвшей

свѣтильней. – И вотъ тутъ, тамап, продолжалъ онъ, тоже выходитъ хи, хи. Смотри, это усы, а это бакены. Теперь и сама Маша не узнаеть своего Пустовцева.

Жоржъ повернулся на одной ногѣ и вырвавъ изъ рукъ матери листокъ, побѣжалъ къ боковымъ дверямъ и чуть было не сбиль съ ногъ входившую Marie.

– Сумасшедшій! сказала она.

– Сама ты такая! За тожь на – вотъ, гляди, – хорошъ теперь твой Пустовцевъ?

Онъ показалъ сестрѣ рисунокъ, но Marie съ гнѣвомъ оттолкнула его и вошла въ гостиную.

Боже!.. Кто бы узналъ теперь это юное созданіе, недавно такъ свѣтившееся искренностью мысли и благоухавшее свѣжестью чувства?.. Вотъ онъ – эти ясныя очи, но нѣтъ уже въ нихъ той мягкости и елейности, которыя вливали тишину и сладость въ самую бурную душу, глядѣвшуюся въ нихъ. Вотъ онъ – эти коралловые уста: но будто пухлѣй стали онъ, выражая какую-то спѣсь и готовность раскрыться не для ангельской улыбки, а для возмутительной рѣчи, полной

насмѣшки и презрѣнія. Вотъ оно – это прозрачное лицо, – но нѣтъ уже въ немъ румянца стыдливости, а насквозь прониклось оно какою-то изнурительной истомой и блѣдностью. Вотъ и стнѣ... но нѣтъ, это не тотъ станъ, – тонкій и гибкій, какъ стебель, еще съ неразвернувшимися лепестками, еще не сложившійся, но много позволяющій гадать о себѣ въ будущемъ: этотъ бюстъ почти совсѣмъ уже оконченъ; рука неизвѣстнаго скульптора уже обозначила его обольстительныя и свѣжія округлости. Нѣтъ, это не та робкая Marie, которую видѣлъ Софѣинъ на кладбищѣ, которая наконецъ не такъ давно съ полными слезъ глазами слушала скорбную повѣсть его...

Быстро взглянулъ на нее Софѣинъ, и потомъ медленно опустилъ голову, въ какомъ-то, по видимому, раздумьи.

– Матап! рѣзко сказала Marie. Выгоните вонъ этого невѣжу?

Озадаченный этимъ Жоржъ хотѣлъ было сказать что-то, но вмѣсто того погрозилъ сестрѣ кулакомъ и быстро скрылся въ отворенныя двери.

– Вотъ и знакомая незнакомка ваша, – улыбаясь, проговорила Соломонида Егоровна.

Софьинъ поклонился.

– Угадываете ли ее?

– Сегодня я очень плохой угадчикъ, и обманувшись разъ, не хочу повторять этого въ другой.

– Въ чемъ же это вы обманулись? сказала Marie, небрежно подходя къ зеркалу и поправляя волосы, взбитые а la Помпадуръ.

– Не угадалъ портрета, который показывалъ мнѣ Жоржъ, отвѣчалъ Софьинъ, глядя на нее пристально.

– Немудрено, сказала она, – и ни одна черта лица ея не шевельнулась: онъ очень дурно набросанъ. Это Жоржъ пачкалъ. Впрочемъ, развѣ я теперь въ глазахъ вашихъ портретъ, а не подлинникъ?

За стѣной послышались судорожныя всхлипыванья. Соломонида Егоровна ахнула, и не смотря на свою тучность, быстро выбѣжала въ сосѣдную комнату.

– Ахъ, это Жоржъ! Охота жъ тебѣ, Marie, такъ обижать его! сказала Елена и тоже поспѣшно ушла вслѣдъ за матерью.

Marie, не переѣнвивъ положенія, громко засмѣялась.

– Ну те, отвѣчайте же! сказала она, садясь въ кресло и лова кисть висѣвшей близъ портьеры.

– Будьте такъ добры, повторите вашъ вопросъ.

– Какъ это вѣжливо!

– Извините, я думалъ совсѣмъ не о томъ.

– Еще вѣжливѣй! О чемъ же вы думали?

– Старался узнать васъ.

– Развѣ я такъ успѣла переѣнниться съ того недавняго времени, какъ вы перестали бывать у насъ?

– На мои глаза, – да.

– Чтожь, похорошѣла?

– Сказалъ бы, да боюсь.

– Не стѣсняйтесь.

– Вы похорошѣли – да: но ваша красота стала возмутительна; вы развились, но въ этомъ развитіи я вижу насиліе вашей прекрасной натурѣ, вы... но довольно, боюсь впасть въ поучительный тонъ.

– Нѣтъ, продолжайте, мнѣ очень пріятно. Пустовцевъ говорилъ, что у васъ прекрасный

даръ сказывать проповѣди.

– А, – онъ такъ хорошо меня знаетъ?

– Умный человекъ можетъ хорошо знать всякаго.

– А мнѣ кажется, умный человекъ долженъ прежде всего знать хорошо самого себя.

– Ну, вотъ вы ужъ и разсердились!

– Виновать, сказала Софья, горько улыбнувшись. Я точно впадаю въ ребячество.

– Это ничего; я сама иногда тоже люблю поребачиться, особенно когда разболтаюсь съ Пустовцевымъ.

– Позвольте узнать, всѣмъ ли такъ часто твердите вы о Пустовцевѣ, какъ мнѣ?

– Нѣтъ, не всѣмъ.

– Почемужъ именно я удостоился такой чести?

– Потому что, еслибъ я сама не заговорила о Пустовцевѣ, то вы и безъ меня начали бъ объ немъ рѣчь.

– Вы такъ думаете? сказала зардѣвшись Софья.

– Не только думаю, а увѣрена.

– Увѣрены? Почему же?

– Это мой секретъ.

– Только, вѣрно, извѣстный не вамъ одинъ.

– Почему знать? Можетъ быть, и дѣйствительно не мнѣ одной.

Такой отчаянный вызовъ на перестрѣлку колкостями окончательно сбиль съ толку Софьина. онъ ясно видѣлъ, что появленіе его въ домъ Небѣды было заранѣе предсказано, что рѣчи его предугаданы, и все рассчитано и предусмотрено. Кто-то постарался покрыть юное сердце корою безстыдства...

Грустное явленіе! Но оно бываетъ сплошь да рядомъ. Слабо сердце человѣческое: но всего слабѣй оно у юной пришелицы свѣта. Это воскъ, изъ котораго опытная рука можетъ дѣлать все, что угодно; умъ ея – это легкая бабочка, носимая вѣтромъ, не смотря на видимую произвольность ея движеній. Горе, горе тому, кто совратитъ съ пути праваго "единую отъ малыхъ сихъ!"

Софьинъ молчалъ, опустивъ голову. Marie небрежно играла кистью портьеры и улыбалась насмѣшливо.

– Какія вы странныя, Marie, сказала Соломонида Егоровна, выходя изъ боковыхъ две-

рей. Можно ли такъ оскорблять невинность?

– И красоту, прибавила Marie, засмѣявшись.

– Вамъ это смѣшно, сударыня?

– Какъ видите.

– Вы забываете, съ кѣмъ говорите!

– Очень хорошо помню, – съ вами.

– А я вамъ кто?

– Вамъ это лучше знать.

– Кажется, я ваша мать?

– За чѣмъ же кажется? Развѣ вы сомнѣваетесь?

– Я совѣтовала бы вамъ выдти вонъ.

– Когда заблагоразсудится, выду.

Не желая быть свидѣтелемъ такой оригинальной, семейной сцены, Софьинъ поднялся.

– Позвольте, мусье Софьинъ, сказала Соломонида Егоровна, я васъ прошу присутствовать при опытахъ нынѣшняго образованія.

– А я просилъ бы васъ избавить меня отъ этого, сказалъ Софьинъ, не поднимая головы.

– Напрасно, подхватила Marie, напрасно; такихъ сценъ нигдѣ не удастся вамъ видѣть!

Софьинъ взглянулъ на Marie, и не могъ не

подивиться этому въ высшей степени противному выраженію, какое приняло все еще прекрасное лицо ея. Marie улыбнулась, — но отъ такой улыбки становится холодно и мрачно на душѣ.

— Жалуюсь вамъ, мусье Софьинъ, заговорила Соломонида Егоровна, уже не скрывая гнѣва; такія сцены она повторяетъ со мной почти каждый день.

— Почемужь и не повторять, если онѣ вамъ нравятся? отвѣчала Marie.

— Безсовѣстная! вспыхнувъ, произнесла Соломонида Егоровна и вышла.

— *Quelle bourgeoise!* сказала вслѣдъ ея Marie. — Ну, продолжала она послѣ нѣкотораго молчанія, насмѣшливо глядя на Софьина, начинайтежь вашу проповѣдь. Тема превосходная: о повиновеніи дѣтей родителямъ.

— Я вижу, Марья Онисимовна, что вы и безъ меня ужь наслушались проповѣдей, а мои опоздали.

— Ктожь вамъ виновать!

— А-а, Владиміръ Петровичъ! завопилъ Онисимъ Сергеевичъ, проходя залой и держа въ рукахъ большой свертокъ какихъ-то бума-

гь. Слыхомъ слыхать, видомъ видать! Забыли, батюшка, совсѣмъ забыли! Вѣдь чай ужъ полгода, какъ вы были у насъ.

– Виновать, Онисимъ Сергеевичъ....

– Ну, это ваше темъ дѣло! А теперь что? Съ Машей, съ Машей? Поговорите, поговорите; молодець стала; хоть кого закрутить, забьетъ, завертитъ. А все Пустовцеву спасибо, – хорошій человекъ! А ужъ какъ ловокъ, какъ ловокъ, фу ты пропасть! Какъ начнетъ, знаете, этакъ рѣзать про разныя ученыя матеріи, такъ ротъ разинешь! Ино мѣсто и самъ видишь, что оно какъ-то не такъ, не съ той, значить, стороны къ дѣлу подходитъ, и этакъ хочешь вернуть ему закорючку – куда тебѣ! Какъ поднимется, такъ только пыль столбомъ. Да все философія вѣдь, канальство! читали и мы Волтера съ стары годы, но такихъ вещей, какъ у Пустовцева, не начитывали. Страшно, знаете, съ перваго-то раза, ну, а послѣ, какъ поразсудивъ этакъ, такъ и ничего, какъ будто оно такъ и слѣдуетъ. Да и Маша, я вамъ доложу, препонятливая головка. Эти женщины не въ примѣръ быстрѣ насъ.

Во время этого монолога Онисимъ Сергее-

вичь стаскивалъ перчатки, приговаривая въ промежуткахъ: "вишь ты, собаки бѣ тебя съѣли, не слазить. Рука, значитъ, напотѣла."

Кончивъ эту операцію, Небѣда вытерся платкомъ.

– Уфъ, пропадай оно! Умаялся. У Итальянцевъ это былъ; купилъ вотъ это. Что за картины! Сей часъ покажу. – А мать гдѣ? – Смотрите-ка сюда, Владиміръ Петровичъ!

И взявъ за руку Софьина, Небѣда подвелъ его къ столу, и стадъ развертывать покупку. Согнутая въ трубку бумага плохо укладывалась на столъ, и Софьинъ, держа въ одной рукѣ шляпу, другою принужденъ былъ поддерживать поминутно свертывавшіеся эстампы.

– Гляди-ка, ась! говорилъ Небѣда, отъ всего сердца услаждаясь своей покупкой. Ватерлоская битва. Да-съ, двадцать пять цѣлковенькихъ. Вотъ она штука-то какая! Ну, да и есть за что! Наполеонъ-то, вишь-ты! Задумался, разбойникъ. Такъ тебѣ – вору, и надо! и это Сульть должно быть; умаливаетъ. Умадивай, умаливай, а видно, придется "выкинуть фигуру на цыганскій ладъ." Вы знаете

эту пѣсню? Чудесная, такихъ нынче ужь не пишутъ. У меня есть она; я, пожалуй, дамъ вамъ ее списать. — А пушки-то? Подбиты. Ужь стало быть, когда подбиты, то въ дѣло не годится. Это ужь такъ, я самъ по артиллеріи служилъ. А вотъ это, продолжалъ Онисимъ Сергеевичъ, развертывая другой эстампъ, прощаніе въ Фонтенебло... Да подержите-ка. Ужь коли на то пошло, я покажу вамъ всѣ мои картины. Коллекція, батюшка, коллекція. Поставьтека шляпу-то и держите вотъ такъ.

Онисимъ Сергеевичъ шибко пошелъ въ кабинетъ, оставивъ Софьина у стола съ растопыренными руками. Маріе прыснула и залилась со смѣху. Самъ Софьинъ не могъ удержаться отъ улыбки. Вырвавшійся въ это время изъ подъ одной руки эстампъ быстро свернулся въ трубку; Софьинъ хотѣлъ было удержать упрямца, потерялся, — и эстампы полетѣли на полъ.

— Эхъ, вы ловкій! кричалъ Небѣда, выходя изъ кабинета. Не покажу жь вамъ за то ни одной,

Софьинъ поднялъ съ полу картины и отеръ потъ, проступившій у него на лбу.

– А у Клюкентутовъ сегодня будете?

– Да, онъ приглашалъ меня.

– Будьте, и мы будемъ.

– Значить, до свиданья! сказала, вставая, Marie и кивнувъ головой Софьину, пошла на другую половину чрезъ кабинетъ отца.

– А давно вы у насъ? сказалъ Небѣда, оставивъ Софьина на порогѣ.

– Съ часъ будетъ.

– Ну, вотъ и хорошо. И сами развлеклись, и моихъ....

Софьинъ не слышалъ конца этой рѣчи. Онъ быстро сбѣжалъ съ лѣстницы, опророметью бросился въ коляску, надвинулъ шляпу почти до самага носа и крикнулъ "домой!" такимъ страннымъ голосомъ, что ходившія по двору индюшки разомъ встрепенулись и прокричали ему что-то вслѣдъ на своемъ индюшачьемъ языкѣ.

Глава седьмая

Есть люди на свѣтѣ, которыхъ любить свѣтъ и ставить на на степень образца и подражанія. Онъ любитъ ихъ, какъ аттестованныхъ поклонниковъ своихъ, какъ строгихъ блюстителей законовъ духа времени, духа льстиваго, обманчиваго и мятежнаго. За поклоненіе себѣ онъ предписываетъ другимъ неофитамъ своимъ кланяться и подражать этимъ любимцамъ и жрецамъ своимъ, уже посвященнымъ въ его элевзинскія таинства.

Люби себя и все употребляй средствомъ для своихъ цѣлей вотъ законъ свѣта, крамольно идущаго противъ законовъ истиннаго свѣта!

Передъ читателемъ мелькаль кое-гдѣ легко и безъ особеннаго намѣренія набросанный эскизъ Пустовцева. Лохматая голова, густыя брови, свѣтскость или, по его собственному выраженію, эксцентричность – вотъ черты, которыми досель обрисованъ былъ этотъ человѣкъ, коему суждено играть существенную роль въ нашемъ разсказѣ. Примѣты эти остались и теперь при немъ: но яснѣе и

отчетливѣй опредѣлилась его внутренняя физіономія. Не скоро сказывается смертный своимъ внутреннимъ содержаніемъ. Пудъ соли съѣшь съ человѣкомъ, пока его узнаешь, говоритъ справедливая, русская пословица.

Пустовцевъ принадлежалъ именно къ тому поколѣнію, которое такъ вѣрно очертилъ и такъ грустно оплакалъ покойный Лермонтовъ въ своей "Думѣ". Отецъ Пустовцева, самъ воспитанный въ правилахъ XVIII вѣка, ревностный поклонникъ Дидро, д'Аламберта, Вольтера, Бэля и другихъ энциклопедистовъ прошлаго столѣтія, незамѣтно, и даже, можетъ быть, мимовольно передалъ и сыну своему неуваженіе ко всему, что издревле дѣды и прадѣды наши почитали неприкосновенной святыней. Труня и издѣваясь надъ кроткимъ благочестіемъ и простосердечной молитвой своей жены, онъ перелилъ и въ сына тоже кощунственное направленіе, уронивъ во мнѣніи ребенка достоинство его матери, и пустивъ во всю ширину юной души корень зла и растлѣнія. Быстрыя способности малютки были отличнымъ проводникомъ уроковъ, которые и словомъ и дѣломъ давались ему на

всякій часъ и на всякомъ мѣстѣ. Вотъ пришла мальчику пора поступить и въ школу. Мать, прижимая къ груди послѣдыша своего, со слезами благословила его святой иконой, завѣщая ему помнить Бога и заповѣди Господни, и въ горѣ жизни прибѣгать къ Небесной Заступинцѣ всѣхъ скорбящихъ. Слушалъ отецъ эту давно забытую и отверженную имъ молвь искренней вѣры, и что-то сокрушительное шевельнулось въ груди его, и показалась было на глаза его благодатная слеза раскаянія и умиленія: но гордо отряхнулъ онъ эту слезу, когда малютка, вырвавшись изъ объятій матери, съ улыбкой подошелъ къ отцу и показывая икону, сказалъ: "папа, куда мнѣ дѣвать это?" – Отдай Ефремкѣ! отвѣчалъ отецъ: пусть положитъ въ чемоданъ. – И поѣхалъ юный питомецъ въ путь свой съ отцовскими правилами въ сердцѣ и съ матернимъ благословеніемъ въ чемоданѣ.

Прошелъ наконецъ ребенокъ и узаконенный курсъ воспитанія; сталъ юношей и вышелъ съ отличнѣйшимъ аттестатомъ и лохматой головой. И какихъ-какихъ наукъ не было прописано въ его аттестатѣ! Всѣ семь

греческихъ мудрецовъ въ сложности не знали и половины того, что показанъ знающимъ двадцатилѣтній юноша... И вышелъ нашъ мудрецъ въ люди, и поставили его прямо лицомъ къ лицу съ жизнью, которую конечно не могъ же онъ изучить на школьной лавкѣ и въ ученической курткѣ. Ему открыли знатную служебную карьеру, маня все впередъ да впередъ наградами и отличіями. Корабль, значить, пришелъ въ портъ, началась разгрузка. Посмотримъ, что тамъ такое.

Вотъ Пустовцевъ въ храмъ Божіемъ. Значить, таки доброе сѣмя, брошенное въ его сердце матерью, не пропало даромъ? Не знаю. По крайней мѣрѣ небрежность, съ какою онъ вошелъ въ святое мѣсто, его раскланиванье съ знакомыми, его разговоры и усмѣшки, его поза полная дерзости и неблагоговѣнія, не показываютъ этого. Онъ взбиваетъ свои волосы, опирается, почти ложится на перилы, обратясь бокомъ къ олтарю, беретъ лорнетку, висящую на груди его и разсматриваетъ публику на противоположной сторонѣ. Онъ вертится, приподнимается, ищетъ кого-то: но вѣрно, нѣтъ того, кого онъ

ищетъ, потому что съ видомъ небрежнаго неудовольствія обращается онъ къ близъ стоящему своему подражателю и заводитъ съ нимъ разговоръ, какъ замѣтно, веселый. Еще пять, десять минутъ – и Пустовцевъ, взглянувъ на часы, медленно поворачивается и выходитъ изъ храма Божія, горделиво откланиваясь толпѣ, подобострастно разступающейся передъ нимъ. "Бой-голова!" говоритъ вслѣдъ ему молодой чиновникъ, обращаясь къ своему собрату, ужи посѣдѣвшему на службѣ въ чинѣ титулярнаго. – Да, отвѣчаетъ этотъ протяжно, не намъ чета, и кладетъ земной поклонъ въ простотѣ ума и сердца.

Бѣда затронуть религіозныя убѣжденія этой бойкой голо вы! Было когда-то въ модѣ самое жалкое, самое глупое, безотчетное невѣріе; человекъ отвергалъ все, не трудясь даже надъ анализомъ того, что отвергалъ; смѣялся надъ всемъ священнымъ потому только, что оно недоступно было его узкому и тупому уму. Пустовцевъ на этой шкоды: отъ великой таймы мірозданія до послѣднихъ явленій силы Божіей, бывающихъ и въ наше скудное вѣроу время, онъ все подвергалъ

критическому обзору, требуя одного лишь знанія и знанія; что же превышало умъ его, что не укладывалось въ узенькія клѣточки человѣческой логики, онъ все отвергалъ, какъ пустяки, какъ сущій вздоръ. Непобѣдимымъ убѣжденіямъ противопоставлялъ онъ насмѣшку; колющей правдѣ — ловкій софизмъ, — и близорукой слушатель его терялъ точку опоры своихъ давнихъ, религіозныхъ убѣжденій, а свѣтъ рѣшилъ, что это человѣкъ прекрасно образованный и свободный отъ предрасудковъ.

Пустовцевъ на государственной службѣ. Передъ нимъ люди съ своими несчастіями и ошибками, съ своими слабостями и пороками; въ его рукахъ перо, которымъ въ иную пору легче меча можно разсѣчь гордіевъ узель злонамѣренныхъ хитросплетеній. Но отъ чегожь такую грустною вышла изъ комнатъ его вотъ эта вдова съ двумя малютками? Отъ чего такъ весело подпрыгиваетъ вотъ этотъ горбатый адвокатъ, извѣстный всякому мошенничествомъ и ябедою? Отъ чего тамъ встревоженъ вотъ тотъ господинъ, котораго, за полчаса тому, мы замѣтили въ окна квар-

тиры Пустовцева сидѣвшимъ близъ стола, заваленнаго бумагами?... Гмъ, мало ли отъ чего? Эти господа недовольные пришли искать защиты и правосудія; они принесли ему свою правоту, свои страданія и свои убѣжденія въ дѣлѣ, грозящемъ имъ неминуемою бѣдой: но вѣдь и забыли то, что господа, подобныя Пустовцеву, служатъ не людямъ, а закону; что, по убѣженію этихъ умниковъ, не законъ созданъ для человѣка, а человѣкъ для закона, то есть, не суббота ради человѣка, а человѣкъ ради субботы. Васъ ограбили, обезчестили; вы начинаете дѣло, прося защиты: но вы начали не по формѣ, вы пошли прямою дорогою, а не окольнымъ путемъ, — и васъ поворотятъ назадъ, поведутъ по мытарствамъ и будутъ водить до скончанія вѣка. Пропадетъ и охота искать удовлетворенія за грабежъ и обиду! Между тѣмъ вашъ обидчикъ, или ходатай его, знаетъ надлежащую форму и вставитъ въ нее дѣло, въ которомъ вы страдательное лицо; гдѣ нужно, обрѣжетъ его; гдѣ понадобится, вытянетъ, и дѣло какъ тутъ быть, какъ разъ по формѣ. Глядитъ блюститель закона, подобный Пустовцеву, на все это, и важно объявля-

еть, что ваши претензіи ничѣмъ не доказываются, то есть, если васъ и точно ограбили и обезчестили, то ограбили и обезчестили по формѣ, и потому сдѣлаеть вамъ же замѣчаніе по формѣ, чтобъ вы не смѣли формально беспокоить начальство, если и впредь васъ ограбятъ и обезчестятъ безъ всякой формы... Не одинъ Пустовцевъ, въ наше велеученое время, смотритъ съ этой точки на свои служебныя обязанности; не одинъ изъ такихъ, зная Сводъ Законовъ, не знаетъ Русской Правды... Конечно, не мараль Пустовцевъ рукъ своихъ безчестнымъ взяточничествомъ; не явились къ нему просители съ докладными записками, содержащими въ себѣ радужныя доказательства правоты ихъ дѣла; не нажать ему никогда "благопріобрѣтеннаго": но не далеко уйдутъ дѣла подъ такой невздоимной рукой, ибо въ виду такихъ господъ не люди съ ихъ несчастьемъ или подлостью, а школьная задача о чемъ-то метафизическомъ, чуждомъ дѣйствительности. *Fiat justitia, pereat mundus!* {Да будетъ правосудіе, и пусть гибнетъ міръ!} повторялъ Пустовцевъ, гордо поднимая лохматую голову, и самъ, бѣдненькій, не

подозрѣваль всей глупости этой школьной, стародавней поговорки, высиженной въ кабинетѣ какимъ нибудь Нѣмцемъ-педагогомъ.

Пустовцевъ въ обществѣ. Какъ онъ ловокъ! Какъ толпятся вокругъ него эти барыни, изъ всѣхъ силъ старающіяся испортить свою репутацію, — эти юныя созданія, недавно увидавшія свѣтъ и не вкусившія еще смертоноснаго яда его! Слышите ли вы этотъ гомерическій хохоть окружающей его толпы? Вѣрно, корабль ея бросилъ въ кого нибудь изъ присутствующихъ бойкое, язвительное слово. И не пощадитъ онъ для такого словца ни связи супружеской, ни отношеній дружескихъ, ни привязанности родственной, ни нѣжности дѣтской, ни любви родительской... Какъ удавъ, онъ обливаетъ все ядомъ неотразимой насмѣшки и возмутительнаго презрѣнія. Градомъ сыплются увлекательные софизмы его на все святое ума и сердца; тяжкимъ молотомъ сарказма и ироніи разбиваетъ онъ кумиръ, которому поклонялись вы досель, и измельченными черепками онъ бросаетъ въ васъ все самихъ, любуясь вашей душевной болью и тайными страданіями....

Какъ онъ честень! говорить свѣтъ. Да, честень, – но честень, какъ язычникъ. Дайте такому человѣку деньги, – онъ возвратитъ ихъ; сообщите ему ходячій секретъ, – онъ сохранитъ его; но не ввѣряйте ему ни вашей тайны задушевной, ни чувства любви и привязанности, ни имени вашего друга, ни чести вашей супруги, сестры и дочери. Онъ затопчетъ ихъ въ грязь, если только это нужно для его удовольствія и ненасытнаго эгоизма.

Заподозрять читатели автора въ преувеличеніи набросаннаго образа: но заподозрять напрасно. Онъ уже встрѣчался имъ и въ Онѣгинѣ – Пушкина, и въ Печоринѣ – Лермонтова, и въ Петрѣ Ивановичѣ – Гончарова; только тамъ они выглажены, убраны и причесаны, словно на балъ. Любуется ими человѣкъ, не зря страшнаго растлѣнія являемыхъ ему типовъ, и не нисходя до сокровеннѣйшихъ изгибовъ ихъ души...

И вотъ такой-то человѣкъ явился руководителемъ еще неопытной Marie. Юное сердце ея прильнуло къ этому искусителю, очарованное его змѣинымъ, неотразимымъ взоромъ. Онъ видѣлъ привязанность къ себѣ Marie,

и небрежной невнимательностью развивалъ въ ней эту привязанность до страсти. Робкая Marie грустила, когда онъ не являлся къ нимъ по нѣскольку дней; ей нравились бойкія и остроумныя выходки Пустовцева, которыхъ не удавалось ей слышать ни въ институтъ, ни въ своей, слишкомъ обыкновенной, семьѣ. Матан мучила ее своими аристократическими претензіями: но Пустовцевъ уже успѣлъ показать Marie смѣшную сторону важничанья ея мамы, а съ этимъ вмѣстѣ убилъ въ ней и должное уваженіе къ виновницѣ дней своихъ. Въ саркастическихъ насмѣшкахъ надъ правами родителей, онъ простеръ софизмы свои до того, что первое, естественное основаніе правъ родительскихъ обратилъ имъ же въ упрекъ и поношеніе, — и все это предъ дѣвицей, внимавшей ему отъ простоты ума и непорочности сердца!.. Онъ показалъ въ настоящемъ видѣ моральное значеніе самаго Онисима Сергеевича, и низведши его въ сословіе оригиналовъ, заставалъ Marie отъ души смѣяться надъ рѣчами отца, ловко и удачно копируемыми Пустовцевымъ. Онъ сбиль съ пьедестала мнимой учености

mademoiselle Елену и артистически убѣдилъ ее, что она не артистка, и что ея разсужденія о музыкѣ и вообще объ искусствахъ очень — очень немузыкальны и неискусны. Marie увидѣла, что сестра, которую она прежде ставила выше себя нѣсколькими градусами, такъ себѣ, ничего; въ слѣдствіе такого убѣжденія она поприбавила спѣси, и послѣ нѣсколькихъ домашнихъ стычекъ благоразумная Елена уступила сестрѣ поле битвы, и подмѣтивъ въ Marie небывалую прежде бойкость и рѣзкость въ приговорахъ, пошла противоположнымъ тому путемъ. А между тѣмъ Пустовцевъ удачно успѣлъ поддѣлаться подъ прямой и откровенный тонъ Онисима Сергеевича; Соломонида же Егоровна, запуганная его эксцентрическими правилами, половину которыхъ, правду сказать, она и не понимала хорошенько, спасовала окончательно и предоставила Marie дѣйствовать, какъ она знаетъ, въ томъ однакожъ убѣжденіи, что дочь ея уронить себя никакъ не можетъ, ибо хорошо помнить, чьихъ она и какой фамиліи. Софьинъ, о которомъ Marie имѣла неосторожность на первыхъ лорахъ отзы-

ваться слишком выгодно, подвергся сильнѣйшимъ нападкамъ и самому злему остроумію Пустовцева, который ошибочно думалъ преслѣдовать въ немъ соперника себѣ, но весьма вѣрно предугадалъ въ немъ противника преступнымъ своимъ замысламъ.

Мѣсяца за четыре предъ симъ на вице-губернаторскомъ креслѣ города В. посадили какого-то русскаго нѣмца Ивана Ивановича Клюкенгута. Жители города В, слѣдую давней, коренной своей привычкѣ, основательно обревизовали новаго своего сочлена. Оказалось, по самовѣрнѣйшимъ справкамъ, что Клюкенгутъ, впрочемъ умный человекъ, женатъ и имѣетъ штукъ шесть дѣтей, что онъ прибылъ со всемъ своимъ семействомъ, что собственное состояніе у супруга весьма сомнительно, но что въ замѣнъ того, онъ получилъ за своей законной половиной самыя осязательныя личности въ капиталахъ, возвышаемыхъ или уменьшаемыхъ разными записными вѣстовщицами, "смотря по расположенію въ воздухѣ"; что онъ женатъ уже лѣтъ двѣнадцать, и что не смотря на огромную лысину супруга, дражайшая его половина не на-

ходитъ въ немъ другихъ недостатковъ, и въ слѣдствіе того почти всякій годъ даритъ его то Петрушенькой, то Оленькой, то Андрюшенькой, а иногда Павлушенькой и Таничкой вмѣстѣ. Морщился нѣжный супругъ отъ такого благословенія небесъ: но чтожь дѣлать? Надо было принимать благимъ сердцемъ такую благодать, тѣмъ болѣе, что тестюшка его, откупщикъ какой-то плодородной губерніи, всякій разъ присылалъ своей дочкѣ по пяти тысячъ "на зубокъ", что въ нѣкоторомъ родѣ составляло значительное подспорье умножавшемуся семейству и позволяло супругу не пугаться ниспосылаемой ему небомъ благодати. Боже! Какъ хорошо было бы для рода человѣческаго, еслибы у всякаго зятюшки были такіе тестюшки! Теорія Мальтуса должна бы тогда остаться чистѣйшей глупостью.

Супруга многочаднаго отца семейства Софья Кузминишна Клюкенгутъ, урожденная Лоскутникова, съ перваго же раза обратила на себя исключительное вниманіе города. Все оказалось въ порядкѣ: наружностью Софья Кузминишна была ничего себѣ; круглое лицо

ея въ надлежащихъ мѣстахъ имѣло молочную бѣлизну, а гдѣ долгъ велить и румянецъ; руки у ней были весьма и весьма недурны, а ножками она брала рѣшительный верхъ надъ всѣми, на кого работали модная башмачница "пани Куявска съ Варшавы." За то мадамъ Клюкенгутъ при всякомъ удобномъ и даже неудобномъ случаѣ старалась выставить натурою то, что у ней было хорошо. Она носила башмаки собственнаго изобрѣтенія съ кривой подошвой, показывавшіе ногу съ лицевой стороны весьма въ маломъ видѣ. Она искусно драпировала ручку, и сидя всегда старалась держать ее въ вертикальномъ положенія, ни за что ни позволяя свободно обращаться крови, что, какъ извѣстно, много портитъ изящную руку, придавая ей излишнюю полноту, а иногда и красноту. Продѣлки подобнаго рода не могли ускользнуть отъ внимательныхъ наблюдателей и особенно наблюдательныхъ, которыя единогласно рѣшили, что мадамъ Клюкенгутъ кокетка. Въ какой мѣрѣ это справедливо и даже справедливо ли судить не наше дѣло, хоть и дѣйствительно, нѣкоторыя доискались болѣе

прочнаго основанія такому мнѣнію въ томъ именно, что мадамъ Клюкенгутъ не терпѣла своихъ дочерей, — признакъ, какъ замѣчаютъ многіе, обличающій закоренѣлую кокетку. Но опять и этого мы не принимаемъ за вѣрное, считая такое явленіе психологической тайной, извѣстною лишь прекрасному полу.

Ясно теперь, что ревизующіе не остановились на одной внѣшности, а естественнымъ порядкомъ пошли дальше. Такимъ образомъ, по свѣдѣніямъ, изъ подъ руки собраннымъ, оказалось, что мадамъ Клюкенгутъ, урожденная Лоскутникова, получила домашнее воспитаніе, то есть, что ее питали въ дѣтствѣ всякими сластями, исподволь учили грамотѣ, и когда Софинька начала округляться, договорили учителя, который съ небольшимъ въ два года успѣлъ преподавать ей всѣ науки отъ грамматики да астрономіи включительно. Французскій языкъ, какъ первая и самая важная статья въ русскомъ воспитаніи, былъ предметомъ наибольшей заботливости родителей Софиньки съ самаго ея дѣтства. Для этого, кромѣ учителя Француза Трепе, при ней находилась неотлучно какая-то

полупомѣшанная пани Рублевска, тоже "съ Варшавы", отличавшаяся необыкновенной охотой болтать, и въ безустанной рѣчи своей храбро мѣшавшая всѣ извѣстные ей языки. Вышла наконецъ Софи и изъ дѣтей; ее стали наряжать какъ куколку, и кокетство, — чувство врожденное всякой мало-мальски хорошенькой женщинѣ, явилось и у новой прозелитки свѣта. Нянька, называя ее безприданницей, въ тоже время напѣвала своей питомицѣ, что за нею денегъ куры не клюютъ. Что ни говорите, а толки такого рода вскружатъ хоть какую голову; Софинька стала уже жениховъ смышлять, и въ многолюдной толпѣ молодежи отыскивать "предметъ" свой. Но какъ на бѣду, ни одинъ изъ предметовъ, бывшихъ на лицо, не приходился ей по мѣркѣ, какую соорудила она въ своемъ воображеніи. Вотъ Софиньку и въ корсетъ облачили; а извѣстно, что это такая пора въ возрастѣ дѣвицы, когда грудь ея начинаетъ волноваться иногда мѣрно и плавно, какъ передъ передъ бурей, иногда безпокойно и шумно, какъ дыханіе испуганнаго во снѣ. Софинькѣ стукнуло осьмнадцать, но по какому-то странному капризу

сердца, Софи громко стала осмѣивать романическую страсть и начала находить больше смысла въ бракахъ по расчету. Явленіе, дѣйствительно иногда бывающее въ жизни и юной красавицы, (о заматорѣвшихъ во днѣхъ своихъ и не говорю, — тамъ это легко объясняется), но только оно почти всегда разрѣшается очень невыгодно для супруга, указаннаго расчетомъ.

Было ли то предчувствіе, иди особаго рода призваніе, но только mademoiselle Софи нашла партію именно по мыслямъ своимъ. Въ городъ, гдѣ обиталъ родитель ея, прибылъ нѣкто Клюкенгутъ, командированный выше по какимъ-то служебнымъ дѣламъ. У председателя Казенной Палаты, задушевнаго друга откупщику, Клюкенгутъ познакомился сначала съ самою Софи, а потомъ и съ ея папенькой. Дѣло было за преферансомъ, за который внимательный хозяинъ усадилъ пріѣзжаго гостя визави съ дочерью своего задушевнаго друга. Надо замѣтить, что Sophie, сначала изъ угожденія своему папенькѣ, отчаянному любителю всѣхъ коммерческихъ игръ, а потомъ и собственному влеченію,

сдѣлалась одною изъ страстныхъ почитательницъ пріятнаго и полезнаго препровожденія времени за картами. Она даже сдѣлала себѣ этимъ огромную репутацію, и записные знатоки преферанса говорили, что съ mademoiselle Loskutnikoff нельзя рисковать на семь, не имѣя въ рукахъ почти осьми. Пріѣзжій гость испыталъ это на себѣ, проигравъ нѣсколько игръ, по его словамъ вѣрнѣйшихъ: но когда Sophie глубокомысленно доказала ему, что-моль такъ и такъ, что слѣдовало бы выходить вотъ съ этой, а не козырять, то Клюкенгутъ согласился, что игры его были не вѣрнѣйшія, и тутъ же получилъ справедливыя понятія объ основательности и дѣльности своей партнерки. Послѣ двухъ пулекъ они долго еще разговаривали о случайностяхъ игры въ преферансъ и разстались совершенно довольные другъ другомъ. Съ этой минуты завязалось между ними нѣчто въ родѣ "сердечнаго согласія", и когда Клюкенгутъ, дня черезъ три послѣ первыхъ достопамятныхъ проигрышей, явился съ визитомъ къ Лоскутниковымъ, Софи уже смотрѣла на него, какъ на постоянного своего

партнера, и потомъ сходясь съ нимъ гдѣ ни-
будь, вмѣсто пошлаго освѣдомленія: "какъ ва-
ше здоровье?" – обыкновенно спрашивала:
"что вы вчера или сегодня сдѣлали? – на что
Клюкенгутъ отвѣтствовалъ длиннымъ раз-
сказомъ о томъ, какъ напримѣръ, третьяго
дня онъ проигралъ въ бубнахъ, имѣя на ру-
кахъ вотъ. то и то. Эти невинные разговоры
до того сблизили нашихъ партнеровъ, что
они стали подумывать о партіи другаго рода,
гдѣ тоже не обходится безъ ремизовъ, и ино-
гда очень печальныхъ. Говоритежь послѣ это-
го, что карты выдуманы для того лишь, чтобъ
убивать попусту время!

Какъ бы то на было, но въ пятимѣсячное пребываніи Клюкенгута въ мѣстѣ жительства Лоскутниковыхъ дѣло уладилось какъ нельзя лучше. За три дня до отъѣзда Клюкенгута, молодые партнеры были помолвлены законнымъ порядкомъ, и Sophie, оставшись невѣстой, еще болѣе привязалась къ картамъ, оказавшимъ ей такую услугу.

Нужно знать, что Sophie и тутъ помогъ привычный расчетъ. Мимо другихъ личныя достоинствъ своего нареченнаго, она приняла съ соображеніе и сообщенное ей свѣдѣніе, что Клюкенгутъ, по окончаніи порученія, непременно получить мѣсто предсѣдателя или вице-губернатора. И дѣйствительно, мѣсяца черезъ четыре, старикъ Лоскутивковъ показалъ ей газету, въ которой значилось, что коллежскій совѣтникъ Клюкенгутъ назначается Исправляющимъ должность Предсѣдателя Уголовной Палаты въ городъ такой-то. По тойже почтѣ они получили отъ жениха письмо, которымъ онъ официално и вѣжливо испрашивалъ позволенія явиться для окончанія дѣла, "о комъ, сказано въ письмѣ, всякую секунду

напоминовеніе дѣлаеть кольцо, блистающее на одной изъ моихъ палець". Отвѣтъ на это письмо писала сама Sophie. Прочитавъ его нѣсколько разъ съ разстановкой, свойственной откупщикамъ, старикъ Лоскутниковъ вычеркнулъ нѣкоторыя, по его мнѣнію, горячія выраженія, и взвѣсивъ потомъ каждое слово въ посланіи невѣсты, отправилъ его страховымъ уже по другой почтѣ. Черезъ мѣсяць Лоскутинковы шумно отпировали свадьбу своей однородной, и проводили молодыхъ въ путь-дорогу къ мѣсту службы Клюкенгута.

Болѣе десяти лѣтъ прошло послѣ этого событія, пока въ городъ В. явился Клюкенгутъ съ своей супругой. Мы уже видѣли, какъ приняты были они всемъ народонаселеніемъ города, пропускаемъ и происшествія, случившіяся въ семействѣ Клюкенгута въ первые мѣсяцы ихъ прибытія, онѣ не относятся къ нашему разсказу. Посмотримъ, что было дальше.

И постъ, занимаемый Клюкенгутомъ, и состояніе его требовали, чтобъ онъ жилъ открыто. Ради такой причины у Клюкенгутовъ

образовались извѣстнаго рода пятницы. День этотъ выбранъ былъ потому, что, какъ говорилъ Иванъ Ивановичъ Клюкенгутъ, "больше удобства для увеселенія представляетъ, и служба ничего не претерпѣваетъ, поелику на субботѣ присутствія не бываетъ." Между постоянными посѣтителями и пятницъ и другихъ непривиллигированныхъ дней недѣли замѣтнѣй всѣхъ былъ Пустовцевъ. Мадамъ Клюкенгутъ съ нѣкотораго времени начала оказывать особенное вниманіе къ этому губернскому льву; она даже отказывалась отъ преферанса, какъ скоро провѣдывала, что на вечеръ къ нимъ пожалуетъ Пустовцевъ. Въ стовщицы радехоньки были такому казусу, и плели сплетни, словно кружево. Они по секрету передавали другъ другу разныя замѣтки; и догадки ихъ, по видимому, имѣли видъ нѣкотораго правдоподобія. Мадамъ Клюкенгутъ, въ самомъ дѣлѣ, была ужъ слишкомъ неосторожна, и дружескія отношенія свои къ Пустовцеву простерла до излишней конфиденціальности. Конечно, никто противъ того не станетъ спорить, что дамъ дозволяется больше, чѣмъ не-дамъ: но есть пункты,

которые равно не годятся для той и для другой, а особенно, если дама имѣетъ честь быть матерью... Сильно почесывался лобъ у добраго Клюкенгута; онъ ясно видѣлъ, что жена его "пошаливаетъ немножко": но сообразивъ, что вѣдь особеннаго влеченія другу къ другу они никогда не имѣли, и что въ выборѣ удовольствій они совершенно вольны, снисходительный супругъ сталъ хлопотать лишь о томъ, чтобъ шалость его супруга не слишкомъ выходила изъ границъ свѣтскаго приличія, и сообразно такому, флегматически-нѣмецкому, взгляду на вещи, самъ же мимовольно помогаль врагамъ своей супружеской чести. И Пустовцевъ пользовался этимъ очень хорошо: но легко удавшаяся интрига скоро ему наскучила. Онъ чаще обыкновеннаго началъ говорить передъ самою Клюленгутъ о младшей Небѣдѣ; болѣе прежняго сталъ оказывать при всякомъ случаѣ вниманіе къ Marie. Надо быть не женщиной, чтобъ не видѣть въ этомъ кой-чего отличнаго отъ обыкновенныхъ отношеній между молодыми людьми разныхъ половъ. Софья Кузьминишна ясно видѣла, что теряетъ своего по-

клонника, что она уже наскучила ему, что ей приходится отбивать игру, рискуя поставить огромный ремизъ; рассчитавъ хорошенько, она убѣдилась, что всякаго рода трагическія сцены, бывающія въ такихъ случаяхъ, не поведутъ ни къ чему доброму, а пожалуй, еще усилятъ въ Пустовцевѣ отвращеніе къ ней, и — чего добраго, ославятъ ее не слишкомъ съ выгодной стороны. Въ силу такого убѣжденія, Софья Кузьминишна сама даже стала содѣйствовать возникающей страсти Пустовцева, и съ особеннымъ участіемъ выслушивала одобрительныя рѣчи его о Marie, искусно вывѣдывая тайныя мысли самой дѣвушки о своемъ лохматомъ Фобласѣ. Marie изъ подъ руки подсмѣивалась надъ супругомъ, который, весь отдаваясь ломберу и ералашу, знать не хотѣлъ о продѣлкахъ своей половины; злые языки говорили, что мадамъ Клюкенгутъ только замаскировываетъ свою интригу съ Пустовцевымъ и непременно обремизитъ дѣвушку: но такое мнѣніе врядъ ли основательно, а впрочемъ не знаю. Софья Кузьминишна простерла наконецъ заботливость свою до того, что начала уже намекать Пу-

стовцеву объ "Исаіе ликуй"; но Пустовцевъ обыкновенно отражалъ такія нападенія эксцентрическими выходками противъ брака, чѣмъ замѣтно радовалъ дальновидную посредницу.

– Но какая же цѣль твоего ухаживанія? спрашивала Софья Кузьминишна, сжимая руку Пустовцева.

– Очень простая: собственное мое удовольствіе, – отвѣчалъ обыкновенно Пустовцевъ, пуская къверху дымъ папироски.

Глава восьмая

— Какъ угодно, дяденька, а бѣлый гал-
стухъ будетъ приличнѣй, говорилъ
Племянничковъ съ видомъ знатока.

— Хорошо и въ черномъ, отвѣчалъ Софьи-
нъ, одѣваясь передъ большимъ зеркаломъ.

— Вотъ и перчатки у васъ какого-то сталь-
наго цвѣта.

— Такъ чтожь?

— Слѣдуетъ въ бѣлыхъ.

— Явима и въ этихъ.

— Позволяется; а танцовать будете?

— Нѣтъ.

— Отъ чегоже-съ?

— Пора ужъ нашему брату остепениться; до-
вольно потанцовалъ я въ свою пору.

— Танцуютъ и вдвое старше васъ...

— Такимъ законъ не писанъ.

— Эхъ, дяденька! Вы цѣны себѣ, не знаете.

— Будто? разсѣянно сказалъ Софьинъ.

— Мнѣ говорила Marie... сказалъ Племян-
ничковъ и остановился, выжидая, какое
дѣйствіе произведетъ это на Софьина.

— Чтожь тамъ такое? сурово спросилъ онъ.

– Покамѣсть, ничего; а вотъ, надѣюсь, на сегодняшнемъ вечерѣ будетъ говорить.

– Ну, поѣдемте же; я готовъ.

Я они поѣхали.

А поѣхали они къ Клюкенгуту, который по случаю тезоименитства своей супруги, давалъ пиръ на весь міръ, не щадя ни приглашеній, ни расходовъ, на которые онъ всегда бывалъ скупъ, по кровной привычкѣ своей нѣмецкой природы.

Не будемъ останавливаться надъ описаніемъ бала. Съ немногими исключеніями, онъ во всемъ походилъ на балы, даваемые частными лицами въ губернскихъ городахъ.

Завидно счастливы такія природы, какъ Племянничковъ. Посмотрите, какъ хохочетъ его дама! Какъ полно искренней веселости раскраснѣвшееся отъ танцевъ лицо его! Прическа у него уже испорчена, перчатки изорваны, галстухъ принялъ злостное намѣреніе свернуться узломъ на сторону, – а Племянничкову какое до этого дѣло? Его поминутно выбираютъ для составленія фигуръ въ мазуркѣ, и тутъ-то оказывается неистоцимая

его изобрѣтательность. Нѣтъ, господа столичные жители! Если хотите видѣть мазурку во всемъ ея разнообразіи, — прошу пожаловать въ губернію; — тутъ вамъ представятся дива дивныя и чуда чудныя; тутъ иной проказникъ выдумаетъ такую фигуру, что и жителямъ Сандвичевыхъ острововъ не пришла бы она въ голову. Но, право, я люблю эти веселости, какъ скоро онѣ не слишкомъ громко вопіють противъ благопристойности. По мнѣ, ужь коли веселиться, такъ веселиться, а то что тутъ веселаго, когда танцоръ выступаетъ журавлемъ, а его *dame de соeur* глядитъ кукушкой? Не правда ли, Ѳедоръ Степановичъ? спросилъ бы я Племянничкова. А такъ, ей богу, такъ, дяденька, отвѣчалъ бы онѣ мнѣ.

Однакожь замѣчаете ли вы какое-то особенное движеніе между нетанцующими? Шепчутся, пересмѣиваются, поглядывая на гостиную. Что тамъ такое? Пойдемте туда, господа читатели. Намъ, какъ Лесажеву герою, все позволено. На всякій случай однакожь прикройтесь шапкой-невидимкой.

На канапе, облокотясь на подушку, сидитъ Софьянъ. На лицѣ его попеременно является

то усмѣшка, то грозное выраженіе, то насильно скрываемаѣ грусть. На другомъ концѣ каннапе рисуется Marie. Какъ хороша она въ этомъ роскошномъ, балетномъ уборѣ! Какъ кста-ти брошена на полную грудь еѣ эта пышная роза? Навалѣсь по подушку и небрежно разбрасывая косматые волосы, сидитъ Пустевцевъ. Они ведутъ между собою разговоръ, начала которому мы не были свидѣтелями.

— Недалеко же вы ушли съ вашей опытностью! говоритъ Пустовцевъ, отворачиваясь отъ Софьина и улыбаясь Marie.

— Дальше, чѣмъ вы въ состояніи замѣтить, не безъ гнѣва отвѣчаетъ Софьинъ.

— Мудренаго ничего нѣтъ, съ язвительной усмѣшкой подхватываетъ Marie. Ваши лѣта даютъ вамъ на то полное право.

— Не всегда, Марья Онисимовна, лѣта оказываютъ человѣку такую услугу. Разсудокъ у однихъ развивается раньше, у другихъ позже, а у иныхъ и вовсе никогда. Но ужаснѣе того состоянія быть не можетъ, когда съ развитіемъ разсудка съ глазъ человѣка спадаетъ та благодѣтельная завѣса, сквозь которую онъ видѣлъ все въ утѣшительномъ свѣтѣ.

– Зачѣмъ же вы доводили себя до такого состоянія? сказала Marie.

– За тѣмъ, что я привыкъ быть внимательнымъ къ самому себѣ и ко всему, что меня окружаетъ.

– Довольно, кажется, было бы съ васъ остановиться на вниманіи только къ самому себѣ.

– Отъ перваго ко второму, Марья Онисимовна, неизбѣжный шагъ. Разобравъ сначала хладнокровно всѣ изгибы собственнаго сердца и находясь въ постоянной борьбѣ съ собственными недостатками, человекъ приобретаетъ особенный даръ быстро прозрѣвать въ недостатки своихъ ближнихъ, – вы не повѣрите, какъ потомъ ярко бросаются въ глаза эти недостатки!

– А добрыя качества? спросила Marie.

– Имъ сочувствуетъ сердце на столько, на сколько то позволяетъ разумъ.

– И такъ, благочестивые слушатели... сказалъ Пустовцевъ, засмѣявшись.

– Заключение, отвѣчалъ Софѣинъ, представляю вывести вамъ.

– Куда намъ пускаться въ такую премудрость!

– Развѣ никогда и не пробовали?

– Не случилось.

– Напрасно.

– Я не охотникъ всматриваться въ чужіе недостатки.

– Не потому ли, что право это приобрѣтается сначала анализомъ своихъ собственныхъ?

– Нѣтъ, не потому; а боюсь, чтобъ у меня не зашелъ умъ за разумъ...

– А вотъ же, Владиміръ Петровичъ, смѣясь замѣтила Marie, – видно не боится этого.

– Этому господину и нечего бояться, сказалъ Пустовцевъ.

Marie не могла не замѣтить всей грубости такой выходки своего поклонника. Она медленно встала, и отошедши къ цвѣточной пирамидкѣ, начала разсматривать что-то.

Софьинъ, весь измѣнившись въ лицѣ, спокойно подошелъ къ Пустовцеву и сказалъ тихо:

– Надѣюсь, что вы не оставите безъ объясненія вашихъ дерзкихъ словъ.

– Не надѣйтесь; онъ и безъ того ясны.

– Для васъ, можетъ быть, – но не для ме-

ня; — сознаюсь, я въ такихъ вещахъ невѣжда.

— Какъ и во всѣхъ другихъ, громко сказалъ Пустовцевъ, небрежно поднимаясь съ канапе. Онъ подошелъ къ Marie, и подавъ ей руку, вышелъ въ залу.

Ошеломленный такою дерзостью, СоФинъ вздрогнулъ и потомъ остался неподвиженъ. Голова его кружилась, кровь прилиwała къ сердцу. Въ гостиную вошелъ Племянничковъ, обмахиваясь платкомъ.

— Ѳедоръ Степанычъ! глухо проговорилъ СоФинъ. Потрудитесь, пожалуйста, зайти ко мнѣ завтра утромъ.

— Во какое время, дяденька, я весь къ вашимъ услугамъ, отвѣчалъ Племянничковъ, комически разшаркиваясь.

— Владиміръ Петровичъ! вопилъ Онисимъ Сергеевичъ, остановясь у дверей между залой и гостиной. Подите-ка сюда, пожалуйста, подите! Ну не злодѣй ли, ну не разбойникъ ли этотъ Пустовцевъ? Вѣдь вишь какую фигуру выдумалъ! Отродясь не видывалъ! А ужъ въ наше ли время не откальвали мазурки?

Скрывая въ себѣ волненіе, СоФинъ подошелъ къ Небѣдѣ и бездѣльно сталъ

смотря въ залу. Замысловатая фигура кончилась. Софьинъ однакожь замѣтилъ, какъ Marie говорила что-то съ жаромъ, какъ Пустовцевъ отвѣчалъ ей – и эта небрежность, это дерзкое молодечество, съ какимъ онъ принималъ, по видимому, горячія рѣчи своей дамы, чуть-чуть не взорвали на воздухъ все благоразуміе Софьина. Незамѣтно оставилъ онъ Небѣду, и потупивъ голову, усѣлся на прежнемъ мѣстѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ быстро подошелъ къ нему Племянничковъ. Онъ былъ блѣденъ, и дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

– Успокойтесь, сказалъ онъ; я все знаю.

Софьинъ поднялъ голову.

– Я ужь кончилъ, продолжалъ онъ.

– Что такое?

– Mademoiselle Marie просила меня уладить между вами и Пустовцевымъ... я ужь кончилъ... она мнѣ все рассказала...

– Чтожь она могла вамъ рассказать?

– Ужь что бы ни рассказала, только я сдѣлалъ свое дѣло.

– Чтожь вы сдѣлали? съ нетерпѣливой досадою спросилъ Софьинъ.

– Что слѣдуетъ.

– Да чтоже, спрашиваю васъ?

– Вотъ что: отъ своего и отъ вашего имени, сказалъ Пустовцеву, что онъ... скоть.

– Ахъ, Боже мой! вскрикнулъ Софьинъ, вскочивъ съ канапе: кто васъ просиль?... Цсъ, молчите! сказалъ онъ шопотомъ, сжавъ руку Племянничкова и завидѣвъ издали Marie, которая шла по направленію къ нему: никому ни слова! Уйдите!

Племянничковъ, пожавъ плечами, отошелъ, а Софьинъ сѣлъ, стараясь принять видъ безпечный и веселый.

– Владиміръ Петровичъ! сказала Marie, подавая руку, вы одни?

– Нѣтъ, теперь насъ двое, отвѣчалъ Софьинъ, пробуя улыбнуться.

– Простите меня!

– Васъ? Это что значитъ?

– Вы за меня обижены.

– Ктожь могъ меня обидѣть?

– Не скрывайтесь; я все вижу.

– На этотъ разъ, грустно сказалъ Софьинъ, вы точно видите дальше, чѣмъ нужво.

– Отъ чегожь только на этотъ разъ?

– Отъ того, что во всѣ другіе разы вы не хотите видѣть и того, что дѣлается у васъ передъ глазами, сурово отвѣчалъ онъ.

– Ахъ, говорите, говорите! Я заслужила ваши упреки, сказала Marie, опустивъ голову, и глаза ея увлажнились слезами.

Софьинъ не могъ не замѣтить этой просто-сердечной, дѣтской покорности, и почувствовалъ сожалѣніе къ невинному созданію, обольщаемому змѣемъ-искусителемъ.

– Марья Онисимовна, съ чувствомъ сказала онъ, – ищите въ моихъ словахъ не упрека, а искренняго сожалѣнія. Вы не видите той бездны, какая шире и шире раскрывается всякую минуту подъ вашими ногами. Умоляю васъ, для васъ же самихъ, поберегите себя! Всякое оскорбленіе, относящееся лично ко мнѣ, отъ такого человѣка, какъ Пустовцевъ, я перенесу спокойно: но стану поперекъ дороги обольстителю, разсчитывающему на васъ, какъ на свою жертву. Я знаю, онъ ненавидитъ меня, ибо чувствуетъ, что я прозрѣваю тайныя его замыслы; а для людей, заглушившихъ въ себѣ голосъ совѣсти, присутствіе такого наблюдателя, какъ я, тяжело т

непріятно. Не скрываю, онъ оскорбилъ меня, страшно оскорбилъ. Такое оскорбленіе требуетъ крови...

Вся блѣдная и трепещущая, Marie, схватила руку Софьи и пугливо оглядывалась вокругъ, какбы боясь, чтобъ кто нибудь не подслушалъ послѣднихъ его словъ.

— Успокойтесь, Марья Оннсимовна; дослушайте меня...

Но не дослушала блѣдная дѣвушка. Голова ея упала на грудь, руки опустились и безчувственная, она стала холодна, какъ мраморъ.

Софьинъ, самъ не зная что начать, схватилъ колокольчикъ, стоявшій на столѣ и зазвонилъ во всю силу. Тревога сдѣлалась общою. Подбѣжавшія дамы схватили Marie и утащили въ уборную. Мадамъ Небѣда сочла нужнымъ тоже "сомлѣть", и тоже заставила хлопотать около себя досужихъ благодѣтельницацъ. Танцы разстроились. Самъ Ключенгутъ вышелъ изъ своей нѣмецкой апатіи и пропустилъ игру съ падицей и маницей. Софья Кузмишина успокоивала всѣхъ и каждога увѣреніями, что это не больше, какъ обыкновенный обморокъ, а между тѣмъ улыбалась

какъ-то предательски. Одинъ Онисимъ Сергеевичъ не растерялся; увидавъ, изъ-за чего произошла суматоха, онъ спокойно воротился къ столу съ картами въ рукахъ. — "Затанцовалась, сказалъ онъ, усаживаясь въ кресло, — затанцовалась, вотъ и все! А все шнуровка дьявольская виновата. Чей ходъ?"

Софьина уже не было въ залъ. Онъ ретировался, не желая быть свидѣтелемъ развязки этого произшествія.

На другой день рано, только что Софьинъ пробудился съ безпокойнаго сна, ему подали пакетъ, запечатанный, какъ замѣтно, съ торопливой поспѣшностью.

— Отъ Небѣдов-съ, сказалъ Никита.

Софьинъ открылъ посылку. Это былъ третій томъ какого-то французскаго романа; ясно, что его прислали не для чтенія. Софьинъ проворно пересмотрѣлъ книгу, даже встряхнулъ ее, держа за крышки, но ничего не выпало. Онъ началъ переворачивать по одиночкѣ каждый листъ, и на одномъ изъ нихъ увидѣлъ слова, два раза подчеркнутыя карандашомъ: *avez pitié de moi et ne me perdez pas!* Онъ остановился надъ этимъ воплемъ

юной, испуганной души и задумался.

Тяжело было его положеніе! Онъ понесъ оскорбленіе смываемое только кровью; онъ видѣлъ себя жертвою страшнаго предрасудка, отступить отъ котораго значило бы пойти противъ свѣта, — а свѣтъ никогда не прощаетъ нарушенія своенравныхъ своихъ законовъ; онъ хорошо зналъ, что во всякомъ случаѣ долженъ стать притчей толпы и подвергнуть доброе и честное имя свои толкамъ и пересудамъ, что какъ ни поступилъ бы онъ въ настоящемъ случаѣ, все найдутся люди, которые заговорятъ, и завопятъ противъ него. Не могъ не видѣть онъ и того, что, послѣдовавъ общему предрасудку, онъ рискуетъ сдѣлаться преступникомъ закона, который въ этомъ пунктѣ, виляя направо и налѣво, является безсильнымъ и жалкимъ противникомъ общественнаго мнѣнія и бьетъ уже лежачаго. Но при всемъ томъ онъ чувствовалъ, что требуемый свѣтомъ исходъ этого произшествія страшно убьетъ еще незапятнанное имя юнаго созданія, бросить его въ омутъ сплетней, клеветы и злословія, что рады будутъ люди забросать грязью прекрасный цвѣтокъ, Толь-

ко что поднявшійся отъ земли, что, произвольно избравъ себя хранителемъ душевнаго эдема неопытной дѣвушки, онъ тѣмъ же самымъ пламеннымъ оружіемъ, которымъ поклялся охранять, поразить ее смертельнымъ ударомъ, что безсовѣстный противникъ его готовъ будетъ во всякомъ случаѣ воскурить еиміамъ своему тщеславію, не щадя никого и ничего. Все это путалось и мѣшалось въ головѣ Софьина; наморщивъ лобъ, онъ долго сидѣлъ и думалъ, наконецъ рѣшился...

— Здравствуйте, батюшка Владиміръ Петровичъ! раздались надъ самымъ его ухомъ.

Софьинъ вздрогнулъ. Передъ нимъ стоялъ Небѣда, съ протянутой рукой; видно было, что старикъ сильно разстроены.

Софьинъ медленно поднялся и пожалъ руку гостя, извиняясь, что онъ засталъ его такимъ неряхой.

— Что тутъ толковать? Дѣло утреннее. Я бы и самъ теперъ... того... да вотъ видите... энтото... какъ ваше здоровье?...

Видно опять было, что старикъ никакъ не могъ приступить къ дѣлу, по которому пріѣхалъ такъ рано. Не дожидаясь отвѣта,

онъ началъ ходить по залъ, потирая себѣ лобъ и кряхтя какъ-то особенно. По привычкѣ держать себя немного на бокъ, Небѣда теперь почти совсѣмъ перегнулся на лѣвую сторону и по временамъ взглядывалъ изподлобья на Софьина, который подъ вліяніемъ недавно передуманнаго имъ еще не собрался съ мыслями и стоялъ у стола, опустивъ голову.

– Славная нынче погода, сказалъ Небѣда – и совралъ: погода была вовсе не славная, а такъ, ни то ни сѣ; извѣстно, какъ бываетъ осенью.

Софьинъ машинально поглядѣлъ въ окно и не сказалъ ни слова.

– Вы, видно, никуда не располагаете сегодня? опять заговорилъ Небѣда.

Софьинъ поглядѣлъ на него и опять не сказалъ ни слова.

– Правда, продолжалъ Небѣда, оно и рано еще... можетъ быть... И не докончивъ рѣчи, Небѣда прибавилъ шагу, и сталъ почти бѣгомъ ходить изъ угла въ уголъ.

– Жена моя велѣла вамъ кланяться, сказалъ онъ скороговоркой, не глядя на Софьина.

Софьинъ улыбнулся.

– И дѣти тожь.

– Онисимъ Сергенчъ! сказалъ наконецъ Софьинъ. Вы, какъ вижу, въ затруднительномъ положеніи.

– Да въ такомъ, батюшка, затруднительномъ, что лихому татарину не пожелалъ бы.

– Вы пожаловали ко мнѣ не за тѣмъ такъ рано, чтобъ узнать о моемъ здоровьѣ, чтобъ сказать, какова на дворѣ погода, или чтобъ передать мнѣ поклонъ отъ Соломонида Егоровны.

– Я и самъ знаю, что не за тѣмъ, да чортъ его знаетъ, какъ приступить къ дѣлу-то.

– Просто, Онисимъ Сергевичъ, говорите мнѣ все, что у васъ на душѣ.

– Эхъ, сказалъ старикъ, брякнувшись въ кресло всею корпусомъ, – на душѣ! Мало ли что у меня на душѣ! Да языкъ-то проклятый не ворочается.

– Ну, такъ я пособлю вамъ, сказалъ Софьинъ, усаживаясь противъ него.

– Пособите, батюшка, пожалуста, пособите.

– Вамъ угодно узнать отъ меня причину вчерашняго обморока Марьи Онисимовны.

– Не то!..

– Можетъ быть, потребовать объясненій, почему я вслѣдъ за тѣмъ убрался такъ скоро отъ Клюкенгутовъ?

– Опять не то!

– Такъ чтожь такое?

– А вотъ что: Магiа больна.

– Больна?!..

– Да, больна, и чѣмъ это кончится, не знаю. Я оставилъ дома доктора; говорить что у ней какая-то тамъ нервная чтоль горячка. И березовка не помогаетъ.

– Боже мой!

– Чего тутъ – Боже мой! Она все бредитъ какою-то дуэлью; твердитъ о васъ да о Пустовцевѣ, вотъ я пріѣхалъ къ вамъ!

– Что же вамъ угодно отъ меня?

– Эхъ, какіе вы, право, Владиміръ Петровичъ! Я жь говорю съ вами, какъ съ человѣкомъ умнымъ и разсудительнымъ. Вы вѣдь не чета тому вѣтрогону.

– Кому это?

– Извѣстно кому, – Пустовцеву.

– Давно ли вы такого объ немъ мнѣнія?..

– Всегда такъ объ немъ думалъ.

– Послѣ этого я васъ не понимаю!

– Диковина, коли я самъ себя не понимаю.

– Скажитежь, пожалуста, Онисимъ Сергевичъ... или нѣтъ, ужь лучше помолчу.

– Чего тутъ молчать, коли дѣло само за себя говоритъ? Я дуракъ – вотъ и все! Ну, да вотъ какъ женитесь, батюшка, такъ узнаете, что значить жена-баба.

– Все таки я не понимаю васъ, Онисимъ Сергеевичъ.

– А я такъ понимаю васъ. Вы поссорилась съ Пустовцевымъ, наговорили ему дерзостей, впутали сюда Машу, да еще того... и на дуэль его вызываете.

– Кто я? Богъ съ вами! Чтобъ я сталъ ронять себя, говоря Пустовцеву дерзости! Чтобъ я осмѣлился шутить репутаціей дѣвушки! Нѣтъ, Онисимъ Сергевичъ, вы, значить, худо меня знаете.

– Да помилуйте, батюшка! Вчера самъ же онъ рассказывалъ всѣмъ у Ключенгутовъ, что Маша вить не выдержала грубостей и колкостей, какія вы отпускали тамъ на его счетъ, да и ее мимоходомъ вишь задѣвали....

– Га, коль скоро такъ....

– То что же?

– Позвольте умолчать объ этомъ. Вы увидите...

– Нѣтъ, не увижу! сказалъ Небѣда, быстро поднявшись съ кресла; онъ былъ блѣденъ, глаза его горѣли, губы дрожали. – Не увижу, батюшка Владиміръ Петровичъ! Первый непріязненный шагъ вашъ къ Пустовцеву убьетъ меня старика. Я видѣлъ и вижу только мою Машу... Я пришелъ къ вамъ, не какъ примиритель, и, какъ отецъ!.. Чего вы хотите? Дратся? Но взяли ли вы въ толкъ то, что между вами двумя будетъ стоять глупая, несчастная дѣвушка? Пули ваши, можетъ быть, не коснутся ни одного изъ васъ, а можетъ только оцарапають праваго или виноватаго: но объ они вопьются въ честное имя дѣвушки, и пропала она на вѣки вѣчныя! Владиміръ Петровичъ! Я вѣдь..... я...

Онъ еще хотѣлъ что-то сказать, но волненіе было такъ сильно, что онъ долженъ былъ ухватиться за горло. Оправившись нѣсколько, Небѣда вскрикнулъ: Эй, кто тамъ? Воды дай, болванъ!

– Успокойтесь, Онисимъ Сергеевичъ! сказалъ Софьинъ, усадивъ его въ кресло, – успо-

койтесь и будемъ говорить хладнокровнѣй.

– Будемъ, пожалуй, почемужъ, – отвѣчалъ Небѣда, проглотивъ стаканъ воды,

– Вамъ худо передали дѣло.

– Да кой чертъ разобралъ бы въ этой ку-терьмѣ что нибудь похожее на правду! Послѣ бѣгства вашего отъ Клюкенгутовъ поднялась такая, батюшка, катавасія, что святыхъ вонь выноси. Мошенникъ Пустовцевъ, только ухмылялся да подсмѣивался; ну, да постой, доберусь я до него! Барыни, какъ трещотки, ударили тревогу, а васъ чуть не произвели въ атаманы разбойниковъ ей-богу, правда!

– Теперь видите, Онисимъ Сергеичъ, како-во мое положеніе?

– Плохо, нечего сказать.

– Не стану передавать вамъ тѣхъ оскорбленій, какими надѣлилъ меня Пустовцевъ, пусть умрутъ онѣ въ душѣ моей. Богомъ свидѣтельствуюсь, что я получилъ ихъ неза-служенно! Вина моя лишь въ томъ, что съ нѣкотораго времени я зорко слѣжу за всѣми поступками этого негодяя, что я мѣшаю ему запутывать вашу дочь въ сѣти, которыхъ вы не видите, или видѣть не хотите.

– Э, да когда мнѣ!

– Ахъ, Онисимъ Сергеичъ! Не вамъ бы это говорить, не мнѣ бы слышать! Можетъ ли отецъ извиняться въ такихъ важныхъ случаяхъ недосугомъ?

– А не можетъ, ей-богу, не можетъ! Да вы, Владиміръ Петровичъ, хорошенько, хорошенько меня – стараго дурака!

– Отношенія, Пустовцева къ вашей дочери слишкомъ... наглядны: они шепчутся вдали отъ васъ и отъ всѣхъ; они на публичныхъ гуляньяхъ ходятъ рука объ руку.

– Ну, да, да! Въ столицахъ это ни почему, а провинціи нельзя – это точно.

– Они пересылаютъ другъ другу замѣтки въ книгахъ.

– Фу, ты пропасть! Въ книгахъ – прошу покорно! какъ нынче молодежь-то ухитрилась! Ну догадайся жь тутъ!

Почти оскорбленный простодушнымъ и холоднымъ тономъ, какимъ произнесены были эти слова, Софьинъ замолчалъ и въ душѣ его на одну минуту родилась мысль: ужь жалѣть ли ему этого старика, который такъ легко принимаетъ рѣзкія его замѣтки? Ужь

цадить ли ему дѣвушку, которая сознательно шутить и играетъ стыдомъ и мнѣніемъ свѣта?

– Продолжайте, продолжайте, Владиміръ Петровичъ, чтожь вы остановились? Пожалуста, продолжайте, говорилъ Небѣда, не поднимая головы.

– Мнѣ кажется, что вы шутите, Онисимъ Сергеевичъ.

– Ахъ, батюшка! Да какъ у васъ языкъ повернулся сказать это? Шутите, – хороша шутка! Дѣло тутъ идетъ о моей дочери; пылкость-то ваша убьетъ и Машу и меня-старика! Нѣтъ; тутъ не до шутки! Тутъ, батюшка, кровь говоритъ!

– Холодно однакожь она говоритъ у васъ.

– Да что жь мнѣ на стѣну чтоль лѣзть? Въдь я знаю, съ кѣмъ имѣю дѣло! Ни съ вертопрахомъ, не съ болтуномъ какимънибудь, а съ человѣкомъ умнымъ и солиднымъ...

– Который однакожь, продолжилъ Софьянъ, и при качествахъ, вами ему приписываемыхъ, все таки можетъ быть рабомъ предразсудковъ и обычаевъ свѣта.

– Дурацкаго! крякнулъ Небѣда. А умные

люди никогда не бывают рабами дураковъ, – вотъ что!

Софьинъ улыбнулся.

– Вотъ такъ бы я давно! сказалъ Небѣда, подмѣтивъ эту улыбку. Полноте жь! Дайте мнѣ старику руку: вы не будете щетиниться, какъ звѣрь, а поступите въ этомъ скверномъ дѣлѣ, какъ человѣкъ благородный и разсудительный. Владиміръ Петровичъ! Въ вашихъ рукахъ честь и имя дѣвушки; отъ васъ зависитъ мое спокойствіе, жизнь моя! Пощадите жь хоть меня-то на старости лѣтъ!

И опять засвѣтилось задушевное чувство въ глазахъ этого оригинала.

– Вотъ же вамъ рука моя, Онисимъ Сергеичъ! Я не огорчу васъ ничѣмъ, хоть это дорого, ой, дорого мнѣ будетъ стоять!

– Пустяки! я все улажу; будьте благонадежны. Прощайте жь, пора мнѣ. Жена еще велѣла заѣхать въ кондитерскую... тамъ какой-то рецептъ взять... для пирожнаго, чтоли. Приѣзжайте жь къ намъ!

Долго стоялъ на одномъ мѣстѣ и глядѣлъ вслѣдъ уже пропавшаго гостя Софьинъ. Что было на душѣ его – извѣстно Богу Одному.

Въ прихожей послышался голосъ Племянничкова. Софьинъ сѣлъ въ кресло.

— Являюсь по приказу вашему, дяденька, сказалъ Племянничковъ, устанавливая въ уголъ толстую палку.

— Благодарю за аккуратность, съ улыбкой отвѣчалъ Софьинъ.

— Ну-съ, такъ какъ же-съ? спрашивалъ Племянничковъ, усѣдшись въ кресло и складывая руки на груди.

— Все обстоитъ благополучно.

— Ой ли? Ну, я хорошо. Гдѣ же?

— Что такое?

— Да полно намъ въ загадки-то играть! Теперь, какъ видите, еще рано; а ужъ весь городъ трубитъ о вчерашнемъ происшествіи.

— Весь городъ? А позвольте узнать, кто жъ извѣстилъ его объ этомъ?

— Станный вопросъ! Вы ударили въ колоколъ, и хотите, чтобъ никто того не слышалъ.

— Мой колоколъ, Ѳедоръ Степанычъ, былъ безъ языка и звонить было нечѣмъ. Желалось бы знать, кто взялъ на себя обязанность быть языкомъ?

— Да хоть бы я!

– Вы не были къ этому уполномочены, точно также, какъ и вчера не были уполномочены къ тому, чтобъ отъ моего имени говорить грубости Пустовцеву.

– Что это значить, Владиміръ Петровичъ?

– Ничего особеннаго; только вы разыграли роль того услужливаго дурака, который со-сигналъ муху со лба друга увѣсистымъ бульжникомъ

– То есть, "услужливый дуракъ опаснѣе врага?"

– Я не говорю этого.

– А подразумѣваю?

– Да полноте! Поговоримъ хладнокровнѣй. Извѣстное дѣло, противъ моего ожиданія, приняло совсѣмъ другой оборотъ. Хоть по вашимъ словакъ, и весь городъ трубитъ о вчерашнемъ произшествіи, и конечно, ждетъ отъ насъ интереснаго спектакля; но на этотъ разъ я не намѣренъ потѣшать его празднаго любопытства, я рѣшительно объявляю вамъ, что презираю Пустовцева и отказываюсь дать ему почувствовать все неприличіе вы-ходки...

– Чинно и учтиво! съ ѣдкой ироніей сказа-

ль Племянничковъ. Это значитъ въ переводѣ: мы струсили.

– Ѳедоръ Степанычъ!.. вскрикнулъ Софьянъ, вскочивъ съ кресла.

– Что прикажете? спокойно отвѣчалъ Племянничковъ, не перемѣнивъ положенія и смотря прямо въ глаза Софьину.

– Прошу меня избавить отъ подобныхъ выводовъ!

– Извольте. А какъ прикажете избавиться отъ насмѣшекъ, которыми осыплютъ и васъ и меня, имѣющаго честь пользоваться титуломъ ближайшаго вашего пріятели?

– Очень легко. Смѣйтесь надо мной вмѣстѣ съ другими, только, пожалуста, за глаза. ;

– Нѣтъ-съ, Владиміръ Петровичъ, серьезно сказалъ Племянничковъ, медленно поднимаясь съ кресла, – не ожидалъ я отъ васъ этого! Столько времени я зналъ васъ, какъ человѣка.... ну, да что толковать!..

И взявъ падку, не подавъ даже руки Софьину, Племянничковъ затянулъ въ полголо-са: "вотъ развалины тѣ" и вышелъ.

Такъ началась казнь свѣта за презрѣніе къ его предразсудкамъ и обычаямъ! Конечно,

у Софьи́на стало бы духу пропустить мимо ушей дерзкую рѣчь вѣтренника, но вѣдь и всѣ-то особи, изъ которыхъ слагается общественное цѣлое, малымъ чѣмъ основательнѣй и разумнѣй этого болтуна...

Быстро пошелъ Софьинъ къ себѣ въ спальню, твердой рукой отперъ щегольской ящикъ, вынулъ оттуда богатые пистолеты, осмотрѣлъ курки, зарядилъ одинъ изъ нихъ и съ воспламененнымъ отъ гнѣва лицомъ бросился на широкій диванъ. Закинувъ голову, онъ закрылъ глаза, держа въ рукѣ заряженный пистолеть.

— Сотворите милостинку, Христа ради! слышалось у окна, выходявшаго на дворъ.

Софьинъ бѣшено вскочилъ съ дивана, схватилъ мѣдныя деньги, валявшіяся на столѣ, и отворивъ окно, швырнулъ ихъ нищему.

— Эхъ, батюшка баринъ! За чѣмъ такъ бросать добро Божіе? Ино мѣсто бросишь такъ, что и не подберешь опосля, да и Господь спросить: за чѣмъ ты-моль разбрасываль, что Я тебѣ далъ, по милости моей?

Подобравъ деньги, нищій удалился мед-

ленго, крестясь и приговаривая: "продли Царица Небесная жизнь твою; пошли тебѣ Господи душеньки твоей спасенья....

Софьинъ стоялъ, какъ оглушенный. Это случайное... да полно случайное ли оно? Не видѣнь ли тутъ персть Божій? Мы привыкли все приписывать случаю, дѣтски удовлетворяясь бессмысленными объясненіями многихъ, непостижимыхъ уму нашему, встрѣчь въ нашей жизни, – и замѣчательно, что чѣмъ выше становится человекъ въ такъ называемомъ образованіи, тѣмъ охотнѣе хватается онъ за это безтолковое объясненіе. А попробуйте-ка убѣдить въ случайности какогонибудь явленія ребенка или человека простаго, – оба они вытаращатъ на васъ глаза и ровно ничего не поймутъ изъ вашихъ словъ. Скажите же имъ, что на все дескать воля Божія, что то или это случилось такъ потому, что Богъ такъ устроялъ, – они поймутъ васъ тотчасъ и останутся покойны. Да, что утаено отъ премудрыхъ и разумныхъ, то открыто младенцамъ...

Но не будешь спорить съ современными умниками; положимъ даже, что случай привелъ этого нищаго подъ окно, — довольно того, что мятежная душа Софьяна потряслась какбы отъ электрическаго удара и почувствовала сначала какое-то непостижимое умиленіе, а потомъ твердость и рѣшимость на борьбу съ тѣмъ, что страшнѣе меча и пистолета. Онъ взглянулъ на икону — давнее благословеніе своего отца, и благословляющая рука Спасителя показалась ему грозящею десницей. Въ какомъ-то непонятномъ страхѣ онъ выпустилъ изъ рукъ пистолетъ, и не смѣя поднять долу опущенный взоръ, тихо опустился на диванъ и закрылъ лицо руками.

— Баринъ! сказалъ Никмта, осторожно заглядывая въ дверь.

— Что тебѣ?

— Тамъ какой-то господинъ васъ спрашиваетъ.

— Проси и дай мнѣ одѣться.

— Bonjour, monsieur Чикарскій! сказалъ Софьянъ, выходя черезъ нѣсколько минутъ въ залу. Прошу садиться.

Чикарскій пѣтушкомъ подскочилъ къ Со-

фьину, схватилъ его руку, сильно потрясъ ее и повалился въ кресло съ развязностью отчаяннаго джентльмена.

Это было твореніе, къ которому какъ нельзя лучше шли слова Шекспира, что онъ въ лучшія свои минуты немного хуже человѣка, а въ худшія немного лучше скота. Всегда разодѣтый шикомъ, всегда завитой, онъ на всевозможныхъ вечерахъ и собраніяхъ являлся именно тѣмъ, что называетъ Пушкинъ "вездѣ встрѣчаемымъ лицомъ, необходимѣйшимъ глупцомъ;" впрочемъ онъ смѣло могъ повторить о себѣ слова поэта:

Мы всё учились понемногу и проч,

И дѣйствительно, это ничтожное во всемъ прочемъ созданіе блистало и даже «дивило свой муравейникъ». Онъ былъ недурень со бой, болталъ немного по-французски, умѣлъ кстати прислужиться, "подставить стулъ, поднять платокъ и моську вовремя погладить", могъ въ добрый часъ склеить *bon mot*, явиться третьимъ для преферанса съ какимънибудь лысымъ сіятельствомъ и толстымъ превосходительствомъ. За то его и принимали

всюду, и даже выговаривали, если онъ не являлся на условленные четверги и пятницы. Но дорого платилъ бѣднякъ за такое вниманіе къ нему общества. Въ холостыхъ пирушкахъ его заставляли пить разносортную смѣсь, щелкали по носу, всключивали его прическу, обливали шампанскимъ и выбирали мишенью для тупыхъ и часто площадныхъ остротъ. Никто не могъ понять, откуда этотъ голякъ доставалъ средства къ жизни, даже довольно комфортабельной. Нѣкоторые увѣряли, что его снабжала всею одна почтенная вдова, старательно подкрашивавшая свои сѣдые волосы и остановившая счетъ лѣтамъ своимъ на тридцать шестомъ году. Впрочемъ никто не выдавалъ этого за вѣрное: но всѣ знали, что отецъ Чикарскаго былъ управляющимъ у какого-то мелкопомѣстнаго польскаго пана, что, потерявъ это мѣсто, онъ пустился въ адвокатство – самое прибыльное ремесло въ томъ краю, что импровизированный юристъ, обманывая вѣрителей своихъ, бралъ съ нихъ и правой и лѣвой рукой во имя блюстителей правосудія, и что потомъ, начавъ венгерскимъ, кончилъ русскимъ напит-

комъ, спился въ кругу и пропаль безъ вѣсти. Такая родословная Чикарскаго не много давала ему во мнѣнїи свѣта: но вѣдь свѣтъ не всегда бываетъ взыскателенъ и разборчивъ. Кади лишь его кумиру, а какая у тебя кадилъница, съ гербомъ ли графскимъ или просто глиняная, – до этого ему дѣла нѣтъ. Къ этой характеристикѣ гостя Софѣина нужно еще прибавить то, что Чикарскій былъ полякъ и предурно говорилъ по русски, тщеславясь однакожь этимъ предъ членами своего муравейника.

– Чему я обязанъ удовольствїемъ видѣть васъ у себя? холодно я строго спросилъ Софѣинъ.

– Ależ iaki pan ostry!

– Нельзя ли вамъ говорить со мной по русски? Я плохо понимаю по польски.

– Mówie prosto, przyezedłem do pana, żeby skonczyć interes między panem a panem Pustowcewym.

– Ха, ха, ха, ха, ха! Такъ онъ васъ выбралъ въ посрединки?!

– No, i coż takiego? сказалъ Микарскій, обидясь.

– А вотъ что: никакъ не думаль я, чтобъ Пустовцевъ, позволяющій себѣ быть дерзкимъ, рѣшилъ теперь пускаться въ такія шутки.

– Coż tutaj za żarty? Ja mówie, żeby pan przysłał swego sekundanta, грозно произнесъ Чикарскій.

– Послушайте, милостивый государь, дѣло между нами такъ серьезно; постъ, занимаемый и мной и Пустовцевымъ, такъ не мало-значителенъ, что вашему пленнопотенту не мѣшало бы позаботиться пріисканіемъ другаго, болѣе стоящаго посредника.

– Ого! сказалъ Чикарскій, вставая и выпрямляясь. То панъ мени обижаетъ?

– Можетъ быть.

– То панъ не мыслить, że za to możesz sie przurzącic?

– Не мыслю.

– A gdy ia zapotrzebuie tego?

– Do usług pańskich, aie napotém.

– Jak mamę kocham, to strach, iaki pan ostry, говорилъ Чикарскій, расхаживая большими шагами. Ale coż ia powiem panu Pustowcowi?

– Перескажете, что я сейчасъ говорилъ

вамъ, да кстати прибавьте, что по нѣкоторымъ весьма уважительнымъ, но не зависящимъ отъ меня, причинамъ, драться съ нимъ не стану. Понимаете?

– Гмъ, добрже. No, i iakże pan myslisz ze mna? сказала Чикарскій, подбоченясь, въ полномъ убѣжденіи, что Софьинъ уже струсилъ.

– Съ паномъ? Bardzo chętnie!

– Ale na czëm?

– Na kartofliach.

– Prosze nie żartować! грозно воскликнулъ Чикарскій, принявъ воинственную позу и откинувъ назадъ голову.

– А я вамъ вотъ что скажу: если вы не убегаетесь отсюда подобру поздорову, то а выкину васъ въ окошко.

– Со?

– Въ другой разъ я не люблю повторять подобныхъ вещей.

– А iakże pan to możesz zrobić?

– А вотъ какъ, – и Софьинъ потянулся къ колокольчику.

– To niech że pan się nie fatyguie... Ależ iaki pan ostry! Do widzenia!

– До мілего.

Чикарскій вышелъ, оставивъ Софѣина въ положеніи человѣка, нечаянно ступившаго обѣими ногами въ лужу у самага подѣзда къ дому, гдѣ онъ располагалъ щегольнуть изряднымъ костюмомъ и отлично вылакированными сапогами.

Но шутки въ сторону, а дѣло Софѣина плохо, очень плохо. Взгляните, вонъ неподалеку отъ его квартиры, Чикарскій съ сильными жестами рассказываетъ что-то двумъ попавшимся господамъ, которыхъ самъ Грибоѣдовъ не нашелся какъ лучше опредѣлять, назвавъ ихъ только надстрочными буквами. Чикарскій говоритъ, что Софѣинъ "барзо перетрусился", что онъ – Чикарскій "настрашилъ его добрже", когда за Пустовцева вызвалъ его даже "самъ-на-самъ", что онъ чуть не валялся у него въ ногахъ, "найнизше" прося защиты и ходатайства передъ "паномъ Пустовцевымъ" и что онъ почитаетъ себя обязаннымъ уладить этотъ "интересъ якъ найдокладнѣй", для того что Софѣинъ "пршизвоитый члевѣкъ".

Надстрочные господа выслушали болтов-

ню Чикарскаго съ какою-то неполной довѣрчивостью и усмѣшками. Разставшись съ нимъ, они пошли разными дорогами, и вотъ одинъ изъ нихъ въ концѣ, а другой на самой срединѣ избранныхъ ими улицъ пустились въ рассказы, видимо изумлявшіе ихъ слушателей.

И пошло имя бѣднаго Софѣина гулять по городу, обставленное чудовищными сплетнями....

Глава девятая

Да и поднялась же суматоха между жителями богоспасаемого града! Образовались партіи: но всѣ онѣ согласны были въ томъ, что Софьинъ болѣе или менѣе виноватъ. Самые миролюбивые и отъ роду не застрѣлившіе воробья поднялись на дыбы, обвиняя Софьина въ нарушеніи законовъ, такъ называемой, чести. Хотя и всѣ считали Чикарскаго ничтожнымъ болтуномъ: но на этотъ разъ выслушивали его охотно, досадуя лишь на то, что панъ Чикарскій крѣпко противорѣчилъ въ своихъ показаніяхъ, и одному говорилъ то, другому иное. Племянничковъ тоже много вредилъ репутаціи давнишняго своего пріятеля, принимая, гдѣ случилось, его сторону и защищая весьма слабо, — обстоятельство, врядъ ли не опаснѣйшее всякой лжи и открытой клеветы. Дамы, почти всѣ безъ исключенія, приняли сторону Пустовцева, особенно тѣ, которыя любили въ стихахъ воззванія къ лунѣ и мечтѣ, а въ прозѣ пылали запретною страстію къ Правдинымъ и Печоринымъ. Самъ его превосходительство

изволилъ найти, что Софьину слѣдуетъ просить извиненія у благороднаго своего противника, и при свиданіи съ Софьинымъ, изложивъ краснорѣчиво превосходительныя свои обязанности и напомнивъ ему въ серьезномъ тонѣ о требованіяхъ чести, изъявилъ свое неудовольствіе; ея превосходительство, страстная поклонница *Героя нашего времени*, рѣшительно объявила, что Софьинъ человѣкъ не стоящій вниманія, и что дѣло его не можетъ обойтись безъ крови, въ слѣдствіе чего тогда же отдала приказъ не принимать Софьина.

Пустовцевъ торжествовалъ.

Состоя изъ одного лишь приличія Членомъ Клуба, учрежденнаго въ Дворянскомъ Собраніи стараніями Клюкенгута, который всѣми силами и мѣрами хотѣлъ оживить мертвенный остовъ губернскаго народонаселенія, Софьинъ почти никогда не бывалъ въ ономъ. Напрасно неизмѣнные клубисты резонировали передъ нимъ, доказывая, что Клубъ созданъ не для карточной лишь игры, а что таль легко найти пищу для ума и сердца, перечитывая, напримѣръ, газе-

ты и журналы, Софѣинъ не желалъ являться въ Клубъ за такою пищей, и только аккуратный платежъ, положенный съ каждаго Члена, не позволялъ Старшинамъ вычеркнуть его изъ списковъ.

Но въ одинъ ближайшій вечеръ, послѣ извѣстнаго происшествія, Старшины, Члены и Гости Клуба съ удивленіемъ увидѣли Софѣина въ Клубской залѣ. Сидѣвшіе за картами привычные посѣтители подняли головы и переглянулись между собой какъ-то значительно. У нѣкоторыхъ столовъ минуты ужъ черезъ три послышались вопросы: чей ходъ? или кому сдавать? — доказательство, что появленіе Софѣина не было что-либо обыкновенное, а развлекло вниманіе даже записныхъ поклонниковъ ломбера, ералаши и прерыанса — этой "однообразной семьи скуки и бездѣлья". За то минутъ черезъ пять все уже сидѣло въ прежнемъ положеніи, и ничто не могло пробудить замкнутую въ себѣ пассію людей положительныхъ.

Софѣинъ подошелъ къ одному изъ столовъ, вокругъ котораго сидѣло извѣстное число особъ, болѣе ему знакомыхъ. Онъ протянулъ

руку тому изъ нихъ, который, раскинувъ карты, сидѣлъ лишь въ созерцательномъ положеніи; этотъ съ своей стороны сдѣлалъ тоже, и не смотря на извѣстную всѣмъ привычку жать чужую руку до синихъ пятенъ и трясти ее безъ милосердія, прикоснулся къ рукѣ Софьина, точно къ раскаленному желѣзу. Другіе же господа, сидѣвшіе за тѣмъ же столомъ, даже не подняли глазъ, какбы не замѣчая того, къ кому не такъ давно наперерывъ бѣжали чуть не съ распростертыми объятіями. Софьинъ, постоявъ немного около играющихъ, улыбнулся и медленно отошелъ отъ стола.

– Безсовѣстный! сказалъ, ставя ремизъ, господинъ чрезвычайно похожій на майора Ковалева до отысканія потеряннаго имъ носа. – Какъ это онъ смѣлъ явиться въ общество людей благородныхъ?

– Дерзость неслыханная! подтвердилъ другой господинъ, собиравшій карты.

– Надо сдѣлать распоряженіе объ исключеніи его изъ Клуба, – заключилъ господинъ, похожій на майора Ковалева.

– Надо, непременно надо! повторили всѣ

хоромъ.

Софьинъ, разумѣется, не слышалъ такого остракизма. Онъ въ эту пору ведъ разговоръ съ Трухтубаровымъ, тѣмъ самымъ, что рассуждалъ о поэтахъ-то и носилъ владимира въ петлицѣ. Разговоръ происходилъ близъ другаго карточного стола. Сдача слѣдующей игры отложена до окончанія разговора; играющіе сидятъ въ разныхъ положеніяхъ – кто облокотясь на столъ, кто повалясь на покойномъ канapé.

– Да расскажите, пожалуста, спрашивалъ Трухтубаровъ, какъ это было?

– Къ чему такое любопытство? отвѣчалъ Софьинъ съ легкой улыбкой.

– Помилуйте, какъ къ чему? Толковъ такая пропасть, что, право, не знаешь, чему и вѣрить.

– Чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Каждый можетъ выбрать себѣ любой по своему вкусу.

– Но намъ бы хотѣлось отъ васъ слышать, отъ васъ самихъ, сказалъ господинъ язвительнаго свойства.

– Напрасно.

– Почему-же?

– Хотя бы потому, что слушатели мои весьма естественно должны предположить, что въ этомъ дѣлѣ я не могу быть безпристрастнымъ раскащикомъ.

– А очень любопытно было бы послушать, какъ бы повернули вы въ свою пользу дѣло, которое, по убѣжденію всѣхъ, отъ начала до конца говоритъ противъ васъ.

– Для этого у меня есть одинъ способъ.

– Какой же это-съ?

– Молчаніе.

– Знакъ согласія?

– Пожалуй, хоть и тамъ,

– Но понимаете ли вы, съ чѣмъ?

– Съ тѣмъ, что вы, господа, оставивъ важное дѣло, занимаетесь пустяками, съ улыбкой сказалъ Софьинъ. Не желаю мѣшать вамъ, прибавилъ онъ, медленно отходя отъ столика.

– Какой дерзкій! замѣтилъ Трухтубаровъ, глядя вслѣдъ Софьину.

– А знаете ли что, сказалъ господинъ язвительнаго свойства, приподнимаясь на канапе, на которомъ онъ лежалъ почти въ растяжку: ни проучить ли мнѣ этого наглеца?

– И, полноте! отвѣчалъ господинъ, смахивающій на Ноздревскаго зятя.

– Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, чтожь это такое? Какойнибудь тамъ.... смѣетъ говорить намъ въ глаза такія дерзости, продолжалъ господинъ язвительнаго свойства, болѣе и болѣе приходя въ азартъ.

– Да что жъ дерзкаго въ его словахъ? возразилъ господинъ, смахивающій на Ноздревскаго зятя.

– Вамъ хоть плюй въ глаза, все Божья роса!

– Ну, не знаю, Александръ Абрамычъ; до сихъ поръ мнѣ не плевали въ глаза, и потому я не могу судить, точно ли плевки имѣютъ сходство съ Божьей росой, а вотъ васъ такъ можно спросить: какого вкуса тумачи, которыми недавно накормили васъ у Дерабальскаго въ рестораціи армейскіе офицеры.

– Полноте, полноте, господа! перебилъ Трухтубаровъ. Благороднымъ людямъ стыдно считаться тумачами и плевками. Что кому за дѣло, что кума съ кумомъ сидѣла? Предлагаю вамъ средства къ примиренію; первое – не обращать никакого вниманія на эту сволочь-Софьяна, второе – продолжать пульку и тре-

тъе... эй, послушай! крикнулъ онъ проходившему официанту: бутылку шампанскаго! Расходы, однакожь, по поламъ, господа!

Такія дѣйствительныя мѣры примиренія очень понравились входившимъ уже въ азартъ игрокамъ, и они стали продолжать полезное занятіе въ мирѣ, ладу и согласіи. Благородные люди!..

— А, мусье Софьинъ! кричалъ Ермилъ Тихонычъ Ерихонскій, привилегированный весельчакъ и острякъ города В., васъ ли я вижу?

— Меня-съ.

— А я вѣдь полагаю, что вы убиты.

Гости Клуба, до которыхъ долетѣли эти слова привилегированнаго остряка, одни отошли подальше, а другіе, сидѣвшіе у ближайшихъ столиковъ, уткнули носы въ карты и подсмѣивались изъ-подлобья. Софьинъ все это видѣлъ; лицо его покрылось багровыми пятнами справедливаго негодованія; онъ чуть было не пустилъ подсвѣчникомъ въ голову остряка: но эта вспышка продолжалась лишь нѣсколько секундъ. Онъ снова принялъ заранѣе рассчитанный тонъ равнодушія и сказалъ съ спокойной улыбкой:

– Вы, конечно, пдакалибъ тогда по мнѣ!

– Плакаль бы? Мало того, что плакаль бы; стихи написалъ бы на смерть вашу.

– Видите, сколько хлопотъ надѣлала бы вамъ смерть моя! Безбожно же было бы съ моей стороны доводить васъ до того, къ чему вы такъ мало привыкли.

Но довольный своимъ остроуміемъ, Ерихонскій не счелъ нужнымъ продолжать разговоръ съ Софьинымъ и сдѣлавъ ногою какое-то мудреное па, отошелъ прочь.

– Мое глубочайшее почтеніе-съ! сказалъ Созонтъ Евстафьевичъ Тошный, который между прочими отличительными качествами имѣлъ еще одно: непобѣдимую охоту давать совѣты и принимать, по его словамъ, во всякомъ смертномъ искреннее участіе.

– Здравствуйте, Созонтъ Евстафьевичъ, отвѣчалъ Софѣинъ, подавая руку, которую Тошный пожалъ обѣими крѣпко на крѣпко.

– Какъ ваше здоровье?

– Какъ видите, здоровъ.

– Ну, не говорите! Вы страхъ какъ перемѣнились.

– Будто?

– Могу васъ увѣрить.

– Однакожь я не чувствую этого.

– Ну, не говорите! Вы, извините, точно изъ гроба подняты.

– Дурно ночь спалъ, да и послѣ обѣда не успѣлъ отдохнуть.

– Ну, не говорите. Васъ мучить душевное безпокойство, этакая... понимаете, болѣзнь моральная. Ужь я знаю-сь.

– Если знаете, спорить не стану и почитаю себя обязаннымъ благодарить васъ за такое глубокое вниманіе ко мнѣ.

– Надо быть твердымъ, Владиміръ Петровичъ, надо быть твердымъ; въ жизни человѣческой мало ли что случается, – да-сь.

– Очень хорошо это знаю.

– Ну, не говорите! Иное даже трудно и предвидѣть. Примѣръ недалеко. Предвидѣли ли вы такую непріятность, какая произошла между вами и Пустовцевымъ? А вотъ же произошла. Но противъ распоряженія судьбы нельзя спорить – да-сь. Надобно вооружиться великодушіемъ и перенесеніемъ ударовъ несчастія.

– Да съ чего же вы взяли, что я унываю?

– Оно и то сказать, есть отъ чего и унынію предаться, есть отъ чего. Это дѣло... дѣло... не такого сорта.

– Однакожь позвольте вамъ сказать, что вы на этотъ разъ ошиблись.

– Ну, не говорите. Я ошибиться не могу, увѣряю васъ въ этомъ. Нѣтъ-съ, батенька, проживите-ка съ мое, такъ и будете читать людей, какъ по писаному.

– Поздравляю васъ съ такой опытностью.

– Да-съ, это ужъ такъ! Однако, знаете ли что? Отойдемъ-ка къ сторонкѣ: я хочу поговорить съ вами подружески.

И подхвативъ Софѣина подъ руку, Тошный потащилъ его въ газетную комнату, гдѣ также встрѣтили Софѣина непріязненные взгляды и двусмысленныя улыбки.

– Вотъ видите ли, Владиміръ Петровичъ, заговорилъ Тошный, разставивъ ноги херомъ и держа его за пуговицу сюртука, – дѣло ваше съ Пустовцевымъ бросило на васъ, такъ сказать, тѣнь. Тутъ надо теперь умомъ поработать, да-съ, крючокъ поддѣть, на удочку, то есть, поймать, чтобъ онъ, знаете, ни туда ни сюда, дуэль ему этакую задать... по-нашенски,

понимаете?... Въ дѣлахъ-то онъ, я вамъ скажу, простоватъ и крайне неостороженъ, такъ вы... того... подстерегите какойнибудь промахъ этакой, да и въ пику ему, въ пику черезъ высшее начальство, чтобъ онъ, понимаете, зналъ да вѣдалъ, чувствовалъ да разумѣлъ. Ей-ей, правда-съ!

— Къ чему вы говорите мнѣ это, Созонтъ Евстфѣевичъ? сказалъ Софѣинъ съ маленькой досадой.

— Да вѣдь нельзя жъ этого дѣла такъ оставить!

— Послушайте, — если я отказался стать съ Пустовцевымъ на барьеръ при рукоплесканіяхъ свѣта, то неужьто соглашусь даже подумать когданибудь затѣять противъ него борьбу постыдную, низкую, которая въ тысячу разъ хуже, чѣмъ изъ за угла ножемъ пырнуть?

— Ну, не говорите! Я зналъ весьма многихъ почтенныхъ мужей, которые этимъ средствомъ лучше и чувствительнѣе всякой тамъ дуэли давали себя знать своимъ противникамъ.

— И на здоровье имъ!

— По мнѣ, вотъ это я есть настоящая дуэль!

И опасности никакой, и имя честное не стра-
даетъ.

Софьину становилось даже дурно отъ та-
кихъ благоразумныхъ совѣтовъ. Чуть-чуть не
послалъ онъ къ чорту своего собесѣдника и
думалъ, какъ бы избавиться отъ него
поприличнѣй.

— Вы долго тутъ останетесь? сказалъ онъ
такъ, чтобъ сказать что нибудь.

— Нѣтъ-съ, сей часъ домой. Я думалъ
встрѣтить тутъ Авксентія Павловича; нужно
посоветовать ему тамъ кое-что; некстати
остороженъ да и щекотливъ немножко, вотъ
не хуже васъ. Съ правдою, батенька, теперь
далеко не уѣдетъ.

— А супруга ваша здорова?

— Покорнѣйше благодарю-съ. Саша у меня
все дома; скучаетъ, бѣдненькая. Вѣдь безъ
меня ни-ни, никого не приметъ; такая
застѣнчивая и робкая. Да, кстати вотъ напо-
нили! Зачѣмъ же насъ-то, насъ-то вы забыва-
ете? Побойтесь Бога! Мы съ женой люди про-
стые, обычаевъ свѣтскихъ не знаемъ,
амбиціей не занимаемся; стало быть какая
намъ нужда до того, что говорить тамъ о васъ

разные другіе? Мы всегда вамъ будемъ рады. — А, мое почтеніе, Авксентій Павловичъ! вскричалъ Тошный, завидѣвъ господина въ двойныхъ очкахъ и куцомъ парикъ, худо прикрывавшемъ остатокъ курчавившихся на затылкѣ волосъ. — До свиданья, любезнѣйшій Владиміръ Петровичъ! Извините!

Софьинъ готовъ былъ разцаловать этого господина, который такъ въ пору подоспѣлъ къ нему на выручку и избавилъ отъ такого милаго собесѣдника. Онъ остался на томъ же мѣстѣ. Болѣзненно ныла растерзанная душа его; такія минуты уносятъ у человѣка десять лѣтъ жизни!..

Въ швейцарской раздался дружный хохоть. Съ шумомъ ввалились въ залу нѣсколько молодыхъ людей; впереди ихъ выступалъ Племянничковъ съ смѣющимся лицомъ и съ самыми гулливыми манерами. Вся эта ватага направилась къ комнатѣ, гдѣ былъ Софьинъ. Шагъ черезъ порогъ и веселая фізіономія Племянничкова сдѣлалась серьезною и важною; онъ слегка поклонился и круто поверотилъ назадъ. Софьинъ вздохнулъ глубоко-глубоко... Медленно присѣлъ онъ къ

столу, заваленному газетами, еще медленнѣй протянулъ руку и машинально захватилъ вмѣстѣ Constitutionel и Русскій Инвалидъ. Пробѣжавъ глазами первый, онъ продолжалъ читать послѣдній, и казалось, остановилъ особенное вниманіе на извѣстіи объ отъѣзжающихъ.

Такъ прошло болѣе часа, и никто не подошелъ къ Софѣину, никто не сказалъ ему даже официальнаго привѣта. Всякій, заглянувъ въ газетную, повертывался и уходилъ прочь. Въ самой залѣ какъ будто пролетѣлъ тихій ангелъ...

Вдругъ въ той же залѣ послышался громкій голосъ Небѣды: "Гдѣ? не можетъ быть!" и въ ту же минуту Онисимъ Сергеевичъ сталъ лицомъ къ лицу съ Софѣинымъ.

— Что вы тутъ дѣлаете? сказалъ Небѣда.

— Читаю.

— Читаю, — въ Клубъ ходитъ не за тѣмъ, чтобы читать, а время проводить пріятно.

— Я и провожу его пріятно.

— Хороша пріятность! За книгами-то? Я только и читаю ихъ, что на сонъ грядущій. Удивительное дѣйствіе производитъ; что

твои порошокъ сонный. Пойдемте-ка въ залу!

– Я ужь тамъ былъ.

– Да чтожь букою-то сидѣть?

– У всякаго своя манера, Онисимъ Сергеевичъ.

– Это не ваша манера, позвольте наконецъ сказать вамъ. Вы хандрите, вотъ и все! Да полно! Плюньте на всѣхъ и на вся. Я вамъ сказалъ, что все переверну, ну и переверну. Дайте лишь срокъ.

– Много хлопотъ будетъ, Онисимъ Сергеевичъ. Общественное мнѣніе – не кукла, которую ребенокъ то одѣваетъ, то раздѣваетъ по произволу. Не въ досаду вамъ, Онисимъ Сергеевичъ, скажу; тяжела жертва, которую я принесъ вашему спокойствію!..

– Чтожь это? Вы раскаеваетесь?

– Это чувство мнѣ недоступно. Раскаяніе есть слѣдствіе необдуманности; а на что я рѣшился разъ, тому и быть такъ, что бы ни вышло изъ того. Если промахнусь, выберу себя, приму это за урокъ на будущее время и дѣло съ концомъ.

– Да что васъ обидѣли тутъ что ли?

– Нисколько. Всѣ держали себя, какъ долж-

но.

— Нѣтъ, видно, не какъ должно! Да вотъ я сейчасъ разужнаю.

И проворно повернувшись, Небѣда исчезъ изъ газетной. Софьинъ вскочилъ чтобъ удержатъ его, даже крикнулъ ему вслѣдъ: но Небѣда, не оборачиваясь, махнулъ головой съ видомъ рѣшительнымъ, и оставилъ Софьина посреди комнаты съ протянутыми впередъ руками.

Первымъ, на кого обрушился Небѣда, былъ тотъ господинъ язвительнаго свойства, который вызывался проучить Софьина. Къ несчастію своему, этотъ храбрецъ не поудержался, и повторилъ нѣсколько словъ въ духѣ прежней своей реплики. Небѣда ринулся на него, какъ коршунъ на цыпленка, и въ пухъ разщипалъ его, не стѣсняясь ни въ выраженіяхъ, ни въ громогласіи. Досталось и Трухтубарову и Ерихонскому и Тошнину, досталось всѣмъ, кто имѣлъ неосторожность подойти въ эту пору къ кружку, образовавшемуся около Небѣды. Голосъ его раздавался во всѣхъ сосѣднихъ комнатахъ, и даже офиціанты высунули изъ буфетной свои

ослабленныя фізіономіі.

Софьянъ слышалъ все до единого слова. Блѣдный, встревоженный онъ твердыми шагами вошелъ въ залу и взявъ за руку Небѣду, сказалъ окружавшей его толпѣ:

— Я очень сожалью, господа, что появленіе мое здѣсь сдѣлалось поводомъ къ раздору между вами. Уступаю всѣмъ безвозмездное право перецѣнивать и бранить меня, сколько угодно: но объ одномъ прошу, — не обижайтесь горячимъ словомъ Онисима Сергеича, и еще, — если станете судить меня, то забудьте одно имя, уваженіе къ которому вы должны имѣть всѣ, какъ люди благородные. Прощайте, господа; говорю, прощайте, а не до свиданія!

И пожавъ руку Небѣды, Софьянъ шибко пошелъ вонъ изъ Клуба. Но въ дверяхъ чуть не столкнулся онъ съ Пустовцевымъ: отступивъ другъ отъ друга, они остановились на одно мгновеніе. Софьянъ посторонился, и Пустовцевъ, взбивая лохматые волосы, вошелъ въ залу, небрежно переваливаясь съ ноги на ногу.

И долго потомъ досужіе языки теребили

честь, имя и каждое слово Софьина, и долго еще служилъ онъ предметомъ насмѣшекъ и язвительныхъ порицаній. Пульки окончательно разстроились, что также подало поводъ записнымъ игрокамъ побранить Софьина за его неумѣстное появленіе.

А что же Софьинъ?.. О, не приведи Богъ никого быть на его мѣсть!.. Свѣтъ-инквизиторъ жесточе и изобрѣтательнѣй изверга Торквемады истерзаль, измучилъ свою жертву!..

Вотъ ужъ болѣе недѣли, какъ опущены сторы у оконъ квартиры Софьина; болѣе недѣли, какъ никто не потревожилъ подъѣздаго колокольчика, да и самого жильца не видать что-то нигдѣ. Особы, которыя имѣють страшную охоту все выпытывать да вывѣдывать, начали уже беспокоиться, и нѣкоторыя даже рисковали подсылать горничныхъ и лакеевъ поразвѣдать немножко, хоть бы и окольнымъ путемъ, какъ-дескать, что и почему? Спрашивали наконецъ и Небѣду, но и отъ него ничего не узнали: однихъ Онисимъ Сергеевичъ все не удостоиваль отвѣтомъ, другіе слышали отъ него только какое-то бормотанье подъ носъ, а инымъ онъ просто говорилъ; "убирай-

тесъ, пожалуста!" – и только. Самъ авторъ не знаетъ, какъ доложить читателямъ о томъ, что намѣренъ предпринять Софьинъ. Одно только удалось намъ подмѣтить, что на другой день, послѣ клубской исторіи, онъ послалъ Никиту въ Казначейство, и потомъ черезъ часъ на почту съ какимъ-то пакетомъ. Встрѣтившійся съ Никитою поваръ Трухтубаровыхъ, состоявшій съ нимъ въ дружескихъ связяхъ и родной братъ Кици – предмета нѣжной страсти его, любопытствовалъ было узнать адресъ на пакетъ, но Никита отвѣчалъ только: "не утруждайтесь, Михайла Кирилычъ, ни лъзя-сь. Посылаемъ въ американскія земли, чтобъ клубники оттуда прислали-сь. Катеринѣ Кириловнѣ наше глубочайшее-сь." Вотъ и всѣ свѣдѣнія о Софьинѣ; больше ни имѣется. По уваженію таковыхъ обстоятельствъ, мы по неволѣ должны оставить на время Софьина, и заняться другими дѣйствующими лицами нашего разсказа.

Онисимъ Сергеевичъ напрасно такъ много безпокоился о здоровьѣ своей Marie. Докторъ изъ своихъ лишь видовъ и для того, чтобъ придать болѣе цѣнности своему искусству, на-

вязаль паціенткѣ своей опасную болѣзнь, а въ сущности, это было не болѣе, какъ нервическое раздраженіе. Дня три Marie пролежала въ постели, да и то лишь потому, что такъ предписаль докторъ, и что ей не непріятно было видѣть себя предметомъ особенной заботливости и предупредительнаго ухаживанья всего семейства. Къ тому жь она смекнула, что болѣзнь эта очень кстати избавляла ее отъ разныхъ домашнихъ сценъ, которыя иначе неизбежно послѣдовала бы по горячимъ слѣдамъ извѣстнаго произшествія. Подъ теплымъ одѣяломъ, ни кѣмъ небезпокоимая, Marie могла свободно давать волю разнымъ думамъ, соображеніямъ и дѣвическимъ мечтаніямъ. Самолюбіе начинало напѣвать ей, что въ сценѣ, произшедшей между Пустовцевымъ и Софьинымъ, она была лицо немаловажное, что ей даже позавидовать можно, потому что произшествія такого рода бывають лишь изъ-за такихъ, которыя стоятъ далеко выше прочихъ смертныхъ, что въ Петербургѣ, какъ проговорилаь однажды Соломонида Егоровна, почти всякій день случаются такія исторіи, нисколько впрочемъ не

роняющія репутацій прекраснаго пола, а на-
противъ дающія счастливицамъ громкое
название львиць. Мало-по-малу Marie начала
считать себя героиней какого-то романа.
Разсужденія и тайныя внушенія Пустовцева
и тутъ дѣлали свое дѣло: стоило только
прибѣгнуть къ памяти, чтобъ найти ловкіе
софизмы, которыми Пустовцевъ умѣлъ убаю-
кивать крикливый голосъ совѣсти и оправды-
вать всякую неосторожность своей жертвы,
увлекая ее къ чему-то болѣе страшному.
Дерзкія выходки его противъ человѣка,
ничѣмъ его не оскорбившаго, уступали въ
воображеніи Marie бойкой рѣшимости и от-
вагѣ его, которыя всегда имѣютъ особенную
прелесть въ глазахъ молодежи. Зоркая на-
блюдательность Софѣина часъ отъ часу ста-
новилась противною самолюбію Marie, и
подъ конецъ своей импровизированной
болѣзни, она сама уже готова была мстить до-
кучливому аргусу злой насмѣшкой и крова-
вымъ упрекомъ. Она находила въ отвагѣ сво-
его поклонника рѣшительное доказательство
глубокой привязанности къ себѣ, и съ
нетерпѣніемъ ожидала позволенія выйти изъ

своего лазарета, чтобы приступить къ развязкѣ произшествія, такъ взволновавшаго ея умъ юный и заставившаго сильнѣе биться неопытное сердце. Одно безпокоило Marie, — это гнѣвъ отца и недовольство его Пустовцевымъ на первыхъ порахъ. Она ни могла не слышать нареканій и угрозъ, которыми Онисимъ Сергеичъ щедро осыпалъ этого губернскаго льва; она не безъ трепета взглядывала на отца, когда онъ, суровый и задумчивый, входилъ въ ея комнату, и ежеминутно ожидала рассказа о какой либо болѣе или менѣе непріятной встрѣчѣ съ Пустовцевымъ. Хотя ей и хорошо была извѣстна нерѣшительность отца и любовь его къ н ей: но все таки она опасалась его мгновенныхъ вспышекъ, отъ которыхъ значительно могла пострадать желаемая развязка героически начатаго ею романа.

Что касается до Соломонины Евровны, то она была слишкомъ.... какъ бы это сказать... тупа что ли, чтобъ понять толкомъ что нибудь въ этомъ дѣлѣ. Сначала оно ошеломляло ее, но потомъ она попробовала пригнать это произшествіе къ своей любимой аристокра-

тической мѣркѣ, и вышло хорошо. Соломонида Егоровна даже рада была тому, что теперь будетъ говорить о ней весь городъ, и что ея Marie можетъ сдѣлаться предметомъ зависти такихъ-то. Вообще, эта барыня готова была шлепнуться въ грязь всемъ корпусомъ, лишь бы заставить говорить о себѣ публику. Она даже удвоила вниманіе къ Marie и стала питать къ ней что-то въ родѣ уваженія; крѣпко хотѣлось ей на первыхъ порахъ упрекнуть дочь свою въ какой-то неосторожности: но поразмысливъ на досугъ, она никакъ не могла дать себѣ отчета, въ чемъ состояла эта неосторожность, и поступила ли бы она сама иначе, еслибъ паче чаянія въ стары годы приключилась и съ ней такая же притча. Такъ дѣло и осталось. Соломонида Егоровна благо-разумно рѣшила ждать развязки, предоставивъ себѣ удовольствіе отпустить на этотъ случай нѣсколько подготовленныхъ и давно уже мучившихъ ее высокопарныхъ сентенцій.

Сказать по правдѣ, такъ и Онисимъ-то Сергеевичъ порядочный колпакъ. Мы слышали разговоръ его съ Софьинымъ – это странное

сочетаніе истиннаго родительскаго чувства съ непостижимой и непростительной безпечностью; были свидѣтелями горячаго, но не совсѣмъ благоразумнаго заступничества его за Софьина предъ посѣтителями Клуба: но на томъ вѣдь все и кончилось. Онисимъ Сергеичъ, пойманный въ расплохъ такимъ неожиданнымъ событіемъ, напалъ на одну мысль — помѣшать дуэли, которая могла повредить репутаціи Marie, не подумавъ о томъ нисколько, что "злые языки страшнѣе пистолета", и что имя его дочери все-таки будетъ гулять въ толпѣ, изорванное сплетнями, клеветой и насмѣшкой. Онъ безошибочно рассчиталъ на благородство и твердость нравственныхъ правилъ Софьина: но и тутъ опять не поразмыслилъ о той великой жертвѣ, какую заставляеть приносить человѣка, живущаго въ обществѣ и неизбежно подчиненнаго его драконовымъ законамъ. Достигнувъ желаемаго, хоть и съ ущербомъ чести и спокойствія неосторожно-снисходительнаго человѣка, Онисимъ Сергеичъ успокоился, а перебранка съ клубскими почти убѣдила его въ томъ, что главное съ его стороны уже сдѣлано, что оста-

лось ужъ пустое – разбить враждебныя Софьину мнѣнія, засѣвшія по угламъ гостиныхъ и въ тиши кабинетовъ. Но одному только Небѣдѣ не могла быть понятною ошибка такого взгляда.... Разтративъ весь запасъ энергіи, Небѣда пустился кстати и некстати декламировать апологіи Софьину, и не видя возраженій и горячихъ репликъ, самъ началъ помаленьку ослаблять сильныя мѣста своихъ апологій, думая этимъ окончательно преклонить противниковъ на сторону своего protégée, и кончилъ тѣмъ, что и самъ сдѣлался смѣшнымъ и Софьина съ ногъ до головы облѣпилъ грязью. Въ первые дни, встрѣчаясь съ Пустовцевымъ, Небѣда отворачивался отъ него и даже не хотѣлъ приподнимать шляпы на его вѣжливый поклонъ, – и опять попалъ въ смѣшную ошибку, показавъ себя разобиженнымъ ребенкомъ. Не далѣе однакожь, какъ черезъ недѣлю, на четвергъ у Трухтубаровыхъ, Небѣда, по нарочитому старанію хозяйна, усѣлся съ Пустовцевымъ въ страстно-любимый имъ ералашъ, и къ концу игры весело уже разговаривалъ съ своимъ недругомъ; ибо Пустовцевъ, всегда

ловкій и находчивый, умѣль и въ этотъ разъ поддѣлаться къ Небѣдѣ, то открывая ходъ съ той карты, которая рѣшительно наклоняла игру въ пользу Онисима Сергеевича, то дѣлая намѣренныя ошибки, отъ которыхъ Небѣда приходилъ въ восторгъ и увѣрялъ всѣхъ и каждого, что онъ не узнаетъ Валеріана Ильича, и что теперь онъ — Небѣда просто непобѣдимъ. Послѣ ужина, когда Онисимъ Сергеевичъ, подъ вліяніемъ любимаго имъ лафита, началъ говорить о Софьинѣ, разчетливый Пустовцевъ изъявилъ сожалѣніе о происшедшемъ между ними такъ кстати, обвинилъ себя, по видимому, такъ искренно, что Небѣда крѣпко пожалъ ему руку и просилъ забыть все, и даже, если можно, помириться съ Софьинымъ. Всѣ видѣвшіе и слышавшіе это въ одинъ голосъ назвали Небѣду простофилей, а Пустовцева умнымъ и ловкимъ человекомъ.

Въ семействѣ своемъ Онисимъ Сергеичъ тоже сбился, какъ говоритъ Созонтъ Евстафьевичъ Тошный, "съ пантелыку". Первый день онъ бродилъ по комнатамъ, будто потерянный, сердито поглядывалъ на всѣхъ, отбивая тѣмъ у всякаго охоту заводить съ нимъ разговоръ, и угрюмо принималъ предупредительныя услуги Соломонида Егоровна, которая, и безъ умысла, разсыпалась передъ нимъ мелкимъ бѣсомъ. Нѣсколько разъ подходилъ онъ къ постели, на которой лежала Marie; физиономія его выражала при этомъ что-то рѣшительное: но больная боязненно взглядывала на отца, и мгновенно исчезало съ лица его грозное выраженіе; взявъ руку любимой дочери, онъ наклонялся къ ней и спрашивалъ тихимъ и мягкимъ голосомъ: "ну что, лучше ли тебѣ, Маша?" Отъ радости не зналъ старикъ что и дѣлать, когда Marie вышла въ первый разъ послѣ болѣзни въ гостиную. Сказать по правдѣ, и хороша же она была! Спальный чепчикъ такъ мило шелъ къ этому немножко поблѣднѣвшему личику; бѣлый подроманъ, стянутый пунцовымъ кушакомъ, такъ обольстительно драпировалъ свободны-

ми складками ея чудесную фигурку; уютненькая ножка, шаловливо высвободившись изъ просторной туфли, такъ живописно рисовалась на голубомъ фонѣ мягкаго ковра, что и не отцовское сердце растаяло бы, какъ ледъ среди лѣта. За тожь и Онисимъ Сергеичъ былъ самъ не свой: онъ садился возлѣ дочери, обнималъ ея и цаловалъ такъ нѣжно, что Marie не могла удержаться отъ слезъ. Самъ старикъ однажды чуть не расплакался, и въ какомъ-то опьяненіи задушевнаго восторга почти прокричалъ: "выздоровливай, Маша, право, выздоравливай! Пиръ задамъ! Всѣхъ приглашу, кого только пожелаешь! Знать не хочу никого и ничего!"

Одна лишь Елена вѣрнѣй всѣхъ понимала сущность этого дѣла: видѣла и ошибки отца, и заблужденіе матери и опасное увлеченіе сестры. Попробовала было она какъ-то разъ заикнуться объ этомъ: но ея уняли, замѣтивъ, что это не ея дѣло; а маменька прибавила еще, что въ ней дѣйствуетъ зависть и что сердце у ней каменное... Нѣтъ ничего хуже положенія старшей сестры, считающей себѣ пять или шесть единицъ свѣше двухъ десят-

ковъ лѣтъ, когда она видитъ, что младшая сестра, которую не такъ давно она ставила въ уголь, уже поднялась на ноги и сдѣлалась предметомъ ухаживанья отборной молодежи и особеннаго вниманія самихъ родителей! Ой, mesdames, не будьте слишкомъ взыскательны! Не то и съ вами тоже станется, что съ *Разборчивой Невѣстой* дѣдушки Крылова!..

Но угадайте, кто въ семействѣ Небѣды явился открытымъ и опаснымъ противникомъ Софьи?.. Жорженька. Вы улыбаетесь, читатель, что я ставлю порядочнаго и солиднаго человѣка на одну доску съ мальчишкой, не заслуживающимъ вашего вниманія: но позвольте, — и крѣпкое дерево точить презрѣнный червь, и камень-самородъ долбить ничтожная капля. Такъ и тутъ. Припомните только отношенія Жорженьки къ папенькѣ и маменькѣ, и обратно, — тогда вы непременно согласитесь, что онъ не совсѣмъ такой ничтожный противникъ, какимъ представляется съ перваго раза. Marie онъ терпѣть на могъ, равно какъ и она не любила Жоржа, насмѣшливо прозвавъ его "надеждою семейства": но слово дуэль было ему знакомо со

всѣми подробностями. Не ребяческой головѣ было обсудить поступокъ Софѣина, когда и сѣдья головы преклонялись предъ кумиромъ общевѣковаго предразсудка. Жорженька понималъ только, что дуэль не состоялась, а не состоялась потому, что Софѣинъ струсиль. Въ этомъ убѣжденіи Жорженька, искусно подстрекаемый Пустовцевымъ, открыто и съ ожесточеніемъ пошелъ противъ Софѣина, дѣйствуя сначала на маменьку, а потомъ и на папеньку.

— Ахъ, Онисимъ, говорила иногда Соломонида Егоровна, что это за благородныя побужденія у нашего Жоржа!

— Отожь, бестія! подтверждалъ Онисимъ Сергеевичъ; въ военную его, въ военную! Тамъ такихъ любятъ.

Надо знать, что Жорженька былъ на самой короткой ногѣ съ Пустовцевымъ, и съ наслажденіемъ вдыхалъ въ себя зараженную атмосферу его житья-бытья. Пустовцеву надобенъ былъ повѣренный, курьеръ между нимъ и Marie, и Жорженька какъ нельзя лучше исполнялъ обѣ эти должности. Крайне недовольна была этимъ Marie, потому что,

повѣривъ тайну свою мальчишкѣ, она отдавала себя въ его руки, — и Жорженька пользовался этимъ превосходно. Услуживая Пустовцеву изъ привязанности, онъ никогда не отказывался и отъ того, чтобъ угодить Marie: но за то же, при первой вспышкѣ ея за какую нибудь дерзость, онъ давалъ ей понять, что можетъ повредить ей много, пересказавъ только отцу и матери о томъ, что ему извѣстно, — и Marie поневолѣ должна была пасовать передъ своимъ милымъ братцемъ. Впрочемъ въ этомъ отношеніи она дѣйствовала гораздо осмотрительнѣй своего поклонника, и ниразу не сдѣлала ему никакого порученія по части романической; за то Пуетовцевъ нисколько не стѣснялъ себя передъ Жоржемъ, и снабжая его разными бездѣлками, а иногда и деньгами для секретныхъ расходовъ, требовалъ отъ него всякій день подробнаго отчета въ томъ, что дѣлала Marie дома, кто у нихъ былъ и что тамъ говорилось. Жорженька переносилъ отъ Пустовцева къ сестрѣ своей книги съ потаенными замѣтками, вѣсти о томъ, гдѣ она будетъ и гдѣ надѣется его встрѣтить и разнаго рода сюрпризы, состоявшіе по большей части

въ такихъ вещахъ, которыя имѣли видъ обыкновеннаго вниманія, и которыя она весьма свободно показывала своимъ родителямъ, не находящимъ въ этомъ ничего особеннаго. При всемъ томъ цѣлей Пустовцева Жорженька не зналъ и не понималъ; разъ потому, что объ этомъ и рѣчи никогда не было, а съ другой стороны онъ уже не одинъ урокъ выслушалъ отъ Пустовцева о брачныхъ связяхъ, всегда безстыдно имъ осмѣиваемыхъ. Ознакомленный пріателемъ своимъ съ презрѣннымъ волокитствомъ и съ презрѣннѣйшимъ Чикарскимъ, и сдѣлавшись Казановой въ миниатюрѣ, Жоржъ и въ настоящемъ поведеніи Пустовцева видѣлъ не болѣе, какъ нѣсколько облагороженное и болѣе трудное волокитство, и усердно помогаль ему въ этомъ, тайно радуясь униженію и посрамленію гордой и ненавистной ему сестры.

Бѣдный, бѣдный Софьинъ! Кому ты принесть великую жертву благороднаго, но тяжкаго самоотверженія!..

Прошелъ и мѣсяць, и два мѣсяца, а Софьина все ни было видно. Онъ даже бросилъ и

служебныя занятія, извинясь какою-то болѣзнію, за пятьдесятъ цѣлковыхъ удачно выдуманною знакомымъ ему врачомъ. Только нѣкоторые видѣли его гуляющимъ въ ясныя ночи: но никому не удалось сказать ему ни полслова, потому что Софьинъ всегда выбиралъ для своихъ прогулокъ менѣ людныя улицы и всячески остерегался встрѣчи съ знакомыми. Такая игра въ жмурки наскучила наконецъ достойнымъ обывателямъ города В., и они единогласно рѣшили, что Софьинымъ заниматься не стоитъ, и потомъ положили обратиться къ другимъ, болѣе животрепещущимъ, новостямъ и сплетнямъ.

Разъ только удалось какъ-то Небѣдѣ почти силой ворваться къ Софьину: но на первомъ же шагу черезъ порогъ, поперхнувшись отъ сигарочнаго дыма, который тучею ходилъ по комнатамъ, Онисимъ Сергеевичъ едва могъ откашляться, и тѣмъ совершенно испортилъ подготовленную рѣчь, въ которой, по его мнѣнію, заключался убѣдительный нагоняй Софьину за его отшельничество. Въ слѣдствіе сего Небѣда ограничился лишь тѣмъ, что сталъ жаловаться на колотье въ боку и бра-

нить Никиту, что онъ форточекъ не отворяетъ; а холодный и черезчуръ серьезный видъ Софьина отбилъ у Онисима Сергеича и послѣднюю охоту пускаться въ откровенную рѣчь. Попенявъ Софьину сквозь зубы за то, что онъ забылъ ихъ, Небѣда проворно ушелъ отъ него, и дорогою долго бормоталъ что-то себѣ подъ носъ, сильно размахивая на ходу руками.

Между тѣмъ вдругъ, къ общему изумленію всѣхъ обывателей города В., пронеслась вѣсть, что Софьинъ оставляетъ службу, а чрезъ нѣсколько времени послѣдовало и подтвержденіе тому въ Высочайшихъ приказахъ. Въ одну, какъ говорится, прекрасную ночь за тѣмъ сосѣди Софьина видѣди, какъ тронулись со двора два тяжело нагруженныя экипажа, а на другой день въ квартирѣ Софьина толпились барышники, покупавшіе разныя вещи съ вольнаго аукціона, состоявшаго подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ грамотья-Никяты

Благочестивые и усердные посѣтители Кладбищенской церкви, въ первую же затѣмъ субботу, увидѣли въ храмѣ Божиѣмъ

множество новой утвари, и подлѣ каплицы Надежды Софьиной мертвецки пьянаго сторожа, который съ горькими слезами разсказывалъ всѣмъ, какъ его высокоблагородіе баринъ изволили прощаться съ супружницею, и какъ они изволили наказывать ему беречь каплицу и не напиваться допьяна. "То-ись, другаго такого барина не осталось – ей-богу! Бывало и палкой побьетъ изъ своихъ ручекъ, и больно побьетъ, коли что въ неисправности, али тамъ зашибешь крючекъ лишній, да ужъ за то и ублаготворитъ тебя во всемъ, ей-богу."

И еще нѣсколько дней поговорилъ городъ о Софьинѣ, потомъ замолкъ, и имя его изрѣдка вспоминалось лишь въ томъ семействѣ, которое, благосклонные мои читатели, одно вамъ осталось для описанія и разсказа.

При семъ честь имѣю доложить въ историческомъ слогѣ, что Софьинъ выѣхалъ туда, гдѣ проживалъ его сирота-малютка. Пожелаемъ же, чтобъ чувство родительское и ангельскія ласки ребенка успокоили и излечили растерзанное сердце и озлобленную ду-

шу Софѣина...

Глава десятая

Еще задолго до отъезда Софьина, Небѣды стали жить, что называется, открытымъ домамъ. Это случилось по настоянію Соломониды Егоровны, и больше, по желанію Marie, которой съ нѣкотораго времени Онисимъ Сергеичъ не отказывалъ ни въ чемъ. Превосходное помѣщеніе, отличный поваръ, хорошія (по губернскому) вина, проворная и предупредительная прислуга, всегда открытые столы съ заманчивыми надеждами благороднымъ образомъ залѣзть въ карманъ ближняго все это было сильной приманкой для людей положительныхъ, которые понимаютъ настоящее значеніе жизни. Молодежь къ всему этому имѣла еще и другія привычки. Взрослыя дочери всегда украшеніе какого хотите дома. Пусть будетъ папенька барабанъ, а маменька бубень; пусть дочки будутъ и не красавицы: но лишь бы были молоды, свѣжи и мало-мальски образованы, — охотники до ухаживанья за ними непременно найдутся. Пчела жъ не всегда вьется вокругъ розъ и лилій; она садится и на бурьянъ и на крапи-

ву.

Онисимъ Сергеичъ своими дочерьми могъ угодить вкусу каждаго. Правда, Елена не отличалась красотой, но она была не глупа, а послѣ реформы, произведенной въ семействѣ Небѣды Пустовцевымъ, сдѣлалась скромнѣй, и рѣже твердила о столицѣ, чѣмъ много выигрывала въ губерніи передъ тѣми, кто раздѣлялъ съ нею скучныя антракты между чаепитіемъ и улаживаніемъ карточныхъ партій. Не одинъ изъ положительныхъ посѣтителей Небѣды отходилъ потомъ отъ Елены въ полномъ очарованіи отъ свѣдѣній, которыми она умѣла таки порядкомъ оглушать профановъ, и пощелкивая карточкой, поданной партнеромъ, положительный посѣтитель повторялъ, усаживаясь за столикъ: "да-съ, это не того-съ... не какая нибудь... того-съ... а мое почтеніе, ух!" Предоставивъ сестрѣ отличатся въ дѣлахъ, не подлежащихъ третейскому суду, Елена большую часть времени посвящала музыкѣ, и бывъ достаточно приготовлена еще прежде, продолжала брать уроки у одного изъ лучшихъ фортепьянистовъ. Постигнувъ колоссальное

значеніе твореній Бетховена и привязавшись къ нимъ, она открыла неизсякаемый источникъ наслажденія, которымъ по капелькѣ лишь дарятъ насъ новѣйшіе композиторы, обыкновенно переворачивающіе тощенькую тему на тысячу ладовъ. Впрочемъ жаждущіе полекъ и мазурокъ оставались не совсѣмъ довольны ея игрой, ибо точно она не могла удовлетворять этихъ господъ, у которыхъ музыкальное чувство не въ душѣ, а въ ногахъ. Изъ вѣжливости однакожь и такія господа старались быть внимательными къ игрѣ Елены, да впрочемъ Онисимъ Сергеичъ остановилъ бы хоть кого, кто осмѣлился бы пикнуть во время исполненія какой нибудь мудреной сонаты или длиннаго Бетховенскаго концерта. "Это вѣдь, милостивый государь мой, говоритъ онъ подъ часъ иному франту, это вѣдь не полька-хлопушка, гдѣ вы прыгаете ногами по паркету да плетете языкомъ турусы на колесахъ: тутъ дѣло душевное, — да-съ!" И устанавливался франтъ смирно, сдѣлавъ презрительную улыбку, которой впрочемъ никогда не замѣчалъ Небѣда, державшій въ такихъ случаяхъ голову ниже обыкновеннаго, и

походившій въ эту пору на быка, который собирается боднуть мимо проходящаго своего однофамильца.

Но царицею всѣхъ этихъ вечеровъ, разумѣется, была Marie. Полновластная владычица желаній своего отца, изъ милости лишь снисходившая къ распоряженіямъ матеря, она являлась гостямъ тогда, когда уже всѣ бывали въ полномъ собраніи, и съ сознаниемъ своего достоинства выслушивала привычныя удивленія совершенствамъ, щедро ей приписываемымъ. Не находя ни въ комъ подобія съ тѣмъ, чьи эксцентричныя правила сдѣлались нормою ея дѣятельности, она гордо принимала услуги молодыхъ людей, и самонадѣянно отражала всякое заискиванье исключительнаго ея вниманія. Не разъ обиженный ея холодностію, а иногда и злой насмѣшкой, безбородый Адонись отходилъ отъ нея гнѣвный и раздраженный: но стоило Marie бросить на него одинъ привѣтливый взглядъ, сказать полуласковое слово, и Адонись снова увивался вокругъ очаровательницы, словно мотылекъ вокругъ горящей свѣчки, поминутно рискуя потерять свой про-

зрачныя крылышки. Marie это страх какъ забавляло: но не безопасна такая забава! Мимо другаго прочаго, она быстро развиваетъ и до пресыщенія упитываетъ кокетство – этотъ жалкій порокъ женщины, невинный въ началъ и отвратительный въ послѣдствіи. Когда однакожь наскучивали Marie приторныя любезности вздыхателей, она подхватывала подъ руку Племянничкова, и громкій хохоть этого повѣсы отбивалъ охоту у всякаго продолжать свои любезности. Не принадлежа къ числу страстныхъ поклонниковъ Marie, и высказавъ ей это со всей откровенностью, Племянничковъ тѣмъ самымъ далъ ей право смотрѣть на него, какъ на безопаснѣйшаго посѣтителя ихъ дома, съ которымъ можно говорить о чемъ угодно и отъ котораго услышишь много интереснаго. Но съ появленіемъ Пустовцева кончалось и искательство обожателей Marie и минутное торжество Племянничкова. Первые расходились по угламъ и избравъ наблюдательную позицію, шпыняли втихомолку ненавистнаго имъ соперника, а Племянничковъ, затянувъ что нибудь въ родъ: "я въ пустыню удаляюсь", спокойно рас-

кланивался съ Пустовцевымъ и подходилъ къ Еленѣ разрѣшать вопросъ, что такое генераль-басъ.

Отношенія Пустовцева къ Marie день ото дня становились тѣснѣе и часъ отъ часу неразгаданнѣе. Городскіе вѣстовщики и вѣстовщицы терялись въ догадкахъ; одни говорили, что Пустовцевъ ждетъ только благословенія отъ своихъ родителей, чтобъ покончить все законнымъ порядкомъ; другіе увѣряли, что, при его убѣжденіяхъ и правилахъ, это дѣло вовсе несбыточное. Одни толковали, что онъ страстно влюбленъ въ Marie, другіе спорили противъ этого, и утверждали, чуть ли не основательно, что такіе эгоисты, какъ Пустовцевъ, ничего не могутъ любить, кромѣ себя: но всѣ согласны были въ томъ, что отношенія этихъ молодыхъ людей были въ высшей степени скандалезны, и что ослѣпленіе Онисима Сергеича и Соломонида Егоровны насчетъ этого было болѣе чѣмъ странно, и втихомолку пророчили безпечнымъ родителямъ неожиданные огорченія и какой-то очень непріятный сюрпризъ.

За всемъ тѣмъ Пустовцевъ въ семействѣ

Небѣды былъ какъ свой. Жорженька не иначе называлъ его, какъ братомъ; сначала титулъ этотъ какъ-то странно бросался всѣмъ въ глаза, а потомъ къ нему попривыкли и стали придавать такому названію не столько родственное, сколько пріятельское значеніе, тѣмъ болѣе, что Жорженька давно уже былъ съ Пустовцевымъ на ты. Пустовцевъ являлся къ Небѣдамъ во всякое время — утромъ, въ полдень, вечеромъ, даже ночью, если только замѣчалъ въ окнахъ залы и гостиной приличное освѣщеніе, и всегда былъ принимаемъ попросту, безъ церемоній, какъ другъ дома. Онъ самъ рассказывалъ о толкахъ, ходившихъ по городу объ немъ и о Marie, ловко осмѣивая всякую догадку вѣстовщиковъ; въ иное время онъ полунамеками обнаруживалъ какъ будто серьезныя отношенія свои къ Marie и благородную ихъ цѣль; въ другое безжалостно разбивалъ робко высказываемыя Соломонидой Егоровной надежды и виды на него, какъ на будущаго члена ихъ севаства, а между тѣмъ искусно возбуждалъ въ матери охоту удвоить и утроить старанія привязать его тѣснѣе къ дочери. Такими сред-

ствами онъ совершенно ослабилъ бдительность родителей, и дѣйствовалъ, какъ ему было угодно.

Но не то внушалъ онъ самой Marie. Конечно, она не слышала отъ него даже одного слова о законной развязкѣ далеко зашедшей интриги; не разсыпался онъ передъ нею и въ страстныхъ увѣреніяхъ любви и привязанности. Пустовцевъ очень хорошо зналъ, что эти сказки нравятся только сначала, но что всякая благоразумная и порядочная дѣвушка потомъ съ презрительной усмѣшкой будетъ смотрѣть на своего обожателя, какъ скоро онъ не перемѣнитъ мольнаго тона своей страсти на серьезный дуръ, и вмѣсто мужского баса или тенора будетъ продолжать пѣщать серенады бабьимъ дискантомъ. Женщины любятъ только мушину, то есть, силу, твердость и самостоятельность въ чемъ бы онъ ни выражались, хоть бы даже въ злодѣйствѣ, и потому-то нѣтъ ничего мудренаго, если иногда сѣдоголовый мужъ больше нравится женщинѣ, чѣмъ чернокудрявый, гладколицый и женоподобный юноша. Да, библейское выраженіе *смири ю* имѣетъ глубокое психо-

логическое значеніе...

Не подумайте, чтобъ отъ взора Marie могла укрыться эксцентричность правилъ и поведенія Пустовцева. Ея свѣжее, еще неиспорченное чувство на первый разъ глубоко было имъ взволновано, и если читатели помнятъ отвѣты ея Пустовцеву на музыкальномъ вечерѣ Онисима Сергеевича, то легко поймутъ причину того. Но мало-по-малу обольстительные софизмы Пустовцева разрушили святыя, но не твердыя убѣжденія юной души, а нравственная сила и вѣрность однажды принятому направленію довершили побѣду его надъ слабой и неопытной дѣвушкой. Она неожиданно увидѣла его полнымъ властелиномъ своей души, и дальнѣйшія дѣйствія ея стали похожи на тѣ произвольныя движенія, какія мы видимъ въ магнетизируемомъ подѣ неотразимо-властной рукой опытнаго магнетизера... Да, она любила его, но любила, какъ лицо страдательное, а не дѣйствующее безъ уничтоженія своей особенности, слѣдовательно и вся будущая участь ея и ожидаемое счастье зависѣли исключительно отъ того человѣка, владычеству котораго под-

пала она всею существомъ своимъ. Есть ли тутъ возможность, спрашиваю васъ, читатели, того взаимнаго блаженства, гдѣ личность одного не поглощается личностію другаго, но гдѣ нераздѣльно, но и неслиянно пользуются супруги эдемскимъ благословеніемъ Отца Небеснаго?.. Угадываю отвѣтъ вашъ, и къ сожалѣнію вижу, что вы, догадливыя мои читатели, прежде автора разрѣшаете тотъ вопросъ, который долженъ объясниться предъ вами послѣдующими событіями.

– Давно ли ты видѣла, та сhère, Валеріана? спрашивала однажды Софья Кузьминишна Marie, уводя ея въ безлюдный уголь залы.

– Валеріана?! съ улыбкой замѣтила Marie. Кто это такой – Валеріанъ?

Софья Кузьминишна поздно увидѣла, что проболтнулась: но привычка, какъ хотите, великое дѣло! Она, бѣдненькая, еще не могла такъ скоро отвыкнуть отъ фамиліарно-дружескаго названія, которое не такъ давно давала она "другу дома".

– Ахъ, та сhère, ты меня ужасно конфузишь отвѣчала она, опуская глаза по-институтски.

– Не конфузьтесь; мы свои, – сказала Marie съ ъдкой усмѣшкой, сквозь которую проглядывала маленькая ревность. Такъ что же вамъ угодно знать, пожалуй, хоть и о Валеріанѣ?

– Мнѣ только хотѣлось узнать, та сѣге, давно ли ты его видѣла?

– Видѣла сегодня, видѣла вчера и еще надѣюсь увидѣть нынѣшній день, смѣясь отвѣчала Marie.

– Да удобно ли вамъ тутъ видѣться-то?

– Очень удобно.

– Ну, да всежь таки.

Насъ никто не стѣсняетъ.

– Видѣть могутъ, та сѣге.

– Сколько кому угодно.

– Ну, а татап?

– О, она очень добра.

– А папа?

– Онъ тоже очень хорошо понимаетъ, что въ обращеніи моемъ съ Пустовцевымъ, или, по вашему, съ Валеріаномъ, нѣтъ ничего неприличнаго.

– Однакожь, Marie – и Софья Кузьминишна крѣпко поцаловала ее въ самыя губы, – бу-

дешь ли ты откровенна со мной?

– Почему же, – что вамъ угодно?

– Ты влюблена въ Пустовцева?

– А вы какъ думаете?

– Не безъ того, какъ вижу.

– Вотъ и прекрасно! Къ чему-жь вашъ посылъ этого мой отвѣтъ?

– Положимъ; ну, а онъ?

– А какъ по вашему мнѣнію?

– Кажется, и онъ къ тебѣ равнодушенъ.

– И превосходно! Значить, обѣ эти статьи вамъ очень хорошо извѣстны, и вы остаетесь покойны.

– Ахъ, Marie, я вижу, что ты не хочешь быть откровенной со мною.

– Вотъ ужъ я не хочу! Скажите, что вамъ угодно знать?

– Да ты не станеть отвѣчать мнѣ.

– Развѣ я это доказала?

– Ну, если такъ, то скажи, какіе ваши планы?

– Самые мудреные: онъ ничего, и я ничего, я время у насъ проходитъ, какъ нельзя лучше.

– Однакожь всему бываетъ конецъ.

– Будетъ я этому конецъ; подождите я увидите.

– Ахъ, та сhèге, дождусь ли я?

– Имѣйте терпѣніе.

– Какъ бы хотѣлось мнѣ увидѣть тебя подъ вѣнцомъ! воскликнула Софья Кузьминишна и потянулась поцаловать Marie.

– Ха, ха, ха, ха! Какія вы странныя, Софья Кузьминишна! Будто только и счастья, что подъ вѣнцомъ?

– Вотъ видишь, та сhèге, какъ ты неоткровенна!

– Соглашаюсь; а вы будете откровенны?

– Отъ всей моей души.

– Скажите-жь мнѣ: когда вы были счастливей – тогда ли, какъ ожидали вѣнца; тогда ли, какъ стояли подъ вѣнцомъ, или тогда, какъ вышли изъ подъ вѣнца?

– Ахъ, та сhèге, во всѣ три раза я была счастлива!

– Однако, какой номеръ больше вамъ нравился?

– Разумѣется, когда желанія мои совершились.

– Стало быть, номеръ третій. Но кажется,

для полноты этого номера, вы не такъ давно искали кого-то и чего-то другаго.

Такой безстыдный намекъ на соблазнительную интригу въ устахъ дѣвушки показывалъ уже крайнее растлѣніе ея сердца: но чего нельзя ожидать отъ дѣвицъ, побывавшимъ въ школѣ господъ Пустовцевыхъ!..

Софья Кузьминяшна вспыхнула. Она, такъ великодушно и самоотверженно пожертвовавшая своимъ "другомъ дома", она увидѣла, что доблестей и подвига ея ни цѣнять, какъ должно, а прямо въ лицо бросаютъ съ грязью насмѣшки и презрѣнія. Задыхаясь отъ злобы, Софья Кузьминишна никакъ не могла собраться съ отвѣтомъ.

— А я могу васъ увѣрить, Софья Кузьминишна, спокойно продолжала Marie, играя снятымъ съ руки браслетомъ, что вы несравненно были счастливей, ожидая вѣнца.

— Что жъ изъ этого? злобно сказала мадамъ Клюкенгутъ.

— А вотъ что: я теперь, какъ вы сами же не разъ мнѣ говорили, счастлива, хоть не думаю о вѣнцѣ, — за чѣмъ же счастье вѣрное мѣнять на невѣрное? За чѣмъ искать того, что умень-

шаетъ счастье? Ну, Софья Кузьминишна, скажите жь теперь, кто изъ насъ откровеннѣй?

Таковы почти всегда бывали разговоры Marie со всякимъ, кто затрогивалъ ее и кого впрочемъ удостоивала она своей довѣренности. Другія барыни и подступить къ ней не смѣли съ подобными распросами. Холоднымъ и гордымъ обхожденіемъ съ ними она умѣла держать ихъ въ приличномъ отдаленіи, и извѣщаемая Пустовцевымъ о сплетняхъ то и или другой изъ обычныхъ посѣтительницъ ихъ дома, она на всякій случай приготовляла для каждой изъ нихъ неотразимое словцо, которое онѣ инстинктивно предугадывали, по пословицѣ, знаетъ кошка чье сало съѣла, и потому сами избѣгали короткости съ безславимой ими Marie.

— Нуте-съ, Валеріанъ Ильичъ, говорилъ, напримѣръ, Трухтубаровъ, вставая отъ карточного столика и предоставляя партнерамъ разсчитывать въ его пользу свои проигрыши: какъ же ваши сердечныя?

— А ваши карточные? спрашивалъ его въ свою очередь Пустовцевъ.

— Благодаря Бога, хороши.

- И мои недурны.
- Мы играемъ съ осторожностію.
- А я такъ бью навѣрняка.
- О, да вы опасный человѣкъ!
- Не совѣтую вамъ связываться со мной.
- Смотрите, не обремизьтесь.
- Не хлопчите; я играю безъ приглашенія.
- А скоро кончится ваша пулька?
- Какъ только сыграемъ то, что поставили.
- А потомъ?
- Если кому придется давать сдачи мелочью, то сыграемся направо, налѣво.
- Такъ-съ. Но вѣдь игра можетъ затянуться.
- Что жъ такое, если это доставляетъ удовольствіе играющимъ?
- А если кому изъ нихъ наскучить?
- Можетъ сказать прямо, тогда сквитаемся.
- А если вы останетесь въ проигрышѣ?
- Не пойду къ вамъ занимать капиталовъ благородія, говорилъ Пустовцевъ, небрежно отходя отъ собесѣдника.
- Бритва! говорилъ потомъ Трухтубаровъ, возвращаясь къ столику для полученія на личностей.
- А что-съ Ловеласъ нашъ? спрашивалъ од-

инъ изъ игравшихъ.

– Опасный человекъ! отвѣчалъ Трухтубаровъ, укладывая выигрышъ въ бумажникъ.

– Удивляюсь ослѣпленію Онисима Сергеевича!

– А вы думаете, онъ дѣйствуетъ спроста? прибавлялъ другой партнеръ.

– Да, конечно... протяжно говорилъ Трухтубаровъ, это дѣйствительно... есть признаки... но однакожь...

– Да я вамъ скажусь, это препродувная бестія! Онъ очень хорошо рассчиталъ, что Пуствовцевъ партія хоть куда, и состояньишко есть, и на ходу человекъ.

– Предотавленъ ужъ въ надворяые.

– Посмотрите, какъ ловко спровадилъ онъ Софьина-то! Какъ мастерски оплелъ онъ его! Отговорилъ отъ дуэли, чтобъ не испортить дѣла. Увѣряю васъ, что этотъ старый хрычъ плутъ большой руки. Въ одно ухо влѣзетъ, въ другое вылѣзетъ!

– Ну, ужъ вы слишкомъ!..

– Нѣтъ, не слишкомъ. Ужъ какъ хотите, а на правду чортъ!

– Да ужъ не спорьте, Семень Семенычъ,

поддакивалъ чорту на правду первый парт-
неръ. Но однакожь, какая подлость уронить
честнаго челоѡка изъ-за какихъ нибудъ та-
мъ своихъ видовъ!

– На томъ свѣтъ стоитъ, Иванъ Игнатьеви-
чъ, говорилъ Трухтубаровъ.

– Ужь какъ себѣ хотите, а а никогда не
рѣшился бы на такой пассажъ.

– Это потому, что у васъ нѣтъ дочки.

– И слава Богу, подхватилъ партнеръ, тотъ
что на правду-то чортъ. А то, знаете, чудо ка-
къ пріятно было бы видѣть такіе авантюры,
какіе продѣльываетъ меньшая-то съ этимъ...
тьфу!

– Что правда, то правда, подтверждалъ
Трухтубаровъ. Уму непостижимо, до чего до-
шла теперь молодежь, уму непостижимо!

– Да чего еще! говорилъ все тотъ же чортъ
на правду, – просто, обнимаются!

– Да не безъ того, я думаю, наединѣ-то, при-
бавилъ съ усмѣшкою первый партнеръ.

– Но однакожь, какова безпечность-то ро-
дителей, какова безпечность-то! говорилъ
Трухтубаровъ, качая головой.

– Да всѣ они въ заговорѣ, всѣ! заключалъ

господинъ тотъ, что чортъ на правду-то. Я хоть сей часъ, сію минуту готовъ сказать самому....

— О чемъ это, господа философствуете? громко спрашивалъ подошедшій въ эту пору Нобъда.

— Да вотъ-съ, Онисимъ Сергевичъ, отвѣчалъ чортъ-то на правду, Семень Семенычъ рассказывали о происшествіи... того-съ... происшествіи, помните-съ? съ Голиковскимъ?

— На счетъ милліоновъ-то? А, будь оно проклято! Душа дрожитъ, говорилъ Нобъда, ниже наклоняя голову. Я съ тѣхъ поръ никому не вѣрю: самъ всякій мѣсяцъ повѣряю всѣ суммы, даже билеты пересматриваю...

— И прекрасно дѣлаете-съ! Осторожность во всякомъ случаѣ не мѣшаетъ.

— Да ужъ меня не учите этому! Не надуютъ, небось! Тертый калачъ!

Собесѣдники взглядывали другъ на друга, улыбаясь весьма значительно и расходились поразмяться маленько отъ долгаго сидѣнья.

Съ нѣкотораго времени Пустовцевъ рѣже сталъ появляться въ домѣ Онисима Сергеича,

и когда-то когда зайдетъ туда, да и то на минутку. Отношенія его къ Marie становились день ото дня мудренѣе; не то, чтобъ видна была холодность, не то, чтобъ равнодушіе: но будто какая-то тайна черной кошкой проскочила между молодыми людьми. Marie стала грустнѣе, и чаще и долѣе оставалась въ уединенной комнатѣ, все думая о чемъ-то. Это опять не былъ припадокъ мечтательности, не была тоска, червемъ заползающая въ душу и подгрызающая тамъ все, чѣмъ живетъ юное сердце, — нѣтъ, это была какая-то дума, полная тревоги, сомнѣнія и нерѣшительности. Въ иную пору Marie становилась весела до ребячества и пренаивно сердила сестру, фальшивымъ голосомъ подпѣвая ея игрѣ и прыгая подъ какое нибудь концертное allegro; въ другое время отъ нея слова нельзя было добиться. Она какбы пугалась чего-то, и завидѣвъ на улицѣ Пустовцева, торопливо уходила къ себѣ, сказываясь больною. Соломонида Егоровна терялась въ догадкахъ; за то Онисимъ Сергеичъ разрѣшалъ коротко и ясно всѣ эти капризы любимой имъ дочери.

— Ну, и чтожъ такое? отвѣчалъ онъ одна-

жды на безпокойныя замѣтки жены. Дѣвка за мужъ хочетъ, вотъ и вся недолга!

– Да замѣчаешь ли ты, Онисимъ, какъ она худѣетъ?..

– Экъ тебѣ мерещится! Худѣетъ – вовсе не худѣетъ. На мои глаза, такъ еще полнѣетъ, а ужъ противъ того и говорить, нечего, что цвѣтъ лица у ней превосходный.

– То-то и пугаетъ меня. Въ иную пору она вся горитъ какъ въ огнѣ; а иногда точно будто истомилась, устала, чуть на ногахъ держится.

– Такъ чтожь изъ того?

– А то, Онисимъ, что это плохой признакъ.

– Ой ли?

– Je vous assure. Сестра Катишь тоже испытывала передъ чахоткой.

– Типунъ бы тебѣ на языкъ! Катишь твоя умерла съ досады, что жениховъ упустила.

– Да вѣдь и Пустовцевъ-то...

– А, ну тебя! Толкуй тамъ по субботамъ!

И Онисимъ Сергеичъ уходилъ къ себѣ въ кабинетъ, досадуя, что крѣпколюбая его барыня такъ плохо понимаетъ его резоны.

Наступила весна, чудная, обворожительная весна. Въ садахъ и лѣсахъ, одѣтыхъ

свѣжей, благоуханной зеленью, весело защебетали разноцвѣтные пернатые пѣвцы, воспѣвая любовь и свободу; въ воздухѣ было что-то разнѣживающее, теплое, упоительное. Мірѣ Божій праздновалъ обновленіе свое, — и все живущее отъ человѣка до былинки сладко упивалось жизнію...

Ермилъ Тихонычъ Ерихонскій, неистоцимый на выдумки, устроилъ пикникъ, амфитріономъ котораго вызвался быть самъ своею персоною. Съ обязательной любезностью онъ объѣздилъ всѣхъ знакомыхъ, разнообразя до высшей степени свои приглашительныя фразы, и заставляя иныхъ помирать со смѣху, а другихъ, не столько понятливыхъ, требовать у него объясненія вычурному приглашенію. Командиръ квартировавшаго въ городѣ полка обѣщалъ прислать свою музыку, съ уговоромъ однакожь, чтобъ не поить музыкантовъ допьяна и особенно не подносить флейтъ, у которой въ противномъ случаѣ всегда портился амбушюръ. Ермилъ Тихонычъ далъ слово во всемъ строго слѣдовать предписаніямъ его высокоблагородія, и въ заключеніе просилъ его пригласить отъ себя

лучшихъ офицеровъ, которые, по выраженію Ерихонскаго, "могли бы съ честію шмыгнуть по паркетному полу, въ удовольствіе прекрасному полу". Такой восхитительный каламбуръ не совсѣмъ однакожь, понравился его высокоблагородію; его высокоблагородіе было до крайности раздражительно и чрезвычайно дорожило честію своего полка; потому-то его высокоблагородіе съ нѣкоторою язвительностію изволило замѣтить, что выборъ такого рода офицеровъ для него очень затруднителенъ, что сортировать такимъ образомъ можно только "штафинокъ", а что въ полку его высокоблагородія всѣ офицеры отличные танцоры и бонмотисты, но что впрочемъ онъ постарается привезти въ собой самыхъ лучшихъ, "съ тѣмъ что останетесь довольны", прибавилъ шутливо его высокоблагородіе, потряхивая эполетами и пожимая на прощанье руку Ермила Тихонича.

Пикникъ назначенъ былъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города въ одномъ благопріобрѣтенномъ участкѣ лѣса, принадлежавшемъ наслѣдникамъ умершаго

совѣтника Губернскаго Правленія и носившемъ названіе Райскія Двери. И точно, что за рай было это мѣсто! Широка наша родная Русь-матушка: но немного есть въ ней такихъ чудныхъ удолій. Узкой, но длинной дорогой, пролегающей между огородами, вы выѣзжаете во дворъ, примыкающій къ опушкѣ лѣса; до колѣнъ прячутся ноги коней вашихъ въ густой, шелковистой муравѣ, и жаль давить эту ярко-зеленую мураву грубыми колесами вашего легкаго экипажа. Васъ не манитъ къ себѣ красивый домикъ, главный фасадъ котораго украшенъ фантастически уродливыми, собственно русскаго ордена, колоннами, выкрашенными голубоватою краской; вы бросаетесь съ экипажа, и бѣгомъ уходите въ прохладную тѣнь густаго орѣшника и раскидистой липы. Вы съ наслажденіемъ бросаетесь на зеленый коверъ, посланный передъ вами во всю ширину лѣса доброй матерью-природой, которая тутъ обнимаетъ, гладитъ, ласкаетъ и заглядываетъ вамъ въ очи изумрудной зеленью своихъ лѣсовъ. Но шаловливое и непосѣстное дитя, вы срываетесь съ вашего мягкаго ложа,

мчитесь въ глубину прохладнаго лѣса, и събіющимся отъ наслажденія сердцемъ останавливаетесь при этомъ видѣ чудъ чудныхъ, дивъ дивныхъ. Вотъ передъ вами прихотливо брошенная дорожка, которая узкой тесьмой своенравно вѣтается далѣе и далѣе, и уходитъ Богъ знаетъ куда; она манитъ васъ впередъ, и въ медленномъ ходѣ вы осматриваетесь во кругъ, отводя рукою нависшія вѣтви, какбы загораживающія дорогу къ заповѣдному сокровищу. Вотъ утлый мостикъ, перекинутый черезъ оврагъ, прорытый весенними ручьями; онъ колеблется подъ вашими ногами; вы ступаете боязливо: но и боязнь эта — наслажденіе! За мостикомъ вы вздыхаете полной грудью, бросаете невнимательный взглядъ въ пропасть, которую вы такъ храбро переступили, и идете далѣе. Вотъ полуразрушенная башня, остатокъ временъ владычества Турокъ; она, какъ ласточье гнѣздо, прильнула къ гордой скалѣ, и вы спускаетесь къ ней осторожно, цѣпляясь за деревья, дружелюбно протягивающія къ вамъ свои вѣтви. Вотъ вы уже среди развалинъ, покрывающихъ обувь вашу известковой пылью, — Боже,

что за картина! Прямо подъ ногами у васъ вьется и сердито воетъ потокъ, перебѣгающій по камнямъ, оторвавшимся отъ сосѣднихъ скалъ и непрошено упавшимъ въ его ложе. Не глядите внизъ, если вы боитесь круженія головы; смотрите лучше прямо: передъ вами дикія скалы, съ изумительной правильно-стью прорѣзанныя вдоль цѣлыми вѣками; – читайте ихъ, – эти прорѣзи-іероглифы природы. За скалами поле; сливаясь съ небомъ, оно будить въ душѣ вашей мысль о безпредѣльности, – и если въ эти минуты не заблеститъ слеза въ очахъ вашихъ, если по крайней мѣрѣ сердце ваше не забьется до пресыщенія сладкимъ восторгомъ: то, извините, вы не человекъ въ благородномъ значеніи сего слова, а только Иванъ Антоновичъ Страбинскихъ, {См. Ученое Путешествіе на Медвѣжій островъ, Брамбеуса.} или еще хуже, рыжій Джонъ-Буль.

Но обзоръ конченъ. Вы возвращаетесь, избравъ по произволу тотъ или другой путь между деревьями; вы громко смѣетесь, замѣтивъ, что заблудились, и испуганная птичка взлетаетъ быстро, трепеща крылушками и сердито троя надъ вашей головой. Но вотъ вы вышли на просторъ, и спѣшите въ толпу, гдѣ ждутъ васъ жалкія веселости, людьми выдуманная, гдѣ ждутъ васъ радости, возбуждаемая трескотнею насильно вырываемыхъ тоновъ изъ звенящей мѣди; а для возбужденія въ васъ восторга готова отравительная выжимка изъ виноградной лозы...

Пикникъ былъ уже въ полномъ разгарѣ. Полковые музыканты, стоявшіе на открытомъ воздухѣ, подъ окнами лѣтняго домика, усердно исполняли свое дѣло. Набѣжавшіе изъ сосѣдней деревушки ребята цѣплялись за изгороди и ухмылялись, выставивъ глупыя рожи; нѣкоторые изъ офицеровъ прогуливались по двору, обмахивая раскраснѣвшіяся лица фуляровыми платками; видно было по всему, что молодцы поработали на порядкахъ ногами и всемъ корпусомъ. Въ домикъ раздавался шумъ и хохотъ.

Солнце уже садилось огромнымъ шаромъ на краю небосклона, подернутаго алымъ отливомъ вечерней зари. Группы гуляющихъ расхаживали по широкому двору; многіе расположились съ стаканами чаю у опушки лѣса на коврахъ, раскинутыхъ по мягкой муравѣ. Тонкій дымокъ отъ сигаръ и офицерскихъ трубокъ кокетливо пробирался между листьями орѣшника и исчезалъ въ глубокой синевѣ неба.

Вдали отъ всѣхъ расхаживалъ Пустовцевъ. Онъ былъ мраченъ, и какая-то безпокойная дума поминутно измѣняла черты его блѣднаго и исхудавшаго лица. Гнѣвные взоры, бросаемые имъ на всякаго, кто рѣшался близко подойти, удерживали въ почтительномъ отдаленіи отъ него даже и такихъ людей, какъ Ерихонскій. Нетерпѣливыя движенія Пустовцева показывали ясно, что онъ ждалъ кого-то.

Вдругъ онъ остановился, взглянулъ на окно домика и лицо его зардѣлось. Сдѣлавъ два три поворота съ какою-то напряженной медленностью, онъ тихими шагами пошелъ по тропинкѣ, уходившей въ глубину лѣса.

Чрезъ минуту на крыльцѣ появилась Marie. Быстрыя движенія танцевъ облили яркимъ румянцемъ пылающія ея щеки; коралловыя губки были полуоткрыты и выказывали ровный рядъ чистыхъ, какъ снѣгъ, жемчужинъ. Она шаловливой рукой поправила волосы, проворно подхватила подъ руку подошедшую къ ней одну изъ дѣвицъ, и, спрыгнувъ вмѣстѣ съ него съ лѣстницы, помчалась въ лѣсъ тоюже тропинкой, которою пошелъ Пустовцевъ. Нѣсколько минутъ слышенъ былъ ихъ звучный хохотъ, потомъ все стихло, и менѣе чѣмъ черезъ четверть часа mademoiselle Ольга выходила одна изъ лѣсу, потерявъ шаловливую свою подругу.

Онисимъ Сергеичъ, давно уже сидѣвшій за ералашемъ, сильно горячился въ эту минуту, и чуть не бранилъ своего партнера, между рукъ упустившаго случай дать большой шлемъ противной сторонѣ. "Въ бабки бы вамъ играть! кричалъ онъ: въ свайку, коли хотите! А то тудажь игроки называются, право!"

Соломонида Егоровна, очень хорошо знавшая характеръ Онисима Сергеича, который въ такихъ важныхъ случаяхъ не любилъ ща-

дить никакого лица и не слишкомъ стѣснялся въ выборѣ выраженій, подошла къ столику, съ намѣреніемъ удержать своего супруга отъ другихъ болѣе горячихъ вспышекъ. Но не просидѣла она и четверти часа, какъ Онисимъ Сергеевичъ громко вскрикнулъ:

— Да вотъ отъ чего и несчастье-то! Она возлѣ меня. Отойди пожалуста! Ну чего ты тутъ торчишь? Твое бы дѣло за дочерьюми глядѣть. Ну, гдѣ Маша, напримѣръ?

Соломону Егоровну какъ будто кольнуло что-то. Она поспѣшно встала и вышла на крыльцо. Сдѣлавъ рукой щитокъ надъ глазами, она безпокойно оглядѣла всѣ группы: но Маши не было. Она подозвала къ себѣ Елену, неподалеку гулявшую съ какимъ-то приземистымъ майоромъ въ огромныхъ бакенбардахъ и рыжеватомъ парикѣ.

— Гдѣ Маша? спросила Соломонида Егоровна въ сильномъ волненіи.

— Не видала, татап, отвѣчала Елена, оглядываясь по сторонамъ.

— Какъ, не видала! Гдѣжь ты была?

— Въ залѣ была, потомъ тутъ гуляла.

— Вижу, вижу, сударыня, злобно сказала Со-

ломонида Егоровна. Въ мечтахъ уносились, романтизировать вздумали!

– Да чтожь я сторожь чтоль Marie вашей? сказала обиженная Елена

– Ахъ, Боже мой! Говорю тебѣ, сыщи мнѣ Машу! Слышишь ты, Машу сыщи! Да отцу ни слова...

А Marie выходила уже изъ лѣсу, но только не съ той стороны, которою вошла туда. Она была страшно блѣдна; глаза ея горѣли лихорадочвымъ огнемъ; поступь была какъ-то невѣрна.

– Что съ тобой, Marie? спросила Соломонида Егоровна, шибко подойдя и взявъ ее за руку.

– Мнѣ дурно, тамап, отвѣчала Marie, едва перевода дыханіе и стиснувъ рукою лѣвый бокъ.

– Гдѣ ты была?

– Тамъ... я упала... ушиблась... упала – ахъ!

Соломонида Егоровна хотѣла было позвать кого либо на помощь, но Marie быстро схватила руку матери и проговорила шопотомъ:

– Ради Бога, никого не зовите! Я сама дойду... Держите меня крѣпче.

А Соломонида Егоровна сама едва передвигала ноги.

— Будьте покойнѣе, маман! Смотрите веселѣй! На насъ смотрятъ.

И собравъ послѣдній остатокъ силъ, Marie взошла на крыльцо и отправилась въ комнатку, служившую на этотъ разъ вмѣсто уборной. Къ счастью, дѣвушки, назначенныя для прислуги, ушли всѣ до одной, соблазненные звуками полковаго оркестра, а можетъ быть и для другихъ какихъ нибудь причинъ. Блѣдная, истомленная Marie залпомъ проглотила два стакана холодной воды, и крупныя капли пота выступили на челѣ ея; губы посинѣли, она вся задрожала и упала безъ чувствъ.

Испуганная Соломонида Егоровна имѣла однакожь столько присутствія духа, что, не требуя ничьей помощи, сама принялась разшнуровывать полумертвую Marie: но лишь только возобновилось правильное кровообращеніе, блѣдная дѣвушка съ невообразимымъ усиліемъ очнулась, и, схвативъ руку матери, не позволила ей почему-то продолжать разшнуровку. Она поднялась съ кресла,

взяла стаканъ до половины налитый водою, плеснула на руку и брызнувъ себѣ въ лицо, вытерлась платкомъ и твердыми шагами подошла къ туалету. Маріе стала поправлять себѣ прическу, между тѣмъ Соломонида Егоровна зашнуровывала ее съ неимовѣрными усиліями.

— Маша, я позову дѣвушку, говорила она, обливаясь потомъ.

— Боже васъ сохрани! Если вы не сможете, я сама какъ нибудь зашнуруюсь.

И Соломонида Егоровна снова принималась за непривычную работу.

Но что жъ тамъ такое случилось? Не знаю, рѣшительно не знаю. Я видѣлъ только, какъ Пустовцевъ вышелъ изъ лѣсу и пробирался огородами, крадучись и прятаясь отъ любопытныхъ глазъ, какъ потомъ пошелъ онъ пѣшій по дорогѣ къ городу, какъ, отошедши на далекое разстояніе отъ Райскихъ Дверей, упалъ на траву и лежалъ нѣсколько минутъ, не шевеля ни однимъ суставомъ. Я видѣлъ, какъ вскочилъ онъ потомъ проворно, и съ ужасомъ оглядываясь назадъ, пошелъ опять быстрыми шагами, какбы убѣгая отъ кого-то.

И еще далеко впереди виднѣлась мнѣ лохматая голова его, не покрытая шляпой, которою онъ по временамъ обмахивался, хоть ужъ было вовсе не жарко. Больше этого, къ сожалѣнію моему, а можетъ и вашему, читатель, я ничего не видѣлъ и не знаю.

— Ну, тамап, сказала Marie, быстро повернувшись отъ туалета. Какъ вы меня теперь находите?

Въ этомъ простомъ, по видимому, вопросѣ была такая бездна недоговореннаго, такая пропасть глубокаго, слезнаго юмора и горечи, и при всемъ томъ такая натуральность, что даже Соломонида Егоровна, какъ ни была простовата, не могла вдругъ собраться съ отвѣтомъ и глядѣла на дочь, выпучивъ изумленные глаза.

— Чтожъ, продолжала Marie, хороша я теперь?

— Маша! (Маша! что съ тобой?)

Въ словахъ Соломониды Егоровны задрожали слезы. Тутъ уже сказалась мать со всей нѣжностью, со всемъ непритворствомъ истиннаго чувства.

Marie снова поблѣднѣла. Она живо оборо-

тилась къ зеркалу, взглянула въ него пристально, и съ какимъ-то судорожнымъ движеніемъ схватила руку матери.

– Маменька! если вы... любите меня, если вы не желаете моей гибели...будьте тверды и покойны... Не спрашивайте меня ни о чемъ... я упала... понимаете ли, упала... ха, ха, ха, ха!

Морозъ пробѣжалъ во жиламъ матери отъ этого ужаснаго хохота.

– Цсъ, – сказала Marie, приложивъ палецъ въ губамъ и оглядываясь кругомъ какъ-то полупомѣшанно, – молчите! Упала, ушиблась, вотъ и все! Иду танцовать, танцовать, танцовать.... Не говорите... продолжала она чуть слышно, не говорите папенькѣ....

Marie остановилась и закрыла лицо руками. Съ минуту она оставалась въ этомъ положеніи; казалось, грудь ея готова была разорваться отъ одного тяжелаго вздоха, который съ трудомъ и со стономъ вылетѣлъ такъ нескоро.

– Что? Вы думаете, я плачу? Нѣтъ, я не плачу, говорила Marie, открывъ лицо и стараясь принять веселый видъ, между тѣмъ какъ

каждое слово ея рыдало. Ну, маменька, идемте! Да чего вы такъ смотрите на меня? Развѣ не видите, что мнѣ смерть танцовать хочется?

И взявъ подъ руку совершенно растерявшуюся мать, Marie явилась среди танцующихъ. Пленяничковъ кинулся къ ней первый.

– Какъ же это можно, Марья Онисимовна? Я глаза проглядѣлъ, ноги истопталъ, отыскивая васъ повсюду.

– Что такое?

– И какъ же-съ? Вы же обѣщали танцовать со мной вторую и четвертую кадрили.

– Виновата, изъ ума вонъ.

– Это ужъ доля моя такая! Ну, да быть по сему! Второй-то однакожь не видать мнѣ, какъ своихъ ушей... и можете вообразить, во всю эту кадрили я бѣдный сидѣлъ "сумраченъ, тихъ, одинокъ на ступеняхъ мрачнаго трона," должность котораго на этотъ разъ исправляло крыльцо съ голубыми колоннами.

– Вы извините меня, если узнаете, что со мной случилось, весело сказала Marie.

– А что такое-съ?

– Вообразите, я побѣжала въ лѣсъ съ Ольгой... а гдѣ она?

– Уѣхала.

– Уѣхала?!..

– Да, съ ней сдѣлалась какая-то дурнота.

Marie измѣнилась въ лицѣ: но Племянничковъ не замѣтилъ этого. – Ну-те, ну-те, продолжалъ онъ, чтожь тамъ такое? Ужь не привидѣнье ли вы встрѣтили?

– Слушайте: мы стала прятаться другъ отъ друга. Я заплуталась, зашла въ такую чащу, что ужасъ, поскользнулась и упала, да какъ упала!.. Посмотрите-ка на платьѣ. Просто, срамъ!

– Такъ вамъ и надо! Впередъ не ходите безъ кавалера.

– Да гдѣжь было взять его? Вы безотлучно были при сестрѣ...

– Нельзя же-съ; объ оркестрѣ разсуждали.

– Пустовцевъ, продолжала Marie, байронствовалъ и потомъ пропалъ гдѣ-то. Всѣ вы такіе!

– Что до меня, то извините! Я cavaliero servante всѣхъ и каждой порознь, и какъ мотылекъ, порхаю съ цвѣтка на цвѣтокъ, по это-

му никакъ не могу посвятить себя исключительно.... но Пустовцевъ... это меня удивляетъ.

– Подите жь! Всѣ вы таковы, господа! Любите, чтобъ за вами ухаживали.

– Вотъ ужъ нѣтъ-съ, меня попрекнуть этимъ никакъ нельзя. Еще не было такой притчи, чтобъ за мной хоть когда нибудь ухаживали; я – другое дѣло – ухаживаю за всѣми, и увы! страдаю, хоть и не безмолвно, но за то всегда безнадежно!

– Такъ вы не танцовали второй кадрили?

– Никакъ нѣтъ-съ. Многія даже приступали ко мнѣ съ распросами ради чего я угомонился? Даму потерялъ, отвѣтствовалъ я съ надлежащимъ сокрушеніемъ сердца.

– А, – такъ васъ спрашивали? сказала Marie какъ-то странно: стало быть мое отсутствіе было таки замѣчено?

– Еще бы! Не замѣтитъ отсутствія царицы этого вице-бала!

– Благодарю за комплиментъ! А не пускались въ догадки, гдѣ я и что со мной?

– Кажись, что нѣтъ. Позвольте однакожь – такъ-точно; – мадамъ Клюкенгутъ ужасная

сплетница! – увѣряла тутъ всѣхъ, что вы ушли вѣ лѣсъ съ Пустовцевымъ...

– Тише! быстро сказала Marie, схвативъ Племянничкова за руку. Она дико оглядѣлась вокругъ, и сдѣлавъ надъ собой страшное усилие, произнесла полу-серьезно, полу-шутливо: какъ можно говорить такъ громко подобныя вещи?.. Но однакожь какая гнусная клевета!

– Да вы не безпокойтесь! Я ее тамъ отдѣлалъ, что...

– Благодарю васъ, Ѳедоръ Степанычъ, сказала Marie, пожавъ ему руку.

– Ужь не безпокойтесь! Я имъ теперь всю правду-матку выложу, какъ на ладони. Ужь не безпокойтесь!

Музыка заиграла прелюдію четвертой кадрили. Пары начали устанавливаться, и черезъ двѣ минуты Marie носилась вѣ танцахъ съ необыкновеннымъ увлеченіемъ, разсыпая вокругъ себя восторгъ и шумное веселье. Всѣ были обворожены ею, и вѣ одинъ голосъ повторяли, что никогда Marie не была тамъ очаровательна и весела, какъ сегодня.

Глубоко сердце человѣческое, друзья мои!

Сами ангелы не могут проникнуть туда; одинъ лишь Создатель видитъ всѣ тайные изгибы его!..

Ночь, чудная, восхитительная ночь, съ темно-голубымъ небомъ и мириадами звѣздъ, тихо спустилась на безпокоюмую страстями челоѳическими землю. Въ ближнемъ лѣсу, недавно оглашаемомъ кликами радости и беззаботнаго веселья молодежи, не шелохнется ни одинъ листокъ; отдыхаютъ и пернатые пѣвцы, нагулявшись досыта среди бѣлаго дня, и напѣвшись вдоволь надъ теплыми гнѣздушками своихъ подругъ; только изрѣдка легкій зефиръ прошелеститъ прозрачными крылушками и шаловливо пробудитъ заснувшія листья деревъ. Все тихо, все мирно въ природѣ; нѣтъ только мира и тишины тамъ, гдѣ люди...

Ермилъ Тихонычъ освѣтилъ площадками весь дворъ и увѣшалъ фонарями ближайшія къ опушкѣ лѣса деревья, которыя мрачно выглядывали, какбы досадуя за такое своевольное нарушеніе ночнаго ихъ спокойствія. При громѣ музыки, еще раздаются шумныя восклицанія молодежи, и быстро вертятся

неугомонныя пары подь звуки полекъ и вальсовъ. Чудо какъ весело, не правда ли?

Но ктожь это сидить на крыльцѣ межъ голубыхъ колоннъ? Голова поникла, руки упали долу, какбы отъ истомы и безсилія. Полная грудь колеблется отъ тяжелыхъ вздоховъ, сквозь которые слышны глубокія рыданія сердца; ноги дрожатъ, насильно удерживаемыя на твердомъ помостѣ,— кто это? вижу, господа, но узнать не могу; темно, даромъ что Ермилъ Тихонычъ не поскупился на освѣщеніе....

Всѣ остались въ высшей степени довольны распорядительностью Ермила Тихоныча и осыпали его благодарностями, которыя онъ принималъ съ признаніемъ своей заслуги и съ величайшимъ удовольствіемъ, выражавшимся въ шарканьѣ ногами передъ мужчинами и въ глубокихъ реверансахъ передъ дамами. Подъ конецъ пикника, Ермилъ Тихонычъ выхватилъ у музыканта какую-то трубу, попробовалъ было протрубить всей честной компаніа заздравный тушъ, но насмѣшивъ всѣхъ и особенно музыкантовъ своими пріемами и гримасами, пропѣлъ громогласно:

"многая лѣта".

Одинъ Онисимъ Сергеичъ былъ какъ-то не въ себѣ. Онъ ужасно сердился на Семена Семеныча, и клялся всѣми святыми, что ужь теперь ни за что въ свѣтѣ не сядетъ съ нимъ ни въ какую игру, потому что, говорилъ онъ съ сердцемъ: «этотъ трухтубанъ-барабанъ годится только въ бабки играть.» Къ довершенію досады, Онисимъ Сергеичъ нашель Соломониду Егоровну почти больною, и крѣпко сталъ бранить Ерихонскаго, который чортъ знаетъ съ чего затѣялъ этотъ глупый пикникъ, когда вездѣ такая сырость и особенно въ этомъ проклятомъ лѣсу.

— Дивлюсь еще, говорилъ онъ, укутывая своей шинелью ноги Marie, — какъ дѣти не простудились. Хорошо, что ты, Маша, не таскалась по лѣсу, а то долго ли до бѣды?

— Не таскалась, какъ же не таскалась! бормоталь Жорженька. Я самъ видѣлъ, что таскалась.

— Ты молчи, ты молчи, сорванецъ, говорилъ Онисимъ Сергеевичъ. Ты ужь тамъ винцо потягиваешь; вотъ я тебѣ дамъ винцо!

Жоржъ съ улыбкой взглянулъ на Marie, и

не отвѣчалъ отцу ни слова.

— Да гдѣ это дѣвался Пустовцевъ? спросилъ Онисимъ Сергеевичъ. Я только и видѣлъ его, что при началѣ этого дурацкаго пикника.

Marie вздохнула.

— Что тебѣ, Маша, холодно чтоль? Закройся хорошенько и прислонись къ углу; тамъ теплѣй тебѣ будетъ. Вотъ такъ! Что ни говори, а Пустовцевъ-то поступилъ умнѣй насъ, продолжалъ Онисимъ Сергеевичъ, — онъ, какъ видно, заранѣе убрался во свояси отъ этой проклятой сырости. Ты, Маша, не видала, когда онъ уѣхалъ?

— Нѣтъ, папенька, чуть слышно проговорила Marie.

Соломонида Егоровна вздохнула со стономъ.

— Да что вы разстонались? сердито сказалъ Онисимъ Сергеевичъ, и завернувшись въ шинель, безмолвно сталъ покачиваться изъ стороны въ сторону.

Развѣзжавшіеся гости тоже замѣтили отсутствіе Пустовцева и рѣшили это тѣмъ, что онъ слишкомъ важничаетъ, и потому ни соблаговолилъ принять участіе въ дружеской

пирушкѣ. По этому случаю на долю Пустовцева припало довольно рѣзкихъ замѣчаній, а когда одинъ изъ офицеровъ сообщилъ во всеуслышаніе, что онъ симъ видѣлъ, какъ Пустовцевъ уходилъ огородами: то всѣ повершили тѣмъ, что въ насмѣшку назвали его по-этомъ, — прозвищемъ, по мнѣнію жителей города В., самымъ обиднымъ для порядочнаго человѣка.

На другой день, послѣ пикника, въ домѣ Небѣды поднялась страшная суматоха. Въ ворота то и дѣло въѣзжали да уѣзжали доктора, но по закутаннымъ ихъ фізіономіямъ нельзя было сдѣлать никакого заключенія о результатѣ ихъ драгоцѣнныхъ визитовъ; впрочемъ опущенныя сторы у всѣхъ оконъ дома Небѣды, ясно давали знать, что тамъ крѣпко неблагополучно.

Въ знакомой вамъ залѣ, опустивъ голову ниже плечъ, сидѣлъ Небѣда въ глубокомъ креслѣ. Онъ барабанилъ одной рукой по столу, стоявшему передъ нимъ съ непочатымъ стаканомъ чаю; въ другой же держалъ погасшую трубку, которая, перевернувшись верхъ дномъ, усыпала пепломъ налощенный

паркетъ. Долго оставался Онисимъ Сергеевичъ въ этомъ положеніи, наконецъ крикнулъ и пошелъ съ видомъ какой-то рѣшимости въ сосѣднія комнаты.

Въ спальнѣ лежала въ сильной горячкѣ Соломонида Егоровна. Глаза ея было красны сколько отъ слезъ, столько же и отъ огня, паливаго ея внутренность.

– Ну – что, какъ ты себѣ чувствуешь? говорилъ Онисимъ Сергеевичъ, усаживаясь на постелю больной.

– Плохо, Онисимъ.

– Не даромъ мнѣ не хотѣлось, сказала Онисимъ Сергеевичъ, стукнувъ себя кулакомъ по колѣну, ѣхать на этотъ проклятый пикникъ! Какъ будто сердце чуяло, что быть худу.

– Ахъ, другъ мой!

– То-то ахъ! А можно поговорить съ тобой?

– Что тебѣ нужно? спросила Соломонида Егоровна слабымъ голосомъ.

– Расскажи мнѣ покороче, что тамъ такое случилось съ Машей?

– Ахъ, Онисимъ, не спрашивай меня объ этомъ!

– Да чего не спрашивай! По неволѣ спро-

сишь, когда дѣлается Богъ знаетъ что. Всю ночь она металась, какъ сумасшедшая, говорила нивѣсть какія страсти, грызла подушку, заливалась слезами, а отъ меня отворачивалась, словно отъ демона, прости Господи. Чтожь это такое въ самомъ дѣлѣ?

– Простудилась, должно быть.

– Хороша простуда!.. Послушай-ка, другъ мой, сказалъ Онисимъ Сергеевичъ, наклоняясь къ больной, да ужъ не поссорилась ли она съ Пустовцевымъ?

– Охъ, Боже мой, охъ, охъ! Воды, воды скорѣй! Дурно мнѣ, дурно!

Онисимъ Сергеевичъ бросился къ столику, но въ торопяхъ опрокинулъ его, и все, что было на немъ, съ шумомъ и стукомъ полетѣло на полъ. Вбѣжавшая прислуга нашла Соломону Егоровну въ сильномъ обморокѣ. Онисимъ Сергеевичъ стоялъ посреди комнаты и поглядывалъ на всѣ стороны.

– А, Боже мой! вскрикнулъ онъ, схвативъ себя за голову и выбѣгая изъ спальни.

– Баринъ! сказала горничная, чуть не столкнувшись съ нимъ въ дверяхъ.

– Ну что ты, дура?

– Пожалуйте, барышня васъ зоветъ.

– Которая?

– Марья Онисимовна-съ.

– Такъ и говори. А то суется, словно угорѣлая, бормоталъ Небѣда, направляясь къ комнатѣ больной дочери.

– А чай не изволите кушать? спросила горничная.

– Захлебнись ты имъ!

Вся обложенная подушками, полулежала страдалица на широкомъ, кожаномъ диванѣ. Она была страшно блѣдна, и въ одну ночь похудала такъ, что нельзя было узнать ее. Глаза, окаймленные синеватыми кругами, глубоко впади: пересмягшія губы ужа не закрывали рта и высокая грудь поднималась тяжело и медленно. Завидѣвъ отца, Marie тревожно начала закрывать себя одѣяломъ.

– Папенька! сказала она слабымъ голосомъ.

– Что, Маша?

Въ словахъ старика кипѣли слезы. Онъ приблизился къ больной дочери и хотѣлъ взять ея руку: но Marie поспѣшно спрятала ее подъ одѣяло.

– Папенька!

– Что, другъ мой?

– Простите ли вы меня?

– Богъ съ тобой, матушка! Чѣмъ ты виновата?

– Ахъ, папа, другъ мои папа! Вы не знаете....

– Все знаю! Успокойся!

Marie опустилась на подушки. Видно было, что въ бѣдной страдалицѣ совершалась страшная, небывалая прежде борьба съ самой собой. Румянецъ ярко проступалъ на блѣдныхъ ея щекахъ; съ полуоткрытыхъ устъ готово было сорваться какое-то роковое слово.

– Что у тебя болитъ, Маша?

– Кто вамъ сказалъ, что у меня болитъ чтонибудь? Съ чего вы взяли, что у меня болитъ чтонибудь? вскрикнула Marie неестественно-раздражительнымъ тономъ. Я вся больна, вся!.. Я должна умереть!

– Полно, полно, Христось съ тобой!

– Боже мой! сказала Marie, ударивъ себя въ грудь обѣими руками: другъ мой, – еслибъ вы только знали...

– Вѣдь я жъ тебѣ сказаль, что все знаю!..

– И вы не желаете мнѣ смерти?

– Да что я сумасшедшій что ли? Не отецъ твой что ли? Изъ камня я созданъ что ли? – Ужь эта мнѣ любовь проклятая, думаль Онисимъ Сергеичъ, изъ умной дѣвки вонъ что сдѣлала!

– Не принимайте никого! сказала Marie. Слышите, – никого, никого! Никто не долженъ знать, что я больна!

– Постой-ка, подумаль Онисимъ Сергеичъ, дай-ка я запою съ ея тона. А если, сказаль онъ, придетъ... Пустовцевъ?

Глаза больной засверкали, губы задрожали, она приподнялась на подушкахъ, и высвободивъ изъ-подъ одѣяла исхудавшую руку, сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

– Не напоминайте мнѣ объ этомъ..... сказала она грозно. Оставьте меня, папенька!

Послушный отецъ медленно пошелъ изъ комнаты дочерниной. Лицо его приняло выраженіе добродушнаго спокойствія. "Знаемъ теперь, говорилъ онъ, улыбаясь, что за боль такая. Поссорились, видишь, и погрозили одинъ другому презрѣніемъ, а можетъ, и

ненавистью. Ну, бѣды еще немного! Милые бранятся, только тѣшатся, говоритъ пословица".

Но напрасно Онисимъ Сергеичъ такъ легко и такъ заранѣе утѣшалъ себя. Пришлось ему бѣдному провести не одну ночь бессонную, не однажды сплакнуть въ тишинѣ своего кабинета, не одинъ разъ позабыть казенную пору обѣда. Бѣдная Елева, обреченная въ сидѣлки то близъ матери, то близъ сестры, тоже выбивалась изъ силъ. Положеніе этой доброй дѣвушки было истинно – жалко. Соломонида Егоровна стала, крайне раздражительна, и болѣзненные капризы свои вымещала большею частію на Еленѣ, потому что прислуга, какъ водится, всегда умѣла найти благовидный предлогъ убратся подальше отъ привязчивой барыни. Елена терялась въ предупредительныхъ угожденіяхъ, и все по напрасну. Маріе же просто не могла терпѣть своей сестры, и лишь только завидить, что Елена входитъ къ ней въ комнату, тотчасъ отворачивалась къ стѣнѣ, или накрывалась одѣяломъ, сохраняя упорное молчаніе. Онисимъ Сергеевичъ, всѣми помыслами доброй,

довѣрчивой души своей обращенный единственно къ больнымъ, не замѣчалъ несправедливыхъ ихъ притязаній, и самъ иногда, не зная за что, дѣлалъ выговоры Еленѣ. Горько плакала бѣдная дѣвушка, не понимая причины возставшаго на нее гоненія. А дѣло-то, кажется, очень ясно; не такъ ли, мой догадливый читатель?

Одному Жорженькѣ ни до чего не было дѣла. Связавшись съ Чикарскимъ и подобными ему, онъ большую часть времени проводилъ въ модной рестораціи Дерибальскаго, гдѣ практиковался на билліардѣ, вѣроятно приготавливаясь къ артиллерійской службѣ. Домой онъ являлся иногда за тѣмъ лишь, чтобъ пообѣдать, да и то почти всегда не въ пору, а вечеромъ пріѣзжалъ всегда поздно на извозчикѣ неизвѣстно откуда. Онисимъ Сергеевичъ давно ужъ собирался дать ему хорошій нагоняй: но утромъ онъ заставалъ кровать Жорженьки пустою, а вечеромъ, умаявшись около больныхъ, ложился спать, и родительское внушеніе откладывалось до другаго, болѣе удобнаго времени. Чикарскій постарался открыть своему питомцу хорошій кредитъ у од-

ной пріятельницы своей Домны Давидовны Толстиковой по десяти процентовъ въ мѣсяць, и сыночекъ кутилъ напропалую на счетъ добраго папеньки и нѣжной маменьки.

Мѣсяца черезъ полтора Соломонида Егоровна начала оправляться и входить въ хозяйство, запущенное во время ея болѣзни. Это обстоятельство было новымъ поводомъ всякую минуту упрекать Елену въ небрежности и въ томъ, что она болѣе любитъ заниматься "воображеніями", чѣмъ нужными дѣлами. Казалось, Соломонида Егоровна избрала старшую дочь мишенью для стрѣлъ, приготовленныхъ для кого-то другаго; казалось, она обливала желчью язвительнаго негодованія не того, кого бы ей хотѣлось.

Но упорнѣе была удерживаема на страдальческомъ одрѣ Marie. Доктора истощали все свое искусство, и на порядкахъ истощивъ терпѣніе и кошелекъ Онисима Сергеевича, порѣшили, что имъ ужь дѣлать нечего, и что лучше будетъ отправить больную за границу попутешествовать и попользоваться водами. Къ тремъ мѣсяцамъ Marie встала, но съ признаками болѣзни губительной, страшной.

Изхудавшая, блѣдная, она едва двигалась изъ комнаты въ комнату, и малѣйшій стукъ производилъ въ ней нервическіе припадки. Къ ужасу своему, она видѣла, что нарочитая худоба обнаруживала присутствіе другой болѣзни, которая въ одномъ случаѣ почитается благословеніемъ неба, а въ другомъ – стыдомъ и поношеніемъ...

Отъ Соломонида Егоровны не могло это укрыться, и она рѣшилась сказать все Онисиму Сергеевичу. Но приступъ къ такому объясненію былъ слишкомъ труденъ и не для такой, какъ Соломонида Егоровна, женщины. Какъ часто, вооружась, по видимому, полной рѣшимостью, она терялась на первомъ же словѣ и торопливо спѣшила сама потомъ скрыть темный намекъ отъ настороженнаго вниманія своего мужа!

Между тѣмъ толки самые соблазнительные, самые обидные для семейства Небѣды, ходили во цѣлому городу. Хорошая слава лежитъ, а худая по дорожкѣ бѣжитъ, говоритъ русская пословица. Вѣстовщики, и особенно вѣстовщицы истощались въ изобрѣтеніи сплетней, передавая ихъ другъ другу подѣ

величайшимъ секретомъ, — способъ, какъ извѣстно, самовѣрнѣйшій, чтобъ разгласить чтонибудь подъ рукою. Конечно, никто не смѣлъ сказать чегонибудь оскорбительнаго въ глаза Онисиму Сергеевичу: но нельзя жь было не замѣтить этихъ подозрительныхъ улыбокъ, этого переглядыванья и перешептыванья при появленіи Небѣды, этой принужденности въ обращеніи, и наконецъ — этого намѣреннаго отчужденія прежнихъ знакомыхъ отъ опозореннаго сплетнями дома. Удаленіе Пустовцева на дачу, его мрачность и какая-то необъяснимая робость, плохо прикрываемая дерзкими взглядами, а главное — стараніе по возможности избѣгать встрѣчь съ Небѣдой, — все это служило сильнымъ подтвержденіемъ дурныхъ слуховъ, ходившихъ изъ улицы въ улицу, изъ дома въ домъ. Прислуга, обыкновенно принимающая въ такихъ дѣлахъ самое дѣятельное участіе, вредила репутаціи цѣлаго семейства Небѣды неотразимо-страшно. Нѣсколько дней сряду изъ рукъ въ руки ходило письмо повара Небѣдовъ къ своему сыну, и многіе изъ господъ собственноручно списывали его, какъ

важнѣйшій, по ихъ мнѣнію, документъ. Благодаря Семену Семеновичу Трухтубарову, авторъ имѣетъ возможность сообщить оное читателямъ. Вотъ это письмо:

Любезнѣйшій сынъ нашъ!

"Посылаю вамъ заочное наше родительское благословеніе, которое на вѣкъ бы послужило вамъ и чтобъ вы знали, что у насъ въ домѣ очень неблагополучно, и весьма мнѣ сумнительно, каково глупы наши господа, ибо материнское сердце очень близко къ своему дѣтищу, но опять разсуждено, что природа къ тому влечетъ, не только люди, но и псы имѣютъ любовь свою къ дѣтямъ, и ради того умонепостижимаго поведенія нашихъ господъ, такъ какъ они совершенно сбились, какъ говорятъ простолюдины, съ пантельку и нападки чинятъ на старшую барышню нашу, а она вовсе безпричинна, а меньшая-то, то есть, не хорошо себя повела и уже обрѣтается съ будущимъ, какъ намъ докладно извѣстно отъ Варвары Ивановной, барышниной комнатны, которая при семъ свидѣтельствуемъ вамъ уважительный по-

клонъ и заочный поцалуу.

Въ постскриптумѣ было написано: "держите это про себя, то есть, въ секретѣ".

Но, какъ видите, въ секретѣ это не удержалось. Сынъ повара прочиталъ посланіе своего родителя въ людской, а изъ людской, черезъ любимую горничную, оно перешло въ гостиную, изъ гостиной въ другую, изъ другой въ третью и такъ далѣе. Въ силу такихъ обстоятельствъ, многія изъ барынь, охотницъ знать, что у кого даже въ кухнѣ варится и жарится, прибавили жалованья своимъ горничнымъ и кухаркамъ, которымъ секретной статьей домашняго контракта вмѣнялось въ обязанность разузнавать всѣ городскія вѣсти и сплетни. Отъ этого, по видимому, незначительнаго обстоятельства хозяйственная экономія во многихъ домахъ потерпѣла значительное разстройство, потому что многія барыни, принимая отъ своихъ кухарокъ отчеты въ ежедневныхъ расходахъ, рѣшительно стали пренебрегать контролемъ, когда сметливая приспѣшница въ крайне сомнительномъ бюджетномъ казусѣ накидывала какуюнибудь свѣжепросольную новость, застав-

лявшую строгую барыню трепетать от нетерпѣнія передать эту новость другимъ, разумѣется, по секрету. Туалетныя занятія многихъ госпожъ тоже потребовали больше времени по той причинѣ, что горничная, обыкновенно причесывавшая барыню, иногда лишнихъ разовъ десять принималась за гребешокъ, прежде чѣмъ успѣвала перевязать ленточку или снурокъ у корня косы. А это потому, что барыня, узнавъ отъ своей повѣренной нетерпѣливо ожидаемую сплетню, никакъ не могла покойно сидѣть передъ зеркаломъ; и безпрестанно вертѣлась, приводя въ отчаяніе привилегированную вѣстовщицу безконечнымъ продолженіемъ прически волосъ, поминутно ускользающихъ изъ ея намаженной руки. Въ Клубъ же и рѣчи другой не было, какъ о Небѣдахъ да о Пустовцевѣ. Почтенные Члены одинъ передъ другимъ старались удивить новостями своихъ слушателей, и горячимъ спорамъ конца не было. Семень Семенычъ даже немножко повздорилъ съ Созонтомъ Евстафьевичемъ, который вздумалъ отвергать одну нелѣпость, которая, дѣйствительно, ни на что похожа. Въ

самомъ дѣлѣ, нельзяжъ было согласиться, что Пустовцевъ магометанской вѣры, когда въ формулярѣ его ясно значилось, что онъ православнаго вѣроисповѣданія.

И долго бы еще мучиться Соломонидѣ Егоровнѣ нерѣшительностію объяснить мужу то, что немного попозже объяснилось бы само собою; и долго бы разгуливать по городу толкамъ и сплетнямъ, еслибъ неожиданное обстоятельство не ускорило всѣми ожидаемой развязки.

Глава одиннадцатая

Въ одно, какъ говорится, прекрасное утро Онисиму Сергеевичу подали записку, въ которой онъ прочиталъ слѣдующее: «Сегодня вечеромъ я буду у васъ. Вы должны принять меня непременно, если дорожите вашимъ спокойствіемъ, спокойствіемъ всего вашего семейства и наконецъ репутаціей вашей дочери».

Которой дочери, – ни было сказано, а подписался *Валеріанъ Пустовцевъ*.

Сначала Онисимъ Сергеевичъ улыбнулся. Онъ еще разъ прочиталъ записку, – и вдругъ лицо его подернулось страшной блѣдностью. Онъ схватилъ себя за голову и громко вскрикнулъ: "Боже мой, Боже мой! Неужто это правда...?" Но сила мысли взяла верхъ надъ увлеченіемъ сердца. Оскорбленное чувство отца придало силу и энергію этому доброму и гибкому характеру. Оправившись отъ перваго впечатлѣнія, Онисимъ Сергеевичъ рѣшился скрыть отъ всѣхъ полученную имъ записку, и наединѣ встрѣтитъ ударъ, уже предугаданный его сердцемъ. Онъ секретно

отдалъ одному изъ довѣренныхъ своихъ слугъ приказаніе немедленно и безъ особаго доклада провести прямо въ кабинетъ къ нему Пустовцева, какъ скоро онъ пожалуетъ. Сдѣлавъ такое распоряженіе, Онисимъ Сергеевичъ заперся въ своей половинѣ, не желая видѣться съ кѣмъ бы то ни было изъ своего семейства.

Чѣмъ болѣе сближалось къ вечеру, тѣмъ безпокойнѣе становился Онисимъ Сергеевичъ, съ каждымъ часомъ теряя силу преодолѣть непобѣдимое волненіе. Онъ хотѣлъ уже отдать приказъ отказать Пустовцеву, какъ вдругъ увидалъ передъ собой ожидаемаго гостя. Горѣвшая подъ колпакомъ карсельская лампа бросала сомнительный свѣтъ на лица двухъ собесѣдниковъ, изъ которыхъ одинъ — мрачный, блѣдный и сухой — остановился безмолвно посреди кабинета, а другой словно пригвожденъ былъ къ креслу, изъ котораго не имѣлъ силъ подняться для того даже, чтобъ встрѣтить и привѣтствовать гостя.

— Онисимъ Сергеевичъ, началъ Пустовцевъ, подойдя къ креслу, я не подаю вамъ руки, потому что чувствую себя недостойнымъ

принять вашу. Насъ тутъ двое: одинъ изъ насъ долженъ быть судьей, а другой отвѣтчикомъ и подсудимымъ. Право перваго неотъемлемо принадлежитъ вамъ; вторымъ являюся я, не съ тѣмъ однакожъ, чтобъ оправдывать себя, а чтобъ обвинять нещадно.

Изъ дрожащихъ устъ Небѣды послышалось глухое стенаніе. Онъ закрылъ лицо руками и остался въ этомъ положеніи.

— Будьте хладнокровнѣй, Онисимъ Сергеевичъ, продолжалъ Пустовцевъ. Дѣло наше слишкомъ большой важности, чтобъ рѣшить его шумомъ и ни къ чему не ведущими восклицаніями. Привязанность къ вашей дочери увлекла меня далѣе границъ благоразумія. Буду откровененъ: сначала я видѣлъ въ ней только только ребенка, хорошенькую игрушку, которою мнѣ нравилось забавляться. Далѣе и далѣе я серьезно привязался къ ней, успѣлъ пробудить въ ней самой незнакомое ей чувство любви, и по своему трудился надъ образованіемъ ея ума и сердца. Не думайте, чтобъ я не видѣлъ бездны, открываемой мною подъ ногами вашей дочери; нѣтъ, я видѣлъ, хорошо видѣлъ, и при всемъ

томъ смѣло велъ ее къ этой безднѣ съ чистымъ намѣреніемъ показать ей всю гибельность гибельнаго увлеченія: но я черезчуръ много довѣрялъ моимъ собственнымъ силамъ; я забылъ, что человѣку трудно устоять противъ очарованія, которому онъ самъ поддается въ гордой мысли дойти лишь до извѣстной точки – и ни шагу далѣе. Сначала, какъ видите, я увлекалъ, и потомъ меня увлекли дивныя совершенства вашей дочери.

– Батюшка, Валеріанъ Ильичъ! Дорѣзываютъ меня проворнѣй!.. Что мнѣ въ вашихъ хитрыхъ словахъ? Я человѣкъ простой. Я вижу только, что вы меня обидѣли, обезчестили, убили....

– Повторяю, Онисимъ Сергеичъ, безъ восклицаній! Здѣсь стѣны слышатъ.

– Да что мнѣ стѣны! Я въ истошный голосъ закричу на весь городъ!..

– Удивительно, какъ много вы этимъ сдѣлаете, съ невозмутимымъ хладнокровіемъ сказалъ Пустовцевъ. Васъ же осмѣютъ; васъ же будутъ поносить, но главное репутація Магіе на вѣки будетъ убита.

– Боже мой, Боже мой! воскликнулъ

Небѣда, ломая руки. Наказаль ты меня по грѣхамъ моимъ!

— Онисимъ Сергеичъ! Некогда теперь молиться; надо дѣло дѣлать. Иначе оно приметъ худой оборотъ.

Закинувъ голову на спинку кресла, Небѣда, казалось, думаль о чемъ-то; по лицу его текли слезы тяжелой, мучительной грусти оскорбленнаго, обезчещеннаго отца.

— Слушайте, сказалъ глухо Пустовцевъ, наклонясь къ Небѣдѣ, я... обольстиль... вашу Marie.

Онисимъ Сергеевичъ вздрогнулъ, какъ вздрагиваетъ уже измученная жертва подъ послѣднимъ ударомъ палача: но ни слова, ни даже звука не вырвалось изъ стиснутыхъ устъ его; только лицо побагровѣло.

Самъ Пустовцевъ испугался. Онъ торопливо бросился къ графину, и не нашедши стакана, намочилъ водою свой платокъ и проворно приложилъ его къ воспаленной головѣ Онисима Сергеича. Небѣда вздохнулъ всей грудью, и быстро выхвативъ изъ рукъ Пустовцева графинъ, сталъ прямо изъ него глотать воду.

— Дайте мнѣ лечь, сказалъ онъ потомъ слабымъ голосомъ, и облокотясь на руку Пустовцева, перешелъ на широкое канапе, и ринулся на него всею корпусомъ.

Въ эту минуту въ залѣ послышался страшный, пронзительный вопль, и что-то рухнуло на полъ. Пустовцевъ насторожилъ ухо; тамъ поднялась бѣготня. Черезъ минуту раздался другой вопль... Онисимъ Сергеемчъ глухо простоналъ и впалъ въ безчувствіе.

Не зная, что начать, Пустовцевъ бросился къ двери, ведущей въ залу; дверь была заперта. Сильной рукой рванулъ онъ ее, и обѣ половинки съ шумомъ разпахнулись. Что же увидѣлъ онъ?... На полу, съ разбитымъ до крови скуломъ, лежала безчувственная Marie, и только прерывистое дыханіе показывало присутствіе въ ней жизни. Бросивъ шляпу и оттолкнувъ прислугу, Пустовцевъ схватилъ на руки бѣдную дѣвушку и понесъ въ гостиную. Онъ бережно сложилъ свою ношу на мягкое канапе, и стоя на колѣняхъ, старался привести Marie въ чувство всею, что подавала ему растерявшаяся прислуга. Но старанія его не такъ были успѣшны, какъ старанія Еле-

ны, которая хлопотала около матери; Соломонида Егоровна поднялась, и опираясь на руку дочери, вошла въ гостиную. Видь безчувственной Marie, окруженной попеченіями Пустовцева, едва не сдѣлался причиною вторичнаго обморока мадамъ Небѣды. Къ счастью, этого не послѣдовало, и Соломонида Егоровна сама начала отдавать приказанія, нужныя въ такомъ случаѣ.

– Идите, сказалъ Пустовцевъ Соломонидѣ Егоровнѣ, къ Онисиму Сергеевичу, но старайтесь быть какъ можно покойнѣе, – иначе, все погибло!

Испуганная, она забыла всю слабость, оставшуюся отъ обморока, и поспѣшно пошла въ кабинетъ мужа, оставивъ Marie попеченіямъ Пустовцева и Елены. Дыханіе Marie становилось ровнѣе.

– Елена Онисимовна, сказалъ Пустовцевъ по французски, прикажите прислугѣ выдти вонъ. Мы должны остаться одни прошу васъ!

Елена сдѣлала знакъ, и прислуга медленно и осторожно вышла изъ гостиной.

– Затворите плотнѣе двери въ людскую и въ прихожую, продолжалъ Пустовцевъ.

Елена взглянула на него вопросительно.

– Затворите, говорю вамъ прошепталъ онъ нетерпѣливо.

Невольно повинуюсь властному тону, Елена поспѣшила исполнить требованіе Пустовцева.

Между тѣмъ Marie начинала приходиться въ себя. Она открыла глаза; но свѣтъ, ударившій прямо, заставилъ ее опять закрыть ихъ.

– Переставьте лампу на тотъ столъ! сказалъ Пустовцевъ Еленѣ, держа руку Marie.

Елена повиновалась.

– Кто здѣсь? слабо проговорила Marie.

– Я, Валеріанъ, другъ твой.

Несчастливая дѣвушка взглянула испуганными очами, и порывисто поднявшись на диванъ, судорожно вырвала руку изъ рукъ Пустовцева.

И Пустовцевъ..... Пустовцевъ... заплакалъ... Голова его упала на край дивана; глухія, но сильныя всхлипыванія колебали страдальческое ложе его жертвы...

Marie съ недоувѣрчивостью и изумленіемъ глядѣла на Пустовцева, на этого гордаго,

непреклоннаго челоуѣка. Онъ – всегда кощунственно смѣявшійся надъ всякимъ выраженіемъ внутренней боли челоуѣка, онъ – презрительно называвшій горькую слезу каплею пота, проступающаго изъ поръ глазныхъ; онъ – ни разу не погрустившій надъ горемъ челоуѣка, и всегда готовый гордо встрѣтить находящую бѣду, – онъ плачетъ!.. Съ какимъ-то дѣтскимъ любопытствомъ Marie протянула руку къ голоуѣ Пустовцева, и старалась приподнять ее, какбы желая увѣриться въ истинѣ скорби своего обольстителя и насладиться его слезами. Пустовцевъ схватилъ эту такъ знакомую ему руку, прижалъ ее къ пылающимъ устамъ своимъ обливая жгучими слезами. Грудь Marie волновалась сильнѣе предняго.

– Marie, сказалъ Пустовцевъ, простишь ли ты меня?

Она опять отдернула руку отъ устъ его.

– Marie! не проклинай хоть меня! Я преступникъ, но я у ногъ твоихъ: я виноватъ, но вѣдь любовь моя безумная привела меня къ тому. О, Marie, Marie! вспомни, и ты вѣдь меня любила!

Бѣдная дѣвушка упала на подушку и залилась слезами.

— Я не выйду отсюда, пока ты не назовешь меня тѣмъ сладкимъ именемъ, которое такъ часто слышалъ я изъ устъ твоихъ!.. Marie! Всю жизнь мою, всѣ думы мои отсель я посвящу тебѣ, и честь моя порукою, что я сдѣлаю тебя счастливою!

— Надолго ли? какъ громъ, раздался надъ годовой Пустовцева голосъ Онисима Сергеевича, который незамѣтно вошелъ въ гостиную съ рыдающей женой.

— На всю вѣчность! вскричалъ Пустовцевъ подѣ вліаніемъ восторженнаго чувства.

— Ха, ха, ха, ха! Не велика же ваша вѣчность, если мы будемъ считать ее днями! сказалъ Небѣда, стоявшій ровно и какъ будто выросшій въ одну минуту.

— И мгновеніе счастья искупаетъ иногда годы страда"ій отвѣчадѣ Пустовцевъ, гордо смотря въ глаза Небѣдѣ.

— А если и мгновенье это отравлено болѣзнію неизлечимой?

— Любовь моя будетъ самымъ цѣлительнымъ лекарствомъ для вашей доче-

ри.

– Вижу, батюшка, какъ оно цѣлительно! Уйди, Елена, сказалъ Онисимъ Сергеевичъ кротко: тебѣ стыдно быть тутъ. Уйди, другъ мой!

Елена, рыдая, вышла.

– Упреки въ сторону, Онисимъ Сергеевичъ, сказалъ Пустовцевъ, они ни къ чему не поведутъ. Что сдѣлано, того ужъ не воротишь. Здѣсь, передъ вами, я винюсь въ преступленіи, и клянусь заслужить, если не любовь вашу, то по крайней мѣрѣ прощеніе себѣ. Честь вашей дочери давно уже принадлежитъ мнѣ; отъ васъ я прошу только руки ея, я увѣренъ, что вы не откажете мнѣ, хоть бы для того лишь, чтобъ покрыть безчестіе имени, драгоцѣннаго и мнѣ и вамъ... Соломонида Егоровна! обращаюсь къ вамъ, какъ къ матери....

– Ахъ, чтожь я могу сказать? едва проговорила, рыдая обезчещенная мать.

– Ничего! твердо произнесъ Онисимъ Сергеевичъ. По дѣламъ вору и мука! Мы, мы, матушка, одни съ тобой виноваты! Пустили волка....

– Папенька, подите ко мнѣ! громко и какъ-то рѣшительно сказала Marie.

Небѣда подошелъ къ ней колеблющимися шагами. Marie наклонила его къ себѣ и сказала что-то на ухо. Онисимъ Сергеевичъ ухватился за столъ и задрожалъ. Marie упала на подушку и закрыла себѣ лицо руками.

– Боже! сказалъ наконецъ Онисимъ Сергеевичъ. Вижу, вижу карающую десницу Твою!.. Валеріанъ Ильичъ, вы поступили подло, безчестно... но не мнѣ судить васъ. Есть Богъ отмститель злаго коварства и всякой неправды! Онъ воздаетъ вамъ за то горе, которымъ облили вы всю мою душу! Онъ заплатитъ вамъ за тотъ стыдъ, которымъ покрыли вы сѣдины мои! Она, – и отецъ указалъ на поруганную дочь, – она отдалась вамъ, не спросивъ меня; возьмите жъ ее, тоже не спрашиваясь меня! Когда въ преступной душѣ вашей скопился гнусный замыселъ, вы не просили моего благословенія, ибо преступнаго и гнуснаго не благословляютъ; не просите жъ и теперь, ибо не поднимется рука моя благословить преступниковъ!..

Marie вскрикнула. Соломонида Егоровна

бросилась къ ней со спиртомъ. Небѣда продолжалъ твердо и невозмутимо:

— Я удержу языкъ мой отъ проклятiя... оно пало бы на меня, глупаго и виновнаго отца! Но не будетъ вамъ счастья, ибо вы хотѣли пользоваться имъ воровски; не будетъ вамъ долголѣтiя, ибо вы не уважили сѣдинъ отца и преклонныхъ лѣтъ матери! Валерiанъ Ильичъ!.. Вы тайно отъ меня вошли въ родство со мною, и заставили старика со стыдомъ признать это родство; вы зять мой, но никогда не будете моимъ сыномъ! слово мое вѣрно. Кончайте жъ теперь то, что начали! Мое тутъ дѣло сторона. Прощайте!

И Онисимъ Сергеевичъ быстро вышелъ изъ гостиной. Захлопнувъ за собой двери кабинета, онъ два раза повернулъ ключъ въ замкъ, оставивъ другiя дѣйствующiя лица доигрывать эту грустную драму... Пора однакожь и предъ вами, читатель мой, спустить занавѣсъ; развязка слишкомъ очевидна, чтобы досказывать ее до конца. Слава Богу еще, что при этихъ сценахъ не было Жорженъки, а то, право, не знаю, какъ выдержали бы роли свои главные персонажи этой драмы. Юный

питомецъ Пустовцева и Чикарскаго прїѣхалъ поздно на извозчикѣ прѣпьяный-пьяный, что впрочемъ на этотъ разъ было довольно кста-ти, потому что устранилась неизбѣжная на-добность посвящать его въ эту минуту въ се-мейныя тайны.

На тойже недѣлѣ начались приготовленія къ свадьбѣ. Онисимъ Сергеевичъ рѣшительно не выходилъ никуда и не вмѣшивался ни во что. Онъ всѣми мѣрами избѣгалъ даже встрѣчи съ Пустовцевымъ, и обычныя привѣтствія знакомыхъ раздражали его страшно. Ни жилая служить баснею цѣлаго города, Небѣда немедленно подалъ въ отставку, и съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать мину-ты, когда позволено ему будетъ выбраться изъ омута сплетней, толковъ и злословія, ко-торые кишмя кишели черными гномами въ самой атмосферѣ, его окружавшей. Онисимъ Сергеевичъ, на время свадьбы, уѣхалъ въ имѣніе, состоявшее подъ его опекою. Тихо и скромно отпраздновали бракосочетаніи Marie съ Пустовцевымъ въ одной ближайшей къ го-роду деревнѣ, и молодые супруги начали свои медовыя мѣсяцы, уже отравленные горькой

ПОЛЫНЬЮ...

Въ непродолжительномъ времени на воротахъ квартиры Небѣды проходящіе читали слѣдующую надпись: "сей домъ прадаеця и займы адаеця, а о цене спрасить у хозяина.". Онисимъ Сергеевичъ, получилъ отставку, немедленно выѣхалъ изъ города, гдѣ такъ поносно осмѣяна была его ничѣмъ ни запятнанная честь и доброе имя.

Грустно и печально было его разставанье съ дочерью, въ которой онъ когда-то души не слышалъ. Въ послѣднія минуты прощанья уже готово было сорваться съ устъ его слово примиренія, уже онъ протянулъ было отцовскія объятія къ преступной дочери: но раздавшійся подъ окнами громкій смѣхъ какихъ-то молодыхъ людей снова оледѣнилъ сердце оскорбленнаго отца. Онъ отвернулся отъ Marie и произнесъ какъ-то напряженно: "Богъ тебя да помилуетъ! Живите, какъ знаете!"

О отошла отверженная дочь отъ любившаго ее отца..... Села она, бѣдная, одна-одиношенька, и залилась горькими слезами. Соломонида Егоровна, вся расплаканная, подошла

къ отринутой, и обвинивъ рукою шею дочери, другою разглаживала густые волосы, успокоивая ее нѣжными словами.

– Ахъ, маменька, маменька, говорила сквозь рыданія бѣдная Marie, вѣдь я сирота уже!

– Богъ съ тобою, другъ мой! Мы еще живы; отъ чегожь ты сирота?

– Вы не мои.

– Какъ тебѣ, Маша, не грѣхъ отказываться отъ насъ!

– Не я отказываюсь, маменька, а отъ меня отказались.

– И, полно! Чего ты смотришь на отца? Вѣдь онъ всегда такой на первыхъ порахъ, а послѣ уходится, и все пойдетъ хорошо.

– Вѣрю, только не со мною. Мнѣ ужъ не видать его ласкъ, мнѣ ужъ....

И снова зарыдала отринутая дочь. Соломонида Егоровна утѣшала ее, какъ умѣла: но и не Marie замѣтила бы во всякомъ словѣ матери невѣрность и непрочность убѣжденій.

– Не надолго я съ вами, маменька, сказала Marie послѣ продолжительнаго молчанія.

– Чтожь дѣлать-то, другъ мой? Нельзя же

откладывать, когда все уже готово.

– Приѣдете ли вы проводить меня?

– Да развѣ ты собираешься куда?

– Сбираюсь, маменька, и въ дальнюю-дальнюю дорогу. Вы видите, въ какомъ я положеніи: но не видите, что тоска изгрызла уже мое сердце, что съ развязкой моего стыда я развяжусь и съ жизнью... Маменька! Поминайте.... меня... въ молитвахъ вашихъ! Скоро, скоро не будетъ меня на этомъ свѣтѣ!

Соломонида Егоровна рыдала. Сердце матери бользненно соглашалось съ пророческими словами дочери...

– Богъ милостивъ, Маша; все пройдетъ, говорила она, сама искренно не вѣря словамъ своимъ. Ты будешь жива, здорова, и къ намъ еще приѣдешь.

– Нѣтъ, маменька, не приѣду. Я знаю, что у меня чахотка. Но не то меня мучитъ, милая маменька! Смерть мнѣ не страшна; я даже съ радостію встрѣчу ее... но Валеріанъ – Валеріанъ, – вотъ кто не даетъ мнѣ умереть покойно! онъ сталъ такъ мраченъ, что въ иную пору и я боюсь подойти къ нему. Знаете ли, что онъ сдѣлалъ недавно? Мнѣ прислали

изъ Кіева кипарисную икону Богоматери съ святыми угодниками; я оставила ее въ кабинетѣ Валеріана. Приходитъ онъ съ должности; я встрѣтила его, и мы пошли вмѣстѣ въ его половину. – Чѣмъ это пахнетъ? спросилъ онъ. Я указала на икону.... Ахъ, маменька!.. съ какимъ не человѣческимъ остервененіемъ бросился онъ къ столу!.. Икона уже была у порога, разбитая въ дребезги..... Боже мой, Боже мой! Погибъ, погибъ онъ безъ меня!...

Такъ говорила страдальца, забывая саму себя и думая только о томъ, кто погубилъ ее.... Нѣтъ, друзья мои, сердце любящей женщины выше всего прекраснаго въ мірѣ!..

Пустовцевъ, дѣйствительно, сталъ ужасенъ. Ни имѣя вѣры, – этой главнѣйшей опоры нашего бытія, этого покойнаго возглавія, на которомъ улегается утомленная думами голова страдальца; не имѣя надежды, – этого якоря, безъ котораго погибъ бы корабль нашей жизни; не имѣя любви, возвышающей земное до небеснаго, Пустовцевъ оставленъ былъ самому себѣ, своей гордости и мнимой непреклонности характера. Страшное одиночество! Оно и на землѣ отторгаетъ человѣка

отъ подобныхъ ему; что жь на небѣ, гдѣ живетъ вѣчная любовь, гдѣ весь міръ надзвѣздный держится согласіемъ и гармоніей!..

Пустовцевъ, упрашиваемый женою, согласился наконецъ, за день до отъѣзда своихъ родныхъ, проститься съ ними: но какъ на бѣду, онъ попалъ къ нимъ именно въ то время, когда у Онисима Сергеевича только что кончилась жаркая перепалка съ Жоржемъ. Оно бы и ничего, да Соломонида Егоровна подлила масла въ огонь. Желая оправдать сколько нибудь свое возлюбленное чадо, она возразила, что напрасно Онисимъ Сергеевичъ попрекаетъ Жорженьку дурными обществами, что непозволительныхъ связей онъ не имѣетъ и имѣть не можетъ, потому что это дурно, не хорошо, о чемъ, конечно, не разъ слышалъ онъ и отъ "ихняго Валеріана." Это-то только и не доставало, чтобъ разразиться рѣзкими выходками на счетъ Пустовцева. И Онисимъ Сергеевичъ, какъ говорится, выписалъ женѣ всю правду-матку о зятѣ, и порѣшилъ тѣмъ, что онъ знать его не хочетъ.

Въ эту-то самую минуту доложили о Пу-

стовцевъ; а надо знать, что, со времени свадьбы, онъ ни разу не заглянулъ къ своимъ, ни однажды не промолвилъ слова съ Онисимомъ Сергеевичемъ, что впрочемъ и неудивительно, послѣ извѣстнаго объясненія еще съ будущимъ тогда зятемъ. Онисимъ Сергеевичъ хотѣлъ было и въ этотъ разъ улизнуть въ кабинетъ, но было уже поздно. Пустовцевъ входилъ въ залу.

– Здравствуйте, сказалъ онъ.

Онисимъ Сергеичъ безотвѣтно сѣлъ въ любимое свое кресло и потушилъ голову.

– Жоржъ! небрежно сказалъ Пустовцевъ, садясь на канапе и доставая папироску. Подай мнѣ огня!

Жоржъ зажегъ спичку и съ улыбкой подалъ ее Пустовцеву.

– Пошелъ вонъ, негодяй! гнѣвно сказалъ Небѣда.

Жоржъ, взглянувъ значительно на шурина, засмѣялся и вышелъ.

– Такъ вы, сказалъ Пустовцевъ, думаете завтра я выѣхать?

– Завтра, отвѣчала Соломонида Егоровна, робко поглядывая на мужа.

– Скоренько, сказалъ Пустовцевъ, пуская кольцами дымокъ.

– Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше, рѣзко проговорилъ Небѣда.

– За чѣмъ же такъ торопиться?

– За тѣмъ, чтобъ не дали мнѣ посреди улицы оплеухи! сказалъ Онисимъ Сергеевичъ, дрожа отъ гнѣва.

– Ахъ, Онисимъ! сказала Соломонида Егоровна. Какъ тебѣ не стыдно говорить это!

– А что ты думаешь, баба? отвѣчалъ онъ съ злой ироніей. Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ, стыдно. У насъ, слава Богу, зятекъ есть; заступится, въ случаѣ обиды; на дуэль вызоветъ.

Пустовцевъ уронилъ папироску.

– Вы недурно острите, – сказалъ онъ, презрительно улыбнувшись.

– Да, у васъ научился, грубо отвѣчалъ Небѣда.

– Однакожь мы порядкомъ ребячимся, сказалъ Пустовцевъ съ принужденной улыбкой.

– Можетъ быть.

– Я пришелъ къ вамъ проститься.

– Ну, и прощайте.

– Скажитежь, какъ мы расстаемся?

– Очень просто: я ѣду, а вы тутъ остаетесь.

– И только?

– Не больше.

– Жаль!

– Мало ли чего! Иному есть и больше что пожалѣть, да не приходится. У иного, батюшка, сердце кровью обливается, да показать людямъ стыдно, засмѣютъ; у иного отняли великое сокровище, что синь-порохъ въ глазу, да пожаловаться некому, да, некому! Иного... да что толковать! Баста, аминь!

И Онисимъ Сергеевичъ еще ниже наклонилъ голову.

– Ваше сокровище, кажется, не въ дурныхъ рукахъ, протяжно сказалъ Пустовцевъ.

– Да, скоро будетъ въ хорошихъ, а теперь покамѣсть въ дурныхъ, отвѣчалъ Небѣда, поднявшись съ кресла и направляясь въ кабинетъ.

– Жена! крикнулъ онъ въ дверяхъ.

Соломонида Егоровна поспѣшно пошла къ мужу, и Пустовцевъ остался одинъ.

Мрачно глядѣлъ онъ съ минуту на закрывшіяся предъ нимъ двери кабинета; стиснутыя губы и сдвинутыя брови его вы-

ражали гнѣвъ и досаду; яркій румянецъ, проступившій на блѣдныхъ и впалыхъ щекахъ его, обнаруживалъ безсильную злобу. Постоявъ немного, онъ громко засмѣялся, схватилъ шляпу, смялъ ее въ рукахъ и выбѣжалъ изъ дому.

– Проклять часъ, когда я...

Никто не слышалъ окончанія крамольной рѣчи изгнанника изъ отческаго дома...

А чего не вытерпѣла Marie въ короткій срокъ своего супружескаго житья-бытья! Оставленная отцомъ и матерью, воспитавшая въ себѣ непреодолимую антипатію къ сестрѣ, одна, – всегда одна, всѣмъ чужая, – она, какъ испуганная голубка, пряталась отъ коршуновъ и ястребовъ, готовыхъ ежеминутно терзать ее насмѣшками и злословіемъ. Никто съ того самага дня, какъ приняла она имя своего обольстителя, ни разу не заглянулъ къ ней; ни отъ кого изъ чужихъ не слышала она самага обыкновеннаго привѣта дружбы, – и все то по милости своего избранника!.. Пустовцевъ всѣхъ оттолкнулъ отъ себя своею дерзостью и непреклонной гордостью, а дурная слава о несчастной Marie окончательно отдалила ще-

котливыхъ на чужіе грѣхи барынь отъ обезчещеннаго дома. Терзалась гордая душа его, но не столько за свое униженіе, сколько за униженіе той, которую онъ самъ погубилъ невозвратно. Въ гнѣвной раздражительности онъ осыпалъ передъ Marie самыми злыми и язвительными насмѣшками всякаго, кто осмѣливался быть невнимательнымъ къ нему; каждый день возвращался онъ домой тревожный, безпокойный, и послѣ двухчасоваго молчанія раздражался сарказмами и презрѣніемъ, не щадя ни узъ родства, ни привязанности дружбы, ни незапятнаннаго имени дѣвицы. Но холодно уже и безучастно принимала Marie эти вспышки безсильной досады; чистая душа ея съ покорностію усматривала справедливость гоненія людскаго, и тайно отъ мужа она молила Бога прекратятъ ея невыносимыя страданія. Беззаконно зачатый плодъ преступной любви, вмѣсто радости и утѣшенія, поселялъ въ ней стыдъ и отчаяніе. Мать страшилась святаго названія матери!..

Боже мой, Боже мой! Какъ велика цѣна искупленія за одно минутное увлеченіе неопытнаго сердца!.. Но не щадитъ судъ Твой

и нынѣ обольщаемыхъ преступницъ, какъ не пощадилъ онъ прародительницу нашу, обольщенную змѣемъ-искусителемъ!..

Глава двѣнадцатая

Marie увидала слишкомъ замѣтно. Лютая чахотка развилась въ ней до ужасающей степени. Доктора, послѣ нѣсколькихъ консилиумовъ, рѣшили, что главною причиною болѣзни ихъ паціентки было то, что она, разгоряченная танцами, во время извѣстнаго пикника, пила холодную воду. Это, между прочимъ, послужило весьма поучительнымъ примѣромъ, которымъ каждый изъ докторовъ воспользовался при удобномъ случаѣ, внушая осторожность молодымъ своимъ паціенткамъ. Но никто изъ просвѣщенныхъ питомцевъ эскулапа на намекнулъ на ту заповѣдную тайну, которая червемъ зародилась въ душѣ страдальцы и подточила жизнь ея въ самомъ корнѣ.

Пустовцевъ съ ужасомъ видѣлъ разрушеніе любимаго имъ существа. Онъ любилъ ее, какъ свою жертву, со всемъ пламенемъ бурной, неистовой страсти. Будь Marie въ цвѣтущемъ здоровьѣ, будь она весела и игрива, какъ бывала прежде, — можетъ быть, Пустовцевъ и охладѣлъ бы мало по малу, удо-

влетворивъ своей чувственности, но страданія любимаго существа возвысили цѣну его, и потухающая любовь поддерживалась неизбѣжной внимательностью къ больной. Мысль о вѣчной разлукѣ съ Marie обдавала его смертельнымъ холодомъ, и съ содроганіемъ видя близкое осуществленіе пугавшихъ его ожиданій, онъ произносилъ хульный ропоть на Того, Кому не зналъ имени, но присутствіе Котораго, мимо желанія своего, ощущалъ онъ слишкомъ осязательно. Раздраженное чувство искало успокоенія въ чемъ бы то ни было, и онъ прибѣгалъ къ отрицанію всего, чѣмъ живетъ нашъ внутренній челоѡкъ. Такъ неизлечимо страдающій нѣкоторыми физическими болями прибѣгаетъ къ яду, на мгновеніе заглушающему нестерпимыя его страданія...

— Что жъ такое? говорилъ Пустовцевъ въ такія минуты. Смерть — это общій удѣлъ всего существующаго! Кто мы, откуда, куда пойдёмъ и чѣмъ будемъ — кто это знаетъ? Умрешь — похоронятъ, наростетъ лишній слой земли — и кончено! Проповѣдуютъ тамъ о какомъ-то безсмертіи; слабыя натуры вѣрятъ этому, ни-

сколько не подозрѣвая, какъ смѣшны и глупы претензіи куска земли на вѣчную жизнь въ какомъ-то надзвѣздномъ мірѣ...

Не далеко уйдешь, господинъ философъ, съ такими убѣжденіями! Скажется со временемъ желаемое тобой ничтожество, явится оно: но не въ томъ видѣ, въ какомъ ты его себѣ воображаешь. Источать черви бренное тѣло твое: но и оно не исчезнетъ обманчивымъ миражемъ. Разсѣявшись въ міриады атомовъ, оно до послѣдняго воскресенія своего станетъ проявляться въ другихъ твореніяхъ, полныхъ жизни, и не истлѣетъ до конца вѣка!.. Излетитъ изъ тѣла та невѣдомая сила, которую ты самъ же назвалъ душою, и по которой ты далъ себѣ право горделиво испытывать тайны природы и возноситься мыслию выше звѣздъ небесныхъ, — излетитъ она, и не найдетъ стихій, могущихъ обратить ее въ ничтожество, ибо она чище, эфирнѣе всякой стихіи, сильнѣе всего сотвореннаго; а сильное слабому не поддается... Явится тебѣ, философъ, желаемое тобой ничтожество: но явится въ сознательномъ твоёмъ отпаденіи отъ Того, Кто есть все, Кѣмъ все живетъ и внѣ Котораго

ты точно ничто!..

Люди, люди! Чѣмъ вы играете и что бросаете на необъятную ставку вѣчности!.. Мысль цѣпенѣетъ отъ ужаса!..

Въ одно утро докторъ, постоянно навѣщавшій больную Marie, безпокойно замѣтилъ Пустовцеву, что положеніе его супруги очень ненадежно, и что не мѣшало бы пригласить такого-то и такого-то для общаго совѣщанія.

— Превосходно, отвѣчалъ Пустовцевъ, а позвольте ли узнать, для какой это надобности?

— Для....

— Я вамъ помогу, перебилъ Пустовцевъ, — для того, чтобъ по формальному протоколу, утвержденному подписью нѣсколькихъ изъ вашей братіи, отправить ее въ елисейскія — такъ чтоль?

— Какъ вамъ угодно....

— Мнѣ угодно, чтобъ вы одни отправили ее туда, по всемъ правиламъ вашей премудрой медицины.

— Извините-съ, сказалъ обиженный докторъ, принимаясь за шляпу.

– Къ чему такая щекотливость? Полноте, сказалъ Пустовцевъ, удерживая доктора. Я такъ раздраженъ... самъ не понимаю, что говорю. Сядемте, да потолкуемъ, Пустовцевъ усѣлся въ кресло.

– Нуте-съ, скажите же, что вы тамъ находите въ моей Marie?

Докторъ, разсчитавъ, что чрезмѣрная амбиція можетъ лишить его порядочнаго куша, заработаннаго, но еще не полученнаго имъ, помѣстился насупротивъ Пустовцева.

– Плохо-съ, какъ я уже имѣлъ честь доложить вамъ. Въ эту ночь, какъ мнѣ кажется, васъ можно будетъ поздравить отцомъ: но сомнѣваюсь, чтобъ родилась дитя живое. Ваша супруга истощена до крайности, и разрѣшеніе будетъ послѣднимъ исходомъ ея силъ жизненныхъ-съ. Остановить за тѣмъ разрушительное дѣйствіе чахотки не предвидится никакой, такъ сказать, возможности.

Пустовцевъ, въ продолженіи этой тирады медленно открывавшій бумажникъ, досталъ оттуда радужный билетъ и подалъ его доктору.

– Благодарю васъ, докторъ, сказалъ онъ

насмѣшливо, за ваши труды, а всего больше, за пособіе.

Добрый докторъ принялъ двумя пальцами депозитку, и вѣжливо откланялся Пустовцеву.

Въ самомъ дѣлѣ, въ эту же ночь Marie стала матерью: но не увидала она свѣтлыхъ глазокъ своего малютки. Плодъ преступной любви перешелъ изъ одной могилы въ другую...

Дыханіе смерти уже носилось надъ обезсилѣвшей матерью: но и тутъ едва могла она упросить своего Валеріана, чтобъ онъ позволилъ ей прибѣгнуть къ утѣшеніямъ религій. Долго отвѣчалъ онъ на усиленные прозьбы жены своей мрачнымъ молчаніемъ, наконецъ согласился и велѣлъ позвать священника.

— Батюшка! сказалъ онъ, встрѣчая на порогѣ отца духовнаго. Жена моя хочетъ о чемъ-то говорить съ вами. Что слѣдуетъ заплатить вамъ за такой трудъ?

Оскорбленный служитель олтаря въ негодованіи отступилъ отъ Пустовцева. Онъ хотѣлъ отвѣчать что-то на такую дерзость, но потомъ какъ будто отдумалъ, поклонился и

хотѣлъ выдти.

– Позвольте, сказалъ Пустовцевъ, вы, кажется, обидѣлись? Чтожь тутъ такого? Это вѣдь ремесло ваше. Съ меня же берутъ доктора за то, что готовятъ къ смерти.

– Я, милостивый государь, не готовлю, а напутствую умирающихъ.

– Все одно! Перемяна только въ слогъ.

– Извините, что я васъ побезпокоилъ.

– Меня? Да вы вѣдь не ко мнѣ пожаловали.

– Знаю. Вамъ и не нужны наши утѣшенія. Дай только Богъ, чтобъ вы сами не потребовали ихъ когда нибудь поздно и бесплодно!

– Постараюсь! дерзко и гордо отвѣтилъ Пустовцевъ.

– Батюшка, сказала горничная, подходя подь благословеніе, – барыня васъ просить.

– Позвольте? сказалъ священникъ.

– Сдѣлайте одолженіе! Однакожь не будьте на меня въ претензіи.

– Милостивый государь! еслибъ вы меня и болѣе оскорбили, я все таки не пошелъ бы теперь отъ васъ. Когда разятъ война, на полъ брани, онъ долженъ стоять: такъ и мы – недостойные служители олтаря Господня...

– Какіє однакожь низкіє характеры у этихъ поповъ! почти вслухъ сказалъ Пустовцевъ, провожая презрительнымъ взглядомъ уходящаго къ больной священника.

Чахотка быстро и сокрушительно добивала свою жертву. Marie уже потеряла голосъ, и часами почитала жизнь свою. Благочестивый служитель олтаря Господня всякій день по нѣскольку часовъ оставался у больной, врачуя и укрепляя душу страдальцы въ тяжелой борьбѣ съ мучительнымъ раскаяніемъ. Пустовцевъ въ такія часы никогда не входилъ въ спальню жены; онъ видѣть не могъ этихъ, по его выраженію, тунеядцевъ, которые живутъ на счетъ суевѣрія тупыхъ головъ.

Въ послѣдній однакожь день Marie настойчиво потребовала къ себѣ мужа при священникѣ. Тихимъ, но грознымъ взоромъ встрѣтила она своего Валеріана, и трепещущей рукой указала ему мѣсто у ногъ своихъ.

– Ну что, батюшка, сказалъ Пустовцевъ съ злой усмѣшкой, какъ идетъ ваше леченіе?

– Слава Богу, смиренно отвѣчалъ священникъ.

– Да вы какъ лечите ее – на животъ или на

смерть?

— На животъ, Валеріанъ Ильичъ, на вѣчный животъ.

— Лучше бы на временный, а вѣчный-то поберегли бы для себя.

— Марья Онисимовна не захочетъ теперь промѣнять своего вѣчнаго на ваше временное.

— Будто?

— Увѣряю васъ моимъ іерейскимъ словомъ.

— Отъ чегожь это?

— Отъ того, сказалъ іерей Божій, и голосъ его сдѣлался грозень, — отъ того, что вы отравили ея временное счастье; отъ того, что вы заразили ее такой болѣзнію, которой не вылечить бы мнѣ никогда, еслибъ не благодать Божія. При ея лишь всесильномъ дѣйствіи, открылась растлѣнная вами душа страдальцы къ святымъ утѣшеніямъ вѣры и надежды на небесныя обѣтованія... Боже милостивый! Что было бы съ нею, еслибы она осталась при томъ отчаяніи, въ которое вы ввергли ее вашими богопротивными правилами и неосторожными внушеніями... Валеріанъ Ильичъ! Не обижайтесь моимъ дерзновеніемъ; я говорю

не отъ себя, но отъ имени Того, Кому служу и Кого вы не хотите знать. Придетъ пора, когда Онъ Самъ скажется вамъ... но да сохранятьъ васъ силы небесныя отъ страшнаго суда Божія!..

На глазахъ служителя олтаря заблистали искреннія слезы сокрушенія о погибающемъ. Магіе, рыдала. Пустовцевъ бросилъ гнѣвный взглядъ на священника и наклонялся къ женѣ.

– Валеріанъ, Валеріанъ, сквозь рыданія шептала страдалица. Опомнись, покайся!

– Ужь поздно!.. отвѣчалъ съ страшной улыбкой отступникъ.

– Никогда не поздно! отозвался священникъ. Богъ....

– Оставьте, отецъ святой, ваши назиданія! гнѣвно перебилъ Пустовцевъ. Онъ мнѣ не нужны. Я лучше васъ знаю, во что мнѣ вѣрить и чего надѣяться. Рассказывайте ваши бредни глупымъ суевѣрамъ. Можетъ быть, вы спасете ихъ этимъ отъ общей участи всего земнаго. Оставьте жь меня и дѣлайте свое дѣло!

И демонъ-соблазнитель вышелъ изъ

спальни умиравшей своей жертвы....

Въ ночь эту не стало Marie. Успокоенная, примиренная съ небомъ, она тихо отошла въ ту страну, гдѣ нѣтъ ни печали, ни болѣзни, ни воздыханія....

Возмутительно-страшно было отчаяніе Пустовцева. Отказавшись отъ утѣшеній религіи, увидавъ разрушеніе мечтательнаго своего счастья, всѣми покинутый и оставленный, онъ заперся въ своемъ кабинетѣ, предоставивъ прислугѣ послѣднія попеченія объ усопшей. Только тогда, когда шумная толпа окружила домъ, въ ожиданіи выноса тѣла, вышелъ онъ изъ кабинета – блѣдный и мрачный.

– *Яко отецъ мой и мати моя остависта мя, Господь же воспріять мя,* читалъ псаломщикъ мѣрнымъ, протяжнымъ голосомъ.

– Замолчи! крикнулъ Пустовцевъ. Всѣ предстоявшіе вздрогнули. Онъ приблизился къ гробу, вмѣщавшему въ себѣ бранные останки его жертвы, окинулъ презрительнымъ взглядомъ святыню, принесенную изъ храма Божія въ домъ плача и рыданій, и медленно пошелъ во внутреннія комнаты, давъ

знакъ начинать послѣднюю церемонію.

Не было недостатка въ любопытныхъ, про-
вожавшихъ гробъ страдалицы; не было недо-
статка и въ слезахъ поздняго сожалѣнія. Лю-
ди плакали, какъ крокодилы, надъ убитой
ими жертвой....

Процессія приближалась къ кладбищу.
Звучное и грустное пѣніе хора далеко разно-
силось по окрестности, и будничные труже-
ники бросали свои занятія и опрометью
бѣжали въ улицу, гдѣ представлялся пред-
метъ ихъ праздному любопытству.

У самага подъѣзда къ кладбищу стоялъ до-
рожный экипажъ; онъ медленно отѣхалъ въ
сторону, замѣтивъ приближеніе печальной
колесницы. Снявъ шапку, приподнялся ку-
черъ на козлахъ и сталъ набожно креститься.
Гробъ внесли въ ограду. У часовни Надежды
Софьиной стоялъ какой-то господинъ, одѣтый
по дорожному. Онъ только что кончилъ мо-
литву, и на глазахъ его еще не высохли слезы
тихой христіанской грусти и теплаго чувства.
Проѣзжій повернулся и спросилъ проходив-
шаго мимо гробокопателя: кого это хоронять?

— Пустовцеву-съ, — барыню, отвѣчалъ гро-

бокопатель, проворно удаляясь.

Проѣзжій задрожалъ; обѣими руками оперся онъ о холодную стѣну часовни, и слезы ручьемъ полились изъ необсохшихъ еще глазъ его.

Это былъ Софѣинъ.

Вдругъ по всей толпѣ электрическою искрой пробѣжало какое-то смятеніе.

— Что такое? спрашивали одни.

— Застрѣлился, отвѣчали другіе.

— Кто?

— Пустовцевъ.

И уstraшенная толпа разошлась съ кладбища, и никто не пошелъ въ домъ, покинутый страдалицей и заклеименный самоубійствомъ отступника.

На другой же день къ ночи видѣли бѣлый, сосновый гробъ, вывозимый за городъ полицейскими служителями, въ сопровожденіи квартальнаго, да двухъ какихъ-то бабъ и полупьянаго инвалида, безопасно разсуждавшихъ о происшедшемъ. Прохожіе останавливались на минуту, но не видя ни креста, ни иконы, удалялись, не сказавъ даже покойнику "царствія небеснаго". А въ модной

ресторации, мимо которой везли бѣлый сосновый гробъ, раздавался громкій, но невѣрный голосъ Племянничкова, распѣвавшего во все горло: "вотъ развалины тѣ! На нихъ печать проклятья; на нихъ отяготѣлъ правдивый гнѣвъ Небесъ!"

Конецъ.